

ЛЕХАИМ N 10 (210)

ОКТЯБРЬ 2009г.

ТИШРЕЙ 5770

Послания Любавичского Ребе

Здоровье тела, сознания и духа.

Ḥiḥō āāēō āēü Öíēi - Áāđ Áāéí áāđā

О СТАРОСТИ

Красота старших.

В последние десятилетия наметилась тенденция, в соответствии с которой старение рассматривают как серьезный физический недостаток. Всякий человек после пятидесяти лет считается «перешагнувшим рубеж», родители и друзья объясняют, что он уже не так молод и должен смотреть на вещи проще.

Скоро пожилому человеку начинают тонко намекать, что ему лучше уйти с честью сейчас, прежде чем его «уйдут», – особенно если ему наступает на пятки некто молодой, который нашептывает боссу, что пожилому коллеге стоило бы освободить место для других.

Молодые считаются более способными и дешевыми работниками, начинают они с низких зарплат. Если пожилого хотят сохранить на работе, ему оказывают честь, отведя скромное место на иерархической лестнице компании. Иногда к нему даже обращаются за советами, впрочем, никогда этим советам не следуя.

Когда пенсионный возраст наконец наступает, ему приходится смириться с тем, что теперь он человек второго сорта. Общепринятое мнение о пожилых людях как

некомпетентных и бесполезных так угнетает его, что он чувствует себя ненужным, обузой для окружающих. Это приводит к негативному психологическому эффекту: человек испытывает обиду и впадает в депрессию, что скверно влияет на его физическое состояние.

Скоро его отсылают в дом престарелых, а дети оказывают ему честь, отрываясь на полчаса от гольфа или пляжа, чтобы посетить его. Они постоянно напоминают ему, как дорого содержать его в доме престарелых.

Раз в год, в День отца, сын его посылает секретаршу купить модный галстук и мчится с ним к отцу: «Видишь, папа, я не забываю тебя!» Потом он устремляется обратно, туда, где может с чистой совестью заняться делами – до следующего года, когда купит отцу еще более модный галстук.

Такое отношение имеет свои оправдания с точки зрения прогресса. Технологии совершенствуются, рабочих на производствах заменяют автоматы, и многих людей приходится увольнять. Насколько же лучше дать им шанс уйти раньше положенного возраста, тем самым облегчая ситуацию.

Самое неприятное во всем этом, что общество не принимает во внимание огромный опыт пожилых людей, добытый тяжким трудом. Претерпев много бед и испытаний, они научились справляться с самыми трудными жизненными проблемами и могут стать бесценным источником мудрых советов для молодежи, у которой такого опыта нет.

Так происходит в семье и общине, в бизнесе и производстве. Пожилой человек обретал опыт непросто: он овладевал профессией, развивал новые методы, на своих ошибках научился правильно поступать в той или иной ситуации.

Такой бесценный запас знаний приобретают на протяжении многих лет. Высококвалифицированный работник имеет возможность давать советы и обучать молодых коллег оптимальному решению проблем, с которыми те нередко сталкиваются. Прислушавшись к такому совету – плоду многолетнего опыта, – они избежали бы серьезных ошибок.

Но, вместо того чтобы использовать этот опыт, вместо благодарности за годы преданной службы компании и воспитания молодых работников, которых терпеливо вводили в курс дела, общество принимает ложное решение, что следует заменить пожилого человека на кого-нибудь помоложе – хотя тот часто незнаком с самыми элементарными навыками в работе компании. Качество приносят в жертву сомнительным преимуществам юности.

По мере роста уровня жизни количество пенсионеров все увеличивается, и вскоре они усваивают взгляды общества на них как на бесполезных и ненужных – особенно если их принудительно отправили на пенсию, чтобы освободить место молодым.

Если они не оказываются в домах престарелых, то бесцельно маются между приемами пищи, делами в центре пенсионеров, мелким шоппингом и прогулками по кварталу. Иначе они вообще не знали бы, чем заняться.

В домах престарелых не менее серьезные проблемы. Персонал выбивается из сил, чтобы придумать для пожилых людей занятия, сделать их времяпрепровождение более приятным.

Очень жаль, что такое отношение к старикам глубоко укоренилось в сознании жителей нашей страны. Все слои общества, включая правительство, могли бы так много почерпнуть из коллективного опыта и знаний пожилых людей.

Наверное, не следовало бы возлагать на пожилых людей служебные обязанности в полном объеме, поскольку физически они уже не так крепки и порой болеют. Но полностью исключать их из активной жизни – жестоко по отношению к ним и недальновидно по отношению к обществу.

Молодежи, разделяющей такое отношение к пожилым людям, следовало бы оценить его последствия. Тенденции настоящего времени, особенно дурные, безудержно ускоряются – равно как скорее выполняются работы: когда-то они требовали многих дней и месяцев, а теперь на них уходят минуты.

Весьма вероятно, что нынешнее молодое поколение будет считаться старым на десять лет раньше, чем их предшественники!..

В сущности, об этом говорит пятая заповедь: «Чти отца твоего и мать твою, дабы продлились дни твои на земле, которую Г-сподь, Б-г твой, дает тебе». Если хочешь, чтобы твои собственные дни продлились благодаря почетному и полезному вкладу в общество, почитай и уважай старших.

То, что одна из первых заповедей, дарованных еврейскому народу на Синае и выбитых на двух каменных скрижалях, относится к старшим, свидетельствует о важной роли, отведенной им в Торе.

Взгляд Торы на старость радикально расходится со взглядами современного общества. Долгожительство и преклонный возраст Тора считает величайшим благословением. «Долголетие возвестит мудрость» (Иов, 32:7), – говорится в библейском стихе. «Чем старше изучающие Тору, тем основательнее их знание», – сказано в Талмуде (конец трактата Киним).

Членам Сангедрина (высшего еврейского суда и государственного органа в библейские и мишнаитские времена) полагалось быть старше семидесяти лет. Тора (Шульхан арух, Йоре деа, 244:1) предписывает вставать перед людьми старше семидесяти лет, даже если они не ученые, из уважения «к испытаниям и трудностям, которые они преодолели» (Кидушин, 33а).

Концепции «пенсионного возраста» не существует в Торе. От рождения и до последнего момента жизни еврей неизменно включен в «воинство Б-жье», ибо он «создан для служения Творцу» и не может оставить свой пост.

Напротив, в последние годы жизни, освободившись от обязанности содержать семью, от деловой суеты, он получает превосходную возможность глубже погрузиться в изучение Торы. Теперь ему удастся наверстать то, что было упущено в молодые годы.

Человеку, вынужденному отправиться на пенсию, не стоит впадать в отчаяние, он должен поразмыслить об истинных причинах того, что с ним произошло. Резоны компании не имеют никакого значения: Творец, несомненно, создал для него такую ситуацию, при которой свободное время может быть использовано с максимальной пользой.

Находясь в мире жесткой конкуренции, он вершил дела не самым достойным образом. Его постоянно одолевало искушение ущемлять права других, порочить людей, заключать нечестные сделки, совершать другие грехи, перечисленные в еврейском гражданском праве (четвертый раздел Шульхан арух).

Теперь ему незачем неусыпно контролировать подчиненных, льстить начальству, ломать голову над тем, где отыскать деньги, и строить бизнес на песке. Теперь он сам себе хозяин и посвящает несколько часов в день изучению Торы.

К счастью, здоровье его все еще в порядке, разум за прошедшие годы только окреп, и он понимает предмет гораздо лучше молодых.

Чтобы поощрять пожилых к изучению Торы, целесообразно создать соответствующую сеть кружков с фиксированным временем занятий, где учились бы люди примерно одного возраста.

Предмет изучения нужно выбирать, согласовав его с учащимися, в соответствии с их уровнем знаний; учеба должна включать изучение недельной главы Торы, что объединило бы такие группы по всему миру.

Группам следует собираться для занятий до или после одной из трех ежедневных молитв, и на столе во время занятия должен стоять ящик для сбора пожертвований (а еще лучше, чтобы, по согласованию с членами группы, была дополнительно организована беспроцентная ссуда).

Так все группы объединились бы в мировую общину, на «трех столпах, на которых стоит мир: Тора, авода (служение) и гемилут хасадим (добрые дела)».

Было бы также желательно присвоить подобным группам названия, дабы поощрять пожилых людей присоединиться к ним. Хорошее название, например: колель – его дают ныне учреждениям, где молодые люди обучаются после заключения брака.

Таким группам нужно также давать дополнительное название – «Тиферет Зекейним» («Красота старших»). Оно напоминало бы о группах, которые создал в 1920-х годах в Советской России мой тесть, Ребе, для людей, не имеющих возможности посещать подпольные ешивы, для продолжения изучения Торы.

Это предложение прозвучало 20 ава, в годовщину смерти (в 1944 году) моего отца, рабби Леви-Ицхака Шнеерсона (до 1939 года раввина Екатеринослава, Украина), который, несмотря на огромные трудности и угрозы, мужественно посвятил жизнь тому, чтобы привлечь к изучению Торы людей всех возрастов, включая пожилых. Поэтому было бы справедливо добавить к названию группы и его имя – «Колель Тиферет Зекейним Леви-Ицхак». Хотя, конечно, главная задача – поощрять изучение Торы, и название группы здесь не имеет первостепенного значения.

Посещение групповых занятий примет более массовый и регулярный характер, если будет обеспечено недельное или месячное денежное пособие: оно способствует повышению чувства ответственности у членов группы. Но опять-таки, это не первостепенное требование, и оно зависит от местных условий. Цель же – достижение наилучших результатов.

Дома престарелых, персонал которых активно ищет возможности занять пожилых людей и украсить им жизнь, особенно подходят для организации групп изучения Торы.

Подобные группы следует создавать и для женщин, но называться они должны не «Колель», а «Тиферет Хохмат Ношим» («Красота женской мудрости»).

Хотя женщины не обязаны изучать Тору так же, как это делают мужчины, самое разумное в настоящее время – организовать изучение Торы и для них.

Пожилые женщины наделены в значительно большей мере такими качествами, как доброта, мягкость, нежность. Они на редкость хорошо подготовлены к тому, чтобы влиять на других женщин, включая самых молодых, и вести их к чтению Торы и исполнению мицвот.

Им следует изучить детали тех мицвот, которые относятся к женщинам, особенно кашрут и таарат а-мишпаха, а также недельную главу Торы и основные положения еврейской веры. Тогда, в дополнение к вышеупомянутым внутренним качествам, они освоят и глубокую мудрость Торы, благодаря чему их аргументы станут убедительнее.

Тем самым их советы помогут молодым вести дом на основе иудаизма и избегать практики, противоречащей духу Торы. Они также будут побуждать своих детей и внуков давать их потомству еврейское образование и избегать даже потенциальной опасности смешанных браков.

Осуществление всего этого отчасти избавит пожилых людей от чувства неполноценности. Уныние, вызванное их «печальным» уделом, сменится радостью, ибо они обретут возможность сделать последние годы своей жизни поистине «золотыми годами», наполненными Торой. Они будут все чаще проявлять добрые чувства к окружающим и совершать дела милосердия, особенно в том, что касается изучения Торы. Одна из уникальных особенностей Торы состоит в следующем: те, кто погружается в нее, все глубже понимают эту книгу и испытывают наслаждение, изучая ее.

Таким образом, пожилой человек может стать уважаемым членом общины, ежедневно изучая Тору вместе со своими сверстниками и радуясь каждой минуте занятий.

Он почувствует уверенность в себе, а это позволит свободно подойти к молодому человеку, столкнувшемуся с определенными проблемами, и, дружески хлопнув его по плечу, объяснить, как сам он много раз преодолевал такие же проблемы и научился не отчаиваться.

Кроме того, он может познакомить молодого человека с соответствующими высказываниями наших мудрецов, с рассказами из Талмуда, мидраша, посоветовать ему смотреть на все оптимистически. В этой роли пожилой человек будет наверняка чувствовать себя лучше, чем в деловом мире, когда у него не оставалось бы времени для окружающих.

Прежде всего нужно помнить: учение Торы необходимо распространять среди всех евреев, в частности и пожилых. Мы также должны выработать новый подход к пожилым людям, которых вынуждают незаслуженно страдать – не по их вине, а из-за современного недальновидного отношения к ним.

Наши мудрецы говорят (Ялькут Шимони, Эйха, 10:34): когда человек изучает Тору, Сам Б-г, Податель Торы, находится напротив него и повторяет тот же отрывок. А согласно мидрашу, когда Тора была дарована на горе Синай, Б-г явился еврейскому народу как «добрый седобородый патриарх, исполненный милосердия».

Пожилой человек, которого пригласили принять участие в групповом изучении Торы, когда он слушает или произносит слова Торы, должен видеть, как Б-г стоит против него и повторяет те же слова. Он должен помнить также о том, что Б-г есть «Древнейший всех дней», поэтому следует разделять с Ним старость, уподобляясь Ему.

Пусть он поймет, как можно быть уважаемым в наступающей старости: наши мудрецы переводят слово «закен» («старый») как «зе ше-кана хохма» («тот, кто обрел мудрость»).

Снизьте нагрузку и не выходите на пенсию.

<...> Отвечаю на Ваше письмо, в котором Вы пишете о своем состоянии здоровья и мнении врачей о необходимости Вашего ухода с должности раввина, а также о последствиях Вашего ухода для общины. Пишете Вы и о том, что община возражает...

Надеюсь, беспристрастно проанализировав ситуацию, Вы наверняка найдете способ снизить Вашу нагрузку и при этом остаться на нынешней должности, организовав все таким образом, чтобы удовлетворить также Вашего доктора.

Примите во внимание: сами врачи полагают, что человеку необходимо быть загруженным работой (хотя ее объем не должен превосходить его физические возможности), поскольку безделье отрицательно сказывается на здоровье – не только на психике, но и на организме в целом. Полагаю, доктор согласится, чтобы Вы по-прежнему работали, но с пониженной нагрузкой, возможно, он и сам посоветует Вам так поступить.

Это совершенно правильно, поскольку «заслуги многих» (см. Пиркей Авот, 5:18), которым Вы помогаете, укрепят Вас в добром здравии: ведь Вы, несомненно, делаете добрые дела для иудаизма и насаждаете живительный источник хасидута в Вашей общине.

Работа в «золотые годы».

<...> Вы пишете, как Вас огорчает Ваша мама, которая продолжает работать, несмотря на преклонный возраст.

Понятно, не все виды труда одинаковы. Однако принципиально важно, что именно по достижении определенного возраста людям важно занять себя той или иной формой работы – это отвлечет их внимание от недугов.

Убежден, что работа, соответствующая физическому состоянию человека, важна для его здоровья и благополучия.

Составление завещания – средство для долголетия.

<...> Я получил от Вас два письма. Ко второму приложено завещание – нечто такое, что обретает смысл лишь после того, как Вы проживете долгую жизнь. Говорят, составление завещания – это средство для долголетия.

Возможные проблемы могут быть связаны вовсе не с сердцем, а с менопаузой.

<...> Вы пишете о Вашей тете. Судя по всему, с сердцем у нее в порядке, а боли вызваны возрастными изменениями (прекращение менструаций и т. п.). Следовало бы обратить на это внимание врача и посоветоваться с ним.

Если это подтвердится, нужно прибегнуть к лекарственным средствам, которые значительно улучшат ее состояние. Таких средств много. Более того, когда она будет знать точную причину болей (следствие менопаузы), это весьма успокоит ее – что само по себе очень ценно.

Ваша тетя, несомненно, знает о прекрасном обычае еврейских женщин давать цдаку перед зажжением свечей каждый эрев шабат и каждый йом тов. По крайней мере, она должна начать это делать сейчас.

Об особой деликатности в период менопаузы.

<...> Евреи всегда расходятся во мнениях – подобно тому, как не совпадают мнения у Вас с женой. Причина в том, что Б-г пожелал этого и соответствующим образом сотворил человека: двое людей не должны думать одинаково (Берахот, 58а).

После прекращения менструаций женщина реагирует на все гораздо острее (включая различие во мнениях). В таком случае желательно и благоразумно вести себя так, чтобы смягчить ситуацию – перевести разговор на другую тему, мягко и ненавязчиво успокоить.

Очевидно, следует выработать манеру поведения в соответствии с правилом, установленным в Шульхан арух адмур а-закейн (где Алтер Ребе говорит о том, что с женщинами надо обращаться мягче, поскольку они более чувствительны). Также очень важно, чтобы Вы уделяли внимание ее достоинствам.

Все это в дополнение к тому, о чем мы говорили раньше, а именно: необходимо поддерживать женщину в ее делах – так, чтобы она находила в них удовлетворение и ее усилия приносили плоды.

Я – ЭТО Я, А НЕ ТО, КАК Я ВЫГЛЯЖУ

Аиде Эацад

В последней нашей беседе мы говорили о силе слова – силе, которую нельзя употреблять во зло. Нельзя, даже если это слово – правда или то, что кажется правдой говорящему. Злословие недопустимо и наказуемо.

Но сразу возникает вопрос: почему вообще человек проявляет интерес к злословию? Ведь Б-г заложил в каждого из нас естественную склонность к добру – зачем же говорить то, что может принести зло? И зачем прислушиваться к злым словам? К сожалению, ответ прост: когда мы говорим или слушаем речи о недостатках другого человека, у нас возникает представление, что этот человек хуже нас. А мы, соответственно, лучше. Не то чтобы мы действительно стали лучше, изменились в лучшую сторону – но мы получили «доказательство» того, что другой человек хуже.

А если человек нуждается в такого рода «доказательствах», это означает только одно: у него нет уверенности в себе. Сам он вовсе не убежден, что он хорош. Практический опыт общения с ближними однозначно доказывает, что человек, уверенный в себе, не будет говорить о других плохо: он просто не нуждается в том, чтобы самоутвердиться за чужой счет.

Проблема в том, что неуверенность в себе стала одной из наиболее распространенных болезней современной цивилизации. Люди платят уйму денег психологам, психоаналитикам, психиатрам, чтобы получить ответ на вопрос... кто они на самом деле. Сами они, следовательно, на этот вопрос ответить не могут. В Интернете огромным успехом пользуются сайты общения – всевозможные «Одноклассники», «В контакте»: мы постоянно получаем сообщения по электронной почте, приглашающие в разные сообщества, есть даже соревнование – у кого контактов больше. Каждый пишет о себе, помещает свои фотографии на сайте, старается превратить себя в информационный ресурс, самоутвердиться...

На первый взгляд что плохого в общении? Но общение через Интернет, особенно знакомство через Интернет, имеет целью создать имидж – иными словами, убедить других, что я такой, каким себя позиционирую. Самоутвердиться в чужих глазах. А какой я есть на самом деле – либо я это пытаюсь скрыть, либо просто не знаю.

Есть хасидская притча о человеке с жадной самоутверждения. Один еврей пришел к своему раввину и жалуется: «Ребе, в синагоге все меня толкают, все на меня, как говорится, наезжают. Повлияйте как-нибудь на людей!» А ребе ему говорит: «Проблема не в них, а в тебе самом. Ты приходишь в синагогу, встречаешь во все разговоры, пытаешься всегда быть у всех на глазах... Ты находишься везде и не оставляешь места для остальных: каждый, кто хочет занять свое место, вынужден просто тебя оттолкнуть!»

Жажда самоутверждения, приобретения имиджа отчасти вызвана ложным представлением: в наш век массовых коммуникаций, когда можно по телевизору увидеть людей на другом конце планеты в режиме он-лайн, невольно возникает мысль, что и сам ты открыт для чужих взглядов. Все на тебя смотрят, и, следовательно, самое ужасное – это быть «недостаточно интересным» для окружающих. На самом деле человек интересен для окружающих ровно настолько, насколько сами они для него интересны – но стартовые

условия уже заданы. И вот люди вертятся перед зеркалом больше времени, чем читают, вот они делают эпиляции и подтяжки, сглаживают морщины, тратят уйму денег, чтобы «выглядеть»... Зачем? Уж никак не для человеческого общения: друзей мы выбираем не по морщинам.

И вот тут как раз скрывается вторая причина «имиджевой мании»: приоритеты потребительского общества. Потребитель должен потреблять, а поскольку реальные потребности человека в материальной сфере ограничены, его убеждают в насущной необходимости обладания ненужными вещами. Это, видите ли, улучшает имидж: каждый год новая машина, новая электроника, новая внешность... Недаром говорится, что человеку «никогда не бывает достаточно того, что ему не нужно».

Культ имиджа поддерживает мощная индустрия рекламного бизнеса, телевидение, глянцевого журналы и великая армия «визажистов» и «имиджмейкеров». Все они стараются подавить уверенность человека в себе – и одновременно сделать его поведение демонстративным, вызывающим, нескромным. Ведь только человек, твердо знающий, кто он и что он, уверенный в себе, может быть скромным. Это кажется парадоксом – обычно мы считаем уверенность в себе и скромность противоположными понятиями. На самом деле противоположны друг другу скромность и самоуверенность – а это вовсе не то же, что уверенность в себе. Самоуверенность – это «уверенность напоказ»: главное, чтобы другие думали, что у меня все в порядке. Это «имидж уверенности» у человека, оценивающего себя все более и более низко. У человека, все менее и менее счастливого и потому постоянно нуждающегося в том, чтобы самоутвердиться за чужой счет.

Наверное, только верующий человек гарантирован от попадания в этот порочный круг. Верующий знает, что открыт перед Б-гом, и никакой имидж тут не поможет. Поэтому вера в Б-га придает скромность, а со скромностью приходит уверенность в себе. Скромность верующего – это не низкая самооценка («я – никто»), а самооценка реальная: «я – это я». Кто я есть – это не другим определять. Я – другой, не такой, как они; они – не такие, как я. Б-г ставит для меня задачи и обеспечивает возможностями, чтобы эти задачи решать. Просто я должен использовать дарованный мне потенциал по максимуму.

Знаменитый цадик реб Мендл из Коцка говорил: «Если я есть я, потому что я не ты, а ты есть ты, потому что ты не я – значит, я не я и ты не ты». Эта фраза звучит парадоксом, но на самом деле в ней скрыта великая мудрость. Если «я» – это только «не ты», то есть то, что меня противопоставляет другим, – тогда у меня нет никакой самостоятельной ценности! Ценность человеку придает не то, чем он выделяется, а то, чем он является. То, каким его создал Б-г.

Такой подход снимает весь комплекс проблем, связанных с потребностью в самоутверждении. Мы утверждаем себя в этой жизни, хорошо выполняя Закон и заповеди, – утверждаем перед Б-гом, а не перед сообществом «имиджмейкеров».

РЕАЛИИ ВСЕМИРНОГО ПОТОПА

עֵשֶׂת אֲשֶׁר־עָד

Рассказывая о Всемирном потопе, Тора скрупулезно придерживается хронологической точности – указывает даты начала, конца и основных его этапов.

«В шестисотом году жизни Ноаха, во втором месяце, на семнадцатый день этого месяца, – в день этот разверзлись все родники великой бездны, и небесные окна распахнулись, и был дождь на земле сорок дней и сорок ночей» (Берешит, 7:11, 12). «В тот самый день» (Берешит, 7:13) Ноах с тремя сыновьями и четырьмя женщинами – их женами – вошли в Ковчег и разместили в нем все пришедшие к ним живые существа, которым предстояло обновить жизнь на земле после окончания Потопа.

«И был Потоп на земле сорок дней, и умножились воды, и понесли Ковчег, и он поднялся с земли; и выросли воды, и чрезвычайно умножились на земле, и двинулся Ковчег по поверхности вод. И воды росли все больше, все больше над землей – и покрыли все высокие горы, которые только есть под небесами: на пятнадцать локтей выше выросли воды – и покрыли те горы» (Берешит, 7:17-20). Водная толща росла над землей в целом сто пятьдесят дней (Берешит, 7:24), и все живые существа, остававшиеся на земле, погибли.

Хронология Потопа

По истечении этих ста пятидесяти дней Всевышний пронес над землей дух умиротворения, отчего безбрежный океан, покрывший всю землю, перестал бушевать; закрылись все земные и небесные источники воды, и она начала очень медленно, но непрерывно убывать (Берешит, 8:1-3). «В месяце седьмом, на семнадцатый день этого месяца» произошло очень важное событие: Ковчег зацепился дном за «горы Арарата» (Берешит, 8:4) и остановился. В течение последующих двух с половиной месяцев воды все время продолжали убывать, а в десятом месяце, в первый его день, над поверхностью воды «показались вершины гор» (Берешит, 8:5). Прошло еще два месяца, и вот: «В шестьсот первом году (жизни Ноаха), в первом месяце, в первом дне месяца, высохли воды на земле...» (Берешит, 8:13). Ноах снял кровлю с Ковчега, и его обитатели в первый раз вдохнули полной грудью свежий воздух, «а во втором месяце, на двадцать седьмой день этого месяца, обсохла земля» (Берешит, 8:14) окончательно.

Раши, который в своем комментарии неоднократно подчеркивает, что его цель – объяснять только простой смысл Письменной Торы, укладывает весь период Потопа ровно в один год. От «семнадцатого дня второго месяца» до шестнадцатого дня того же месяца на следующий год – это лунный год (еврейского календаря), а еще одиннадцать дней до двадцать восьмого – солнечный год (принятый у других народов) (см. его комм. к Берешит, 8:14). В этом Раши следует хронологии Потопа, представленной в древней исторической книге «Седер олам» («Мировой порядок»; гл. 4) и Мидраше (Берешит раба, 33:7). Однако несколько парадоксально, что для приведения наиболее простого в целом комментария Раши пришлось допустить некоторые отступления от буквального смысла слов Торы, и эти отступления могут показаться натяжками. А именно: обозначения месяцев начала и конца Потопа он считает принятыми в Торе порядковыми номерами месяцев года («переводя» их на имена, которые они имеют в наше время). При этом Раши ссылается на два мнения, приводимые в Гемаре (Рош а-Шана, 11б): «месяц второй» (см. комм. Раши к Берешит, 7:11) – это, по мнению рабби Элиэзера, мархешван^[1], а по мнению рабби Йеошуа – ияр^[2]; «месяц первый» (Берешит, 8:13), когда «высохли воды на земле», – это, по мнению рабби Элиэзера, тишрей, а по мнению рабби Йеошуа – нисан (комм. Раши к Берешит, 8:13). А вот в обозначениях месяцев, на которые пришлось отдельные этапы Потопа, у Раши нет единообразия. И прежде всего, следует отметить, что здесь он следует только мнению рабби Элиэзера (которое стало общепринятым в отношении Потопа). Так, Раши указывает, что сорок дней ливней закончились двадцать восьмого кислева (в комм. к Берешит, 7:12) (то есть третьего месяца после тишрея), а сто пятьдесят дней Потопа – первого сивана (комм. к 8:3)^[3] (после чего вода начала убывать). Однако в объяснении, что такое «месяц седьмой» (комм. к 8:4), когда Ковчег зацепился за гору Арарат, Раши преподносит сюрприз, утверждая, что это – сиван. Хотя при отсчете месяцев от тишрея сиван – девятый, а при отсчете от нисана – второй, здесь, по мнению Раши, исходная точка – кислев – момент прекращения дождей. А «месяц десятый», когда «показались вершины гор», – это ав, который становится десятым при отсчете от... мархешвана, то есть начала дождей (комм. Раши к Берешит, 8:5)!^[4] Правда, в этих отклонениях от простого смысла слов Торы Раши также следует очень авторитетному источнику – уже упомянутому труду «Седер олам», и поэтому мы не будем углубляться в вопрос, какие основания есть для такого – весьма неожиданного на первый взгляд – истолкования. Наша цель – только показать, что история Всемирного потопа не так уж проста, как может показаться при поверхностном чтении рассказа о нем. Того, кто заинтересуется другими возможными истолкованиями его хронологии, отсылаем к комментариям Хизкуни, рабби Авраама Ибн-Эзры и рабби Давида Кимхи (Радака). Каждый из них старается по-своему более точно следовать буквальному смыслу слов Торы, но в конце концов получает результат, совершенно отличный от других.

Осадка Ковчега и скорость убывания вод Потопа.

Комментируя сообщение Торы о том, что, когда из-за ливней и открывшихся подземных источников воды на земле стало так много, что Ковчег «поднялся с земли» (Берешит, 7:17), Раши попутно замечает: «Погружен был он (Ковчег) в воду на одиннадцать локтей – как тяжело нагруженный корабль, который погружается частично в воду». Очевидно, это замечание нужно для того, чтобы мы представили себе: к этому моменту над землей уже выросла толща воды в одиннадцать локтей (по крайней мере, больше пяти метров). Откуда Раши взял величину осадки Ковчега, он подробно объясняет гораздо позже, комментируя сообщение Торы о том, что Ковчег сел на вершину горы Арарат «в месяц седьмой, на семнадцатый день этого месяца» (Берешит, 8:4).

«Отсюда ты учишь, – говорит Раши, – что был Ковчег погружен в воду на одиннадцать локтей». Как именно получается этот результат? «Ибо написано: “В (месяце) десятый, в первый день этого месяца, показались вершины гор (над поверхностью воды;

Берешит, 8:5)». Этот месяц – ав, то есть десятый (после мархешвана) от начала дождей, а воды стояли выше вершин гор на пятнадцать локтей[5]. И убыли воды от первого сивана до первого ава – за шестьдесят дней – на пятнадцать локтей: следовательно, на один локоть за четыре дня. Получается, что к шестнадцатому сивана воды убыли только на четыре локтя, и назавтра Ковчег уже опустился (настолько, чтобы зацепиться за вершину горы). Так выучил ты, что был Ковчег погружен на одиннадцать локтей в воды, которые стояли над вершинами гор».

Напомним, что вся высота Ковчега была тридцать локтей (Берешит, 6:15), – следовательно, он был погружен в воду немного больше, чем на треть. То есть под водой был его «трюм»: нижний ярус, куда сбрасывались все отходы (комм. Раши к Берешит, 6:16), служившие, очевидно, балластом.

Однако расчет Раши содержит в себе грозный «подводный камень»: он вызывает чрезвычайно острый вопрос. Ведь от первого ава до первого тишрея, дня, когда «высохли воды на земле» (Берешит, 8:13), – тоже шестьдесят дней; если же скорость убывания воды оставалась прежней – локоть за четыре дня, – то выходит, что «все горы высокие, которые только есть под небесами» в высоту были... всего пятнадцати локтей! Если же скорость убывания воды изменялась, то на это должен быть в Торе хоть какой-то намек. Раши же молчит – как обычно в тех случаях, которые совершенно ясны и не вызывают никакого вопроса даже у самого дотошного ученика. Значит, одно из двух: или самые высокие горы (в то время, по крайней мере) действительно были лишь пятнадцати локтей высотой, или же скорость убывания воды не была постоянной. Какое же из этих двух предположений правильное?

Две точки зрения в Мидраше

Мидраш раба (32:17) приводит два мнения о том, что практически означает «на пятнадцать локтей выше (вершин самых высоких гор) выросли воды». «Рабби Йеуда говорит: “Пятнадцать на горе и пятнадцать в долине”; рабби Нехемья говорит: “Пятнадцать на горе, а в долине – все, что были”». Иными словами, по мнению рабби Йеуды, вся суша земного шара чудесным образом «оделась» в водный покров повсюду одинаковой толщины: в пятнадцать локтей, рабби Нехемья же считает, что на всем земном шаре произошло наводнение, по своей форме совершенно естественное: вода поднималась все выше и выше, пока не поднялась на пятнадцать локтей выше вершин самых высоких гор. Значит, согласно точке зрения рабби Нехемьи, воды на земле было несравненно больше, чем по мнению рабби Йеуды: толщина водного покрова достигала высоты самых высоких гор плюс пятнадцать локтей, а над вершинами более низких гор вода поднялась намного выше!

Какой же из этих двух точек зрения соответствует комментарий Раши? Рассмотрим обе возможности.

По мнению рабби Йеуды, возникает трудность: если от первого сивана до первого ава – за шестьдесят дней – вода убыла на пятнадцать локтей (как высчитывает Раши), то что же происходило за следующие шестьдесят дней – до первого тишрея? Целых два месяца вода «высыхала на земле», пока не исчезла окончательно (после чего земля, пропитавшаяся ею, высыхала еще месяц и двадцать шесть дней)? Не логичней ли предположить, что и по мнению рабби Йеуды толща воды росла не равномерно по всей суше, но сначала «одела» более низкие места, а потом уже поднялась на горы? Однако это как будто бы не очень-то соответствует простому смыслу слов Торы. А в свете комментария Раши рисуется такая картина: Ковчег застрял на вершине какой-то горы; через шестьдесят дней – когда она обнажилась – выяснилось, что это вершина горы Арарат, и еще шестьдесят дней Ковчег торчал там, пока вода отступала сверху вниз, в долину, и затем – через месяц и семьдесят шесть дней – высохла окончательно, после чего обитатели Ковчега вышли из него и спустились с горы в долину. Однако для того, чтобы представить все это, необходимо домыслить комментарий Раши – а комментарий этот, ориентируясь на простой смысл слов Торы, сам построен на простом смысле слов. Правда, в его содержании есть все уровни содержания Торы вплоть до самого глубокого – каббалистического, однако в дополнениях он не нуждается. Чего в нем не сказано – того, согласно позиции его автора, в нем быть не должно.

Поэтому представляется более правильным сделать вывод, что Раши разделяет точку зрения рабби Нехемьи: внизу, между горами, объем воды был меньше, нежели на поверхности Мирового океана, покрывшего весь земной шар. Раз он поднялся выше вершущек самых высоких гор, ничто его не ограничивало: он в самом буквальном смысле был безбрежным.

И тогда получает разрешение проблема убывания воды за время от первого ава до первого тишрея и становится понятным, почему Раши тут молчит. Скорость убывания воды действительно изменялась: сначала – пока объем водной толщи оставался близким к максимальному – она была очень малой, но затем – по мере того, как горы обнажались и объем воды становился все меньше – убывание воды все более ускорялось. Это настолько очевидно, что не требует отдельного объяснения: даже ребенок, наблюдающий, как вода, налитая в воронку, выливается в бутылку, видит, что если сначала уровень воды понижается медленно, то остатки воды в воронке «убегают» в ее отверстие очень быстро^[6].

И заметим попутно, что мнение рабби Нехемьи дает также ключ к разгадке некоторых тайн современной палеонтологии. По всей территории Англии, в пещерах, находящихся довольно высоко (до 480 м) над уровнем моря, найдены останки древних

животных – таких, как мамонты и саблезубые тигры, – вперемешку с костями тех, кто как будто бы никогда не жил в Англии: слонов, носорогов и гиппопотамов. А в провинции Северный Уэльс, на высоте 130 м над уровнем моря, обнаружены жилища людей, уничтоженные мощным приливом океанской воды и заполненные морским песком. Огромные валуны и целые каменные блоки (весом в десятки тонн!) были перенесены на очень далекие расстояния: из Скандинавии – на Британские острова и в Германию, из Финляндии – на Карпаты, на Валдайскую возвышенность и даже в долину Дона. Этот феномен пытались объяснить действием ледника, якобы покрывшего всю Европу 2–3 млн лет назад, но слишком многие факты противоречат такой трактовке. Например, артефакты, которые относят к ледниковому периоду, найдены в самом жарком месте Бразилии и даже в Экваториальной Африке. А в Индии – как выяснилось на основе обнаруженных находок – лед отнюдь не спускался с гор (как полагалось бы ему по законам природы), а, напротив, поднимался с низменностей к подножию Гималаев! На территории США, на высоте почти 200 м над уровнем моря, в слоях, которые относят к последнему «всплеску» ледникового периода (то есть около 600 тыс. лет назад) оказались кости... китов! А между тем, если учесть, какие бури могли бушевать в течение года, пока длился Всемирный потоп, перечисленные факты представляются уже не столь удивительными. И очевидно, что такое могло происходить только согласно трактовке Потопа рабби Нехемьи, потому что – если не прибегать к объяснениям, выходящим за рамки законов природы, – при Потопе в интерпретации рабби Йеуды подобные катаклизмы вряд ли имели место.

[1] Второй месяц после тишрея, начинающегося с Рош а-Шана. Пока перед самым исходом из Египта Всевышний не объявил Моше и Аарону, что отныне нисан (месяц Исхода) будет считаться первым месяцем года и счет остальных месяцев будет начинаться с него, первым месяцем считался тишрей.

[2] Второй месяц после нисана. Рабби Йеошуа считает, что, хотя Потоп был до исхода из Египта, Тора при обозначении месяцев все равно называет их теми номерами, которые они получили намного позже. (Аналогичным образом Тора упоминает «поле» – то есть территорию – Амалека, говоря о временах Авраама [Берешит, 14:7; см. комм. Раши], – хотя тогда Амалека еще не было.)

[3] Раши производит расчет, отсчитывая количество дней от прекращения дождей: 3 оставшихся дня кислева, 29 дней тевета и 118 дней швата, адара, нисана и ияра – всего 150.

[4] И он доказывает здесь свою точку зрения, опровергая возможные возражения.

[5] По крайней мере, на 7 м с четвертью.

[6] См. комментарий к комментарию Раши рабби Элияу Мизрахи (Реэма), в котором он останавливается на проблеме ухода с земли всех вод Потопа за шестьдесят дней и объясняет ее изменением скорости убывания воды, однако причину этого явления не объясняет, называя ее «очевидной».

ИСТОРИЯ ПОТОПА В ТОРЕ И ВАВИЛОНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Ī ādēī ā Êādī īāā

В одной из статей раввина Адина Штейнзальца рассказан следующий случай. Некий иерусалимский раввин оказался в больнице, в одной палате с известным профессором-археологом. Тот, решив подшутить над ним, спросил: «А знаете ли вы, что Всемирный потоп был подробно описан в одной языческой поэме?» Раввин отреагировал совсем не так, как предполагал ученый, – он начал... горячо благодарить его: «Понимаете, я всю жизнь недоумевал, почему о таком событии, как Потоп, помнят только евреи. И вот, наконец, вы меня успокоили».

Судя по всему, простодушный раввин не совсем понял, чем именно хотел уязвить его собеседник. Дело в том, что шумерский эпос «Песнь о Гильгамеше», где описан Всемирный потоп, современные ученые относят к периоду, на столетия предшествующему дарованию Торы. При этом множество деталей повествования точно соответствуют тому, что сказано в Торе. В обоих случаях спасается одна семья из всего человечества; Б-г/бог предупреждает того, кто будет спасен; подобно Ноаху, герой поэмы Утнапишти строит специальное судно, на котором спасается от разлившихся вод. Средство спасения – специально построенное судно; вместе с человеком спасаются и различные животные; после Потопа корабль пристает к горе. Желая удостовериться, что вода спала, герой выпускает из ковчега птиц; выйдя из ковчега, он совершает жертвоприношение и т. д. Как только найденный археологами при раскопках в Месопотамии древний текст был расшифрован, переведен и опубликован, заговорили о том, что «история Ноаха – это миф, заимствованный у шумеров»^[1], а значит, библейский рассказ – попросту плагиат!

В этой статье мы не будем обсуждать, действительно ли евреи заимствовали историю о Потопе, или же, к примеру, речь идет о «бродячем» сюжете, что легко объяснимо, если вспомнить масштабы случившегося^[2]. Гораздо интереснее другое: сравнить мораль двух историй, библейской и шумерской. Можно ли сказать, что перед нами – лишь две версии одной и той же легенды, отличающиеся только именами героев? Или же, при всем сходстве сюжета и некоторых деталей, речь идет о двух текстах, несущих принципиально разную смысловую нагрузку и отражающих совершенно разные системы ценностей?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к первоисточникам – текстам книги Берешит и «Песни о Гильгамеше». Благо, эпос давно переведен на русский язык^[3] и даже выложен в Интернете в свободном доступе. Несомненно, библейское сказание и вавилонский эпос содержат множество общих элементов. Однако посмотрим, чем эти два рассказа о Потопе различаются.

Прежде всего, подумаем: что стало причиной Всемирного потопа? «Песнь о Гильгамеше» не объясняет, почему боги решили уничтожить человечество. Она просто сообщает: «Богов великих склонило сердце потоп устроить». Напротив, Тора дает на этот вопрос однозначный ответ: причиной Потопа стало преступное, аморальное поведение людей. Иными словами, для вавилонян смертоносный Потоп был результатом каприза богов, а для Торы – наказанием за грехи: «И растлилась земля пред Б-гом, и наполнилась земля грабежом. И увидел Б-г: растлилась земля, ибо извратилась всякая плоть на земле. И сказал Б-г Ноаху: “Конец всякой плоти настал предо Мною, ибо полна земля грабежом из-за них, и вот Я истреблю их с землею”» (Берешит, 6:11-13).

Как в Торе, так и в «Песне о Гильгамеше» высшие силы решают, что один человек должен спастись. Но по какому принципу принимается решение, кто именно будет спасен? Вавилонский эпос не объясняет, почему бог Эа решил спасти именно Утнапишти. Возможно, тот просто был его любимчиком:

Nāiōēīīēēē Yā nīēī ē āī āiōā ēēyēīy,

Īī ōēæēīā īī ēō nēīāī īīāāāē:

«Ōēæēīā, ōēæēīā! Nōāīēā, nōāīēā!

Nēōōāē, ōēæēīā! Nōāīēā, çāīīī ē!

Ōōdēīīāēēāō, nīī Ōāāō Ōōōā

Nīāīē æēēēūā, īīnōōīē ēīdāāēū

Īīēēīū ēçīāēēūā çāīīōūīy ī æēçīē,

Āīāōnōāī īdāōdē, nīāīēē nīīp āōōō!

С другой стороны, согласно Писанию, Ноах спасся потому, что был праведным человеком: «...Ноах, муж праведный, был непорочным в своих поколениях; с Б-гом ходил Ноах» (Берешит, 6:9).

Теперь посмотрим, как реагируют «организаторы потопа» в «Песне о Гильгамеше» на то, что не все человечество погибло:

Ōāēāā ēīdāāēū dāçūyōēēy Yēēēēū

Èmīēīēēy āāīī īā āīāā Èæāā

«Èæāy yōī āōōā nīāīēāīy?»

Īē īāēī ÷æīāēē īā āīēæāī āūē āūæēōū!

Вавилонский бог Эллиль, устроивший потоп, действительно намеревался погубить все человечество. Поэтому богу Эа, который хотел спасти Утнапишти, пришлось действовать тайно, хитростью.

Напротив, согласно Торе, Всевышний, устроивший Потоп, Сам позаботился о том, чтобы человечество не было им уничтожено:

«И сказал Б-г Ноаху: “Конец всякой плоти настал предо Мною, ибо полна земля грабежом из-за них, и вот Я истреблю их с землею. Сделай себе ковчег из дерева гофер, с клетями сделай ковчег, и покрой его смолой внутри и снаружи. И сделай его так: триста локтей – длина ковчега, пятьдесят локтей в ширину и тридцать локтей в высоту. Сделай просвет в ковчеге, и до локтя сведи его вверх, вход в ковчег помести сбоку; с нижними, вторым и третьим, ярусами сделай его. А вот Я наведу потоп, воду на землю – уничтожить всякую плоть, в которой есть дыхание жизни, – из поднебесья; погибнет все, что на земле. Но с тобой Я заключу союз, и ты войдешь в ковчег – ты, и твои сыновья, и твоя жена, и жены твоих сыновей с тобой. А от всего живого, от всякой плоти, по двое введешь в ковчег, чтобы

они остались в живых вместе с тобой; самцами и самками они пусть будут. Из птиц по их роду, и из скота по его роду, и из всех пресмыкающихся по земле по их роду, по паре из всех придут к тебе, чтобы остаться в живых. Ты же возьми себе всякую пищу, какую они питаются, и собери у себя; и будет она тебе и им для еды”. И сделал Ноах все, как повелел ему Б-г, так и сделал» (Берешит, 6:13-22).

Важно отметить, что, согласно Мидраш раба, Творец был вполне готов спасти от уничтожения не только Ноаха и его семью, но и все человечество, при том условии, что люди раскаются в своих поступках и будут вести праведную жизнь. Поэтому Он специально велел строить ковчег на глазах у всех: «Сказал Святой, благословен Он: “Если Я скажу ему: сделай себе ковчег из дерева гофер, и он будет стоять и трудиться, и рубить кедры, а они соберутся вокруг него и скажут: „Ноах! Что это ты делаешь?“ А он ответит: „Ковчег! Ибо сказал мне Святой, благословен Он, что Он приводит на землю потоп“; тогда услышат они и раскаются”. Так считал Всевышний, но они не обратили внимания на Ноаха»[\[4\]](#).

Напротив, в вавилонском эпосе Утнапишти не пытается спасти своих сородичей. Более того – по совету бога Эа! – он обманывает их относительно того, что их ждет, тем самым лишая этих людей малейшего шанса на спасение:

Yà ãñò à ìò èðñíé è ì ìéãèò,
Ì í á, ðàáó ññí àì ó, ìí ááù àáò:
«À ò ù ò áéçþ è ì ðá-üí ðñ ì ìéãè:
“B çí àþ, Ýééèëü ì áí ý í áí ááéãèò, -
Ì á áóáó ý áí èüó á æ è ò ü á áàò àì ãðááá
Ì ò ìí-áì Ýééèëü ñò ìí ù ì ò áðáù ó ý.
Ñí óì óññ é Ì éááí ó, é áéááñ éá Yá!
À í áá ááì è áñ æ áü ì ðñ èüáò ìí ì áéèññ ì,
Òáéí ó ì ò èò óçí àáò á, óááæ è ù à ðñ ááì,
Ì á çáì é á áóááò áñ þáó áí ñò á ý æ à ò áá,
Ó ò ðñ ò èüí áò è è ááñ ü à ìí-üþ
Òéááñ ü é áñ æ áü áì óçè ò á áñ-üþ ”».
Áááá çáì ý è ìññ ì è ý í é á ó ò ðá,
Ì í çí áó ì ì áì ó ááññ é ðáé ññ áðáéññ.”

Наконец, последний вопрос: почему прекратился Потоп? В вавилонском эпосе это происходит по одной причине: боги уstraшили последствия того, что сделали:

Áíæ ì ì ò ì ì à ãñò ðáò è è èññ

Í íáí ýèèñí, óáàèèèèñí í à í ááí Áí ó
Í ðèæàèèèñí, èàè í ñí, ðáñò ýí óèèñí ñí àðæè.
Èò ò àð èðè: èò, èàè á í óèàò ðíáíá
Áíñí áè à íáíá : áé í ðáèðáñáí ñ èíñ
«Í óñò ù áú ò íò ááí ù íáðàò èèññ á æéí ó
Ðàç á ñí áò á íáíá ý ðáø èèà çéíá
Èàè á ñí áò á íáíá ý ðáø èèà çéíá
Í à æááèù èðááè í íèõ áíéí ó íáíýáèèà».

В Торе – потому, что Всевышний помнил о Ноахе и решил позаботиться о нем и его семье: «И вспомнил Б-г Ноаха, и всех зверей, и весь скот, что с ним в ковчеге; и провел Б-г ветер по земле, и утихли воды» (Берешит, 8:1). Иными словами, по мнению вавилонян, их боги озаботились своими проблемами, в рассказе Торы Всевышний занимается проблемами Своих творений.

Подведем итоги. По представлениям вавилонян, их боги могут уничтожить все человечество безо всякой причины, по прихоти; по представлению Торы – Всевышний карает людей только в наказание за их преступления. Вавилонский бог Эа спасает Утнапишти только потому, что тот был его любимцем, и при этом дает ему совет, фактически погубивший всех остальных. Ноах спасен в награду за свою праведность. Вавилонские боги действительно хотели уничтожить все человечество, Всевышний же с самого начала спланировал все так, чтобы человечество выжило. И наконец, вавилонские боги прекратили потоп, поскольку не хотели лишаться жертв, а Всевышний – из заботы о Ноахе, его семье и других обитателях ковчега.

Очевидно, что при множестве общих деталей, между повествованиями о Потопе – библейским и вавилонским – есть и весьма значительные отличия, свидетельствующие о принципиальной разнице мировоззренческих подходов в рассматриваемых нами текстах. Соответственно, вопрос о том, был ли библейский сюжет о Потопе заимствован или нет, кажется нам второстепенным. Ибо, как сказано в трактате «Авот», «смотри не на кувшин, а на его содержимое» (Пиркей Авот, 4:27).

[1] См., например: Зенон Касидовский. Библейские сказания. М., 1966.

[2] В своей книге «Фольклор в Ветхом Завете» Фрезер пишет, что миф о Потопе известен многим народам от Греции до Америки. Невозможно предположить, что во всех случаях речь идет о заимствованиях.

[3] Эпос о Гильгамеше / Пер. с аккадского И.М. Дьяконова. М.–Л., 1961.

[4] Цитируется по: Нехама Лейбович. Новые исследования книги Бытие в свете классических комментариев. Иерусалим: Амана, 1997.

ПРАЗДНИК СУККОТ

Àäèí Øòáéí çäëíü

Среди трех больших еврейских праздников, посвященных исходу из Египта, Суккот занимает особое место.

Песах – годовщина выхода из рабства, а Шавуот отмечают в годовщину дарования Торы. Эти праздники непосредственно связаны с событиями особой важности в истории нашего народа и поэтому соотнесены с определенными днями года.

Праздник же Суккот, о котором в Торе сказано: «...в шалашах поселил Я сынов Израиля...» (Ваикра, 23:43), не отмечен каким-либо событием, связанным с исходом из Египта. В те дни, когда мы празднуем Суккот, с нашими праотцами в пустыне не произошло ничего примечательного. И вообще, их жизнь в шалашах не связана с чудом и сама по себе не была значительным событием, память о котором стоило хранить на протяжении многих поколений.

Наши мудрецы сняли эту проблему, дав такое объяснение: мы празднуем Суккот в благодарность Всевышнему за то, что во время странствий по пустыне народ Израиля окружали облака Его славы. Да, эти облака действительно были чудом, и Суккот – напоминание о нем. Но в таком случае нам придется задать себе два вопроса. Первый: какова связь между памятью об облаке славы Творца и временем, когда празднуют Суккот? Второй: почему понадобилось особо выделить событие, не имевшее судьбоносного значения в истории исхода евреев из Египта? Ведь нет праздников в память о манне небесной или огненном столпе? И еще одно: почему в Торе Суккот не связан с облаком славы Всевышнего – там и намек на это нет?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо углубиться в суть проблемы. Прежде всего, обратимся к первоисточнику. В Торе написано: «В шалашах живите семь дней; каждый житель Израиля должен жить в шалаше. Дабы знали поколения ваши, что в шалашах поселил Я сынов Израиля, которых вывел из Египта; Я – Б-г Всесильный ваш!» (Ваикра, 23:42, 43). Обратим внимание на слова «каждый житель Израиля». Слово «эзрах» («житель»), встречающееся в Танахе очень редко, выглядит здесь несколько странно. Но

попробуем понять, что именно сказано в разбираемом стихе, попытаемся увидеть происходящее в новом свете, отрешившись от того, что мы уже знаем об этом.

Итак, «в шалашах живите семь дней... дабы знали поколения ваши, что в шалашах поселил Я сынов Израиля, которых вывел из Египта». Какой смысл в этом повелении? Наиболее естественный вывод: Всевышний велит нам вернуться в шалашах наших предков. Выйдя из Египта, жили мы в шалашах, а теперь Он требует, чтобы мы вернулись в них на определенное время, и там вновь вспомнили об исходе из Египта. Если так, то мы имеем дело с явлением, характерным для всех других праздников: моделированием ситуации, в которой оказался наш народ в далеком прошлом. Но и этим не исчерпывается смысл праздника Суккот. Как и любой день памяти, он представляет собой не только ситуационную, но и психологическую реконструкцию, возвращая нас к состоянию, в котором мы тогда находились. Мы не просто повторяем уже пройденный этап, мы возвращаемся в него. Иначе говоря, это не только празднество, имеющее символическое значение, но реалья нашего сегодняшнего существования.

Возвращаясь к жизни в шалашах на семь дней, евреи заново учат урок, полученный ими в пустыне. Странствия по пустыне были, с одной стороны, лишь подготовкой к вступлению во владение нашей землей – Эрец-Израэль. В этом смысле они были лишь средством для достижения конечной цели: захвата и заселения ее. Однако, с другой стороны, никогда после этого Израилю не удавалось достичь той высоты, на которой он находился в пустыне, во всем, что касается духовного состояния и веры. Много поколений евреев видели в своих праотцах той эпохи пример и стремились усвоить их идеалы.

Связь Израиля с Всевышним была тогда особенно явной и прочной; центром жизни людей была Скиния Откровения – Святылище Г-спода, бразды правления были в руках величайшего из пророков. Ведя кочевую жизнь и питаясь маном, люди были свободны от забот о «хлебе насущном» и непосредственно ощущали присутствие Творца, Его власть над собой. Именно о таком состоянии написано в Торе: «...не одним лишь хлебом живет человек, но всем, что исходит из уст Б-га...» (Дварим, 8:3).

Это позволяет нам определить смысл праздника Суккот как возвращение народа от нормального, устойчивого, оседлого состояния к жизни, не привязанной к определенному месту, и к обретению абсолютной свободы, что делает Израиль подобным небесному воинству Всевышнего. Об этом не раз говорили пророки, которые идеализировали тот период и испытывали ностальгию по нему.

Эту идею вполне определенно выразил пророк Ошеа: «А Я – Г-сподь, Всесильный твой, [Который вывел тебя] из Египта – опять поселю тебя в шатрах, как в дни той поры» (12:10). Эти строки говорят о том, что Всевышний еще раз принесет освобождение своему народу, вернет нас к высокому состоянию духа, свойственному нам в то время, к первозданной искренности, как было в пустыне «в дни той поры» – те самые дни, дни, когда мы празднуем Суккот.

Остался открытым вопрос о датах празднования: почему мы должны отмечать Суккот именно в седьмом месяце? С этим связан еще один вопрос: как сочетаются различные смыслы праздника Суккот, знаменующего также завершение сбора урожая, ведь пребывание в пустыне – состояние, подчеркнуто противостоящее жатве?

Жатва – это пора, когда крестьянин собирает плоды своего труда. После того как собран урожай, ему незачем оставаться в поле (к празднику Суккот в Земле Израиля уже завершён сбор злаковых, фруктов и оливок, поэтому крестьянин может сидеть дома и радоваться, вкушая плоды своих трудов). Вот почему праздник сбора урожая – радостная дата. Это праздник благодарения: крестьянин благодарит Всевышнего за то, что Он послал ему удачу, земля – за то, что ее заселили и дети Израиля возделывают ее.

Однако этой укорененности, трудовому крестьянскому упорству противопоставлена наша независимость от земли, ибо мы подчиняем себя более значимой и высокой цели. Потому мы возвращаемся в шалаши и вместо того, чтобы сидеть по домам и беззаботно веселиться, выходим наружу. Уход из дома должен вселить в нас ощущение более высокого уровня реальности, возвратив к нашему первоначальному состоянию, в котором находился народ во время странствий в пустыне, – состоянию полной независимости от всего на свете, кроме Творца.

Между прочим, благодаря тому, что Суккот воссоздает явную связь с Творцом, существовавшую в те времена, становится очевидным смысл празднования Симхат Тора сразу после Суккот (точно так же праздник Дарования Торы, Шавуот, завершает временной цикл, начатый в Песах). Ведь дарование евреям Торы стало возможным только после того, как скитания вывели их на принципиально новый духовный уровень.

Это позволяет понять и смысл слова «жители»: постоянные обитатели страны, имеющие свое место на земле и связанные с ней. А смысл праздника Суккот состоит именно в том, чтобы такой человек отказался на время от своего прочного положения, от оседлости, и вернулся в то состояние, в каком был народ в пору его юности.

Суккот – это праздник, когда мы, с одной стороны, радуемся, наслаждаясь плодами наших трудов, с другой – декларируем нашу способность отказаться от достигнутого и вернуться к абсолютной независимости от всего земного, полностью отдавая себя во власть Всевышнего.

СИМХАТ ТОРА – ИСТОРИЯ ПРАЗДНИКА ТОРЫ КАК ИСТОРИЯ ТОРЫ

אָמִיד עִם עֲבָדַי

Если спросить московского еврея, который помнит советские времена, в чем уникальность праздника Симхат Тора, то, скорее всего, в ответ мы услышим примерно следующее: «Это был единственный день в году, когда власти разрешали нам публично выражать свое еврейство и когда многие из нас не боялись это делать». И действительно, начиная с конца 1950-х, тысячи людей, весь год почти не вспоминая о своем еврействе, именно в этот день заполняли немногочисленные оставшиеся синагоги, чтобы увидеть торжественное шествие со свитками Торы и потанцевать вместе с другими евреями.

Иностранцы наблюдатели, привычные к «нормальной еврейской жизни», обычно поражались размаху, с каким советские евреи праздновали Симхат Тора. К примеру, американский раввин Йосеф Телушкин, посетивший Москву в 1970-х годах, с нескрываемым изумлением писал: «В соответствии с общепринятой шкалой еврейских религиозных приоритетов Симхат Тора едва ли относится к наиболее важным еврейским праздникам: она даже не упоминается в Библии. И все же в течение многих лет в ночь на Симхат Тора евреи собирались у советских синагог, часами танцевали и пели ивритские и русско-еврейские песни».

Однако Симхат Тора – праздник, уникальный не только в истории советского еврейства. Многочисленные ритуалы и обычаи, без которых он сегодня немыслим, возникли в очень разные эпохи и в самых разных общинах, разбросанных от Атлантики до Индийского океана. Так что Симхат Тора – в том виде, в каком нам знаком этот праздник, – уникальный в еврейской истории результат «коллективного творчества» различных еврейских общин.

Для современных евреев Симхат Тора – это день, когда «заканчивают и начинают заново годовой цикл чтения свитка Торы и радуются этому» (Кицур Шульхан арух, 138:7). Однако в самой Торе об этом нет ни слова. Более того, Писание вовсе не объясняет, в чем смысл этого праздника, и просто указывает: «...в восьмой [\[1\]](#) день священное собрание пусть будет у вас, и приносите огнепалимую жертву Г-споду; это праздничное собрание, никакую работу не делайте» (Ваикра, 23:36).

Талмуд также ничего не говорит о том, что этот праздник как-то связан с циклом чтения Торы. Более того – в те времена существовали как минимум две традиции, касающиеся этого цикла. В Вавилонии евреи, как и сегодня, заканчивали чтение Торы за год (Вавилонский Талмуд, Мегила, 29б). Однако в Стране Израиля цикл был не однолетним, а трехлетним. Этого обычая придерживались и некоторые общины диаспоры. К примеру, знаменитый путешественник Биньямин из Туделы (XII век) пишет, что таков был обычай одной из общин Египта. Однако, по мере того как палестинские ешивы приходили в упадок, вавилонский обычай становился все более и более распространенным. Уже Рамбам свидетельствовал, что ему следует подавляющее большинство еврейских общин. Позднее эта традиция стала всеобщей.

Именно в Вавилоне возник обычай завершать чтение Торы во второй день праздника Шмини ацерет (в Стране Израиля он длится один день). Наиболее ранние свидетельства этого относятся к десятому веку[2]. Тогда же праздник получил свое второе название – Симхат Тора, то есть «радость Торы».

После этого праздник постепенно приобретал современные формы. Начало было положено евреями Вавилонии, которые в этот день веселились и танцевали. Следующий шаг сделали их ашкеназские братья во Франции в XII веке – там возник обычай читать в Симхат Тора «Ата орета» («Тебе дано было видеть») – подборку библейских стихов, которую сегодня произносят перед тем, как достать из ковчега свитки Торы: «Тебе дано было видеть, дабы ты знал, что Г-сподь – Б-г, нет другого, кроме Него» (Дварим, 4:35), «Кто один творит великие чудеса, ибо навеки милость Его» (Теилим, 136:4), «Нет подобного Тебе среди богов, Г-сподь, и нет деяний, подобных Твоим» (Теилим, 86:8) и т. д. (Махзор Витри, с. 45б).

В Симхат Тора принято завершать один цикл чтения Торы (недельной главой Везот а-браха – «И вот благословение») и тут же начинать читать по новой, с недельной главы Берешит («В начале») одноименной книги. Этот обычай возник в Испании, также в XII веке[3]. Чуть позже, во Франции, право публично читать этот отрывок стало почестью, а того, кто ее удостоивался, называли хатан Берешит – «жених книги/недельной главы Берешит» (Махзор Витри, с. 458). В XVII веке в Германии соответствующие почести были распространены и на жен тех, кто удостоился подобной чести, – их стали называть «калат (невеста) Берешит».

В праздник к Торе вызывают пятерых молящихся. Однако в Симхат Тора принято, чтобы алию получил каждый из пришедших в синагогу (поэтому недельную главу Везот а-браха читают несколько раз, иногда – одновременно в нескольких местах синагоги, по разным свиткам). Этот обычай появился в XII веке и тоже во Франции. А в XIV веке в Германии возникла другая популярная традиция – вызывать к Торе всех пришедших в синагогу несовершеннолетних мальчиков[4].

Центральным событием праздника, безусловно, являются акафот (букв. «кружения»), когда собравшиеся с песнями и плясками обходят синагогу со свитками Торы в руках. Этот обычай появился в Европе в начале XV века[5]. Первоначально акафа была только одна. Однако в XVI веке цфатские каббалисты увеличили их число до семи[6] – подобно тому, как во время осады Йерихо евреи семикратно обошли стены города, неся перед собой ковчег Завета.

Новые обычаи, связанные с праздником, появляются и в наши дни. К примеру, в Советском Союзе праздничные танцы, начавшись в синагоге, затем плавно перетекали во двор и в близлежащую улицу. В Москве это происходило на знаменитой «горке» – улице Архипова (сейчас – Спасоглинищевский переулок), где находится Большая хоральная

синагога. Иногда власти спокойно терпели это веселье, порой пытались разгонять танцующих, пуская грузовики по забитой народом улице. Однако каждый год все повторялось заново.

Знаменитый писатель, нобелевский лауреат Эли Визель, оставил восторженное описание этого празднества:

«Был вечер Симхат Тора. Тот, кто не видел буйного, стихийного веселья, охватившего всех присутствовавших у московской синагоги, не знает, что значит еврейский праздник и как его надо праздновать... Я не узнал улицу. Казалось, я нахожусь в Иерусалиме. Казалось, что улица улетает, небесные ангелы поют песни, царь Давид играет на лире, весь город радуется и я чувствую себя так легко, как будто парю в воздухе. В праздничную ночь Симхат Тора я гулял среди толпы молодых людей с одним гостем из-за границы. Это был еврей совершенно не религиозный, сухой рационалист – одним словом, современный человек левых взглядов, склонный к научно обоснованным идеям. Услышав, как восторженно пела молодежь: “Народ Израиля жив!”, он вдруг разразился слезами. Назавтра утром он пришел в синагогу на молитву.

– Ты не можешь себе представить: я стал верующим, – сказал он и, подумав немного, добавил: – Нет, не то. Эта молодежь сделала из меня настоящего еврея»[\[7\]](#).

По мере того как распространялись вести о праздновании советскими евреями Симхат Тора, во многих израильских, американских и европейских общинах также возник обычай танцевать не только в синагогах, но и на улицах. Причем, в отличие от своих советских братьев, евреи «свободного мира» нередко выносят с собой и свитки Торы.

Другая интересная традиция возникла в Израиле, где на исходе праздника принято устраивать так называемые «вторые акафот». Тем самым израильтяне выражают свою солидарность с евреями, живущими в странах рассеяния и начинающими праздновать Симхат Тора как раз в это время. В отличие от праздничных акафот, которые происходят, естественно, в синагоге, «вторые акафот» устраивают на городских площадях и в других публичных местах. Кроме того, на них принято приглашать оркестры и музыкальные ансамбли (в сам праздник музыка, конечно, запрещена). Поэтому во многих местах они привлекают гораздо больше народа, нежели традиционное празднование в синагоге.

Итак, праздник Симхат Тора приобрел привычный нам облик в результате почти тысячелетнего совместного творчества евреев всего мира. Причем более поздние поколения не только тщательно сохраняли традиции, унаследованные от предшественников, но и творчески преумножали их, привнося в празднование все новые и новые элементы. На наш взгляд, в этом есть что-то глубоко символичное. Ибо история «праздника Торы» оказалась похожей на историю... самой Торы, то есть еврейской традиции, Торы, которая началась на Синае и продолжается до наших дней.

Обрядность праздника – результат многовековых «совместных усилий» евреев, живших в разное время и в разных странах, – усилий, где «француз» Раши и «поляк» Моше Иссерлес трудились бок о бок с «палестинцами» Шломо Алькабецем и Ицхаком Лурией, а «египтянин» Рамбам или «испанец» Ибн-Эзра – с «итальянцем» равом Моше-Хаимом Луццатто и «белорусом» равом Шнеуром-Залманом из Ляд. Тора не была бы Торой, если бы евреи не хранили традиции, полученные от предков и не преумножали их в каждом поколении.

Тору нередко называют «Эц Хаим», что можно перевести и как «Древо жизни», и как «Древо живое». Важнейшее же свойство живого дерева – то, что оно растет, не отрываясь от корней. Поэтому история праздника Симхат Тора – лучшее, на наш взгляд, свидетельство того, что этот образ, безусловно, верен.

^[1] От начала праздника Суккот.

^[2] См.: Рав Ицхак Ибн-Гият. Шаарей симха.

^[3] См.: Рабби Йеуда а-Барселони. Перуш ле-сефер Йецира.

^[4] См.: Там же. С. 457; Минагей Маариль, изд. Шпитцера, с. 389.

^[5] См. : Минагей рав Ицхак Тырна, изд. Шпитцера, с. 138.

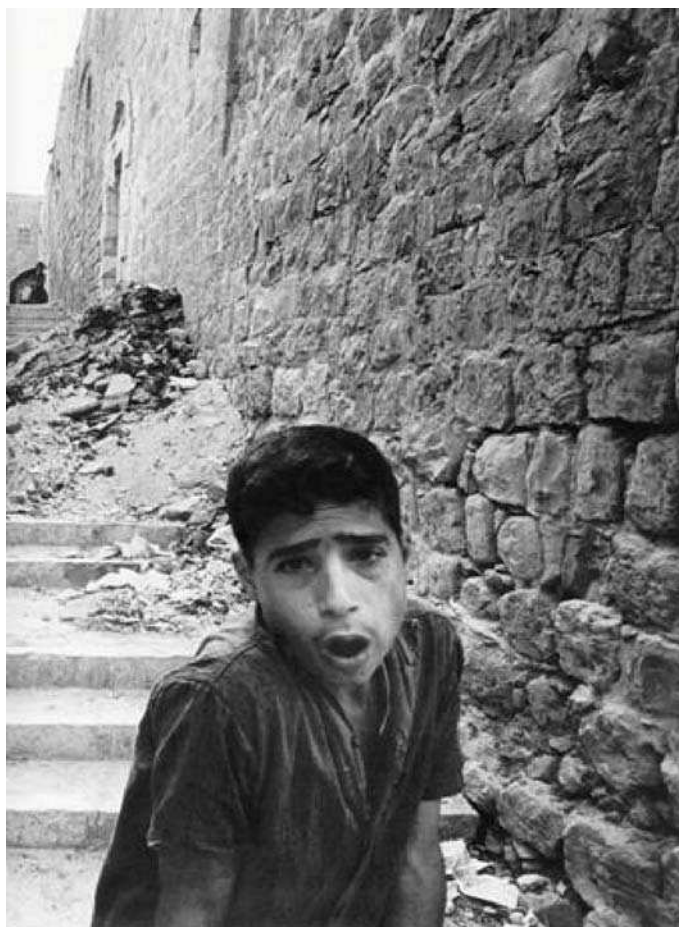
^[6] См. : Рав Хаим Виталь. Сефер а-каванот. Врата 6.

^[7] См. : Elie Wiesel. Jews of Silence. Schocken; Rev Sub edition, 1987.

ВЗАИМОСВЯЗИ

Öðeäðeö Äpððáí ì àò ò

В 1970–1980-х годах Фридрих Дюрренматт написал серию эссе об Израиле. В «Чейсовской коллекции» издательства «Текст/Книжники» готовится издание этих текстов. Мы предлагаем вниманию читателей очередной фрагмент эссе «Концепция» (1975).

Арабский мальчик посреди разрушенной улицы Старого города. Иерусалим. 1967 год

17.

Я признаю: не представляется возможным узнать, был ли Хулагу одет в искусно сделанную броню. Далее мы можем только предполагать, любил ли полководец Навуходносор устраивать кутежи. Это умозрение основывается лишь на возможно имевшемся, возможно выдуманном другими пристрастии полководцев к пирушкам, и даже упомянутые выше подробности, которые побудили Абу Ханифу и Анана бен Давида к беседе, являются вымышленными. Что касается древних сказок, этих наполовину неясных, по моему мнению, зачастую выдуманных событий – этих действий, трагедий и комедий, происходивших на нашей планете с несколькими героями и бесчисленным множеством статистов, которые только и появлялись, чтобы умереть, – то эти спектакли оказывают мощное влияние на фантазию людей, и на мое воображение, и на воображение арабов. Мы

находимся под воздействием прошлого, а также нашего представления о нем. Не только мы, швейцарцы, гордимся сражениями при Моргартене и Грандсоне, где был захвачен лагерь Карла Смелого с гобеленами и темнокожими проститутками, но и у арабов есть воспоминания даже, может быть, о более отважных похождениях и подвигах, воспоминания о более могущественном мире и более осознанном существовании. Мы смотрим на арабов со своей колокольни и ожидаем, что они будут вести себя в соответствии с нашими представлениями. Щедро одаренные Аллахом нефтью, они могут позволить себе вести себя так, как считают нужным, но мы приходим от этого в негодование. Однако данный дар, как и вообще неясное отношение Аллаха к людям, сомнителен: милость Аллаха часто является тайным искушением, его проклятие – скрытой милостью. Благодаря нефтяной благодати ислам цинично покоряет современный мир и считает, что его легче купить, чем изучить. Благодаря деньгам он завоевывает мир, который должен был когда-то покорить, благодаря нефти приобретает оружие, больницы, лимузины, учителей из Палестины, дает каждому благосостояние, благосостояние Запада, который, в свою очередь, беднеет. Но это благоденствие распространяется не на весь исламский мир, а только на смехотворно малую его часть: внутри ислама намечается новый раскол, но не между суннитами и шиитами (хотя данный раскол по-прежнему требует жертв), а между богатыми и бедными странами, раскол, который разделяет не только этот, но также западный и коммунистический мир. На сегодняшний день существуют не только богатые капиталисты и бедные, но также богатые коммунисты и бедные. В наши дни политическая терминология перепуталась и перемешалась. Так, например, государства в Восточной Европе и в Советском Союзе являются одновременно националистическими и социалистическими. Они больше ориентированы на национальную и социальную идеи, чем западноевропейские страны. Так они утверждают. Их действительно можно было бы назвать национал-социалистическими государствами, этот термин был бы более точным, чем народная демократия, которую они проповедают; однако вот незадача: данное понятие уже стало собственностью Гитлера и его фашистского движения. Сегодня на слово наложено табу, и если бы кто-то начал его употреблять, то совершил бы политическое самоубийство (как долго еще?). Зато в слово «фашистский» вкладывается смысл, согласно которому любой, кто не придерживается левых убеждений, становится фашистом. При этом значение «левый» сдвигается, по сути, в бесконечность, так как кто-то всегда занимает по отношению к другому более левую позицию, следовательно, у этого другого правые политические взгляды, и он является фашистом. Зачастую к своему удивлению. Консерваторы, либералы, социал-демократы, коммунисты, троцкисты, маоисты и т. д., в зависимости от страны. В конце концов, и евреи. К своему удивлению, они связаны одной веревочкой с каждым начальником, который в жажде власти и денег превратился в своей стране в политического преступника (если он по случайности не является начальником с левыми взглядами). Прогрессисты не выходят на демонстрации в поддержку Соариша^[1], не слышно ни одного протеста. Но справедливости ради надо сказать: все, что относится к левым, может также считаться верным и для правых; для некоторых даже папа Павел VI придерживается левых взглядов. При этом бытует мнение, что именно понятие «фашистский» приобрело более чем обтекаемый смысл. Вероятно, вторая мировая война не была абсолютно бессмысленной. Это понятие, возможно, потому так сложно сформулировать, что его применение остается слишком нечетким, оно употребляется лишь как переменчивая не-левая позиция. Можно с уверенностью сказать, что существенной чертой фашизма является его ориентация на идею реставрации. Муссолини мечтал о Римской империи, Гитлер – о Священной Римской империи германской нации, а уходя к еще более давним истокам, о реализации идеи Рихарда Вагнера о священном мире германцев, а также о полете валькирий и, наконец, гибели богов, о спасении – спасителю, и многие члены совсем другой партии оглядываются назад, на Сталина – владыку, сплывающего разрушающийся коммунистический мир, в который можно снова верить, как когда-то в Сталина: ну а кто же в него не верил? Тот, кто сегодня делает вид, будто в него не верил? Очевидно, что за фашизмом стоит мифология – в каждой стране своя, туманная,

грандиозная мифология об исчезнувшей империи, отступившая в сумерки истории, но все еще волнующая народную фантазию. К этому следует добавить большие унижения, которые подтачивают национальную гордость. В случае с Германией это, например, Версальский договор. Поэтому предпосылкой существования действительного, несущего всеобщую угрозу фашизма является наличие великой державы или ее развалин, все еще объединяющих народ в его мечтах, – такие ситуации сегодня сложились, например, в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Великая культурная эпоха этих регионов, их мировая империя осталась далеко позади, где-то в истории, в Средневековье, лишь мечети свидетельствуют о былом величии. Между той порой и современностью пролегли бесконечные унижения, причиной которых стали не только Крестовые походы; не только те дикие племена, мчавшиеся вспотев в обшитой броне и обрушивавшиеся под знаменем христианства на страны Ближнего Востока; не только Хулагу, говоривший на странном языке, которого не понимал ни один мусульманин; они вызваны также вековыми унижениями со стороны Турецкой империи, где в качестве подданного ты был никем. Еще большим оскорблением был английский и французский колониализм – колониализм неверующих. В этот список можно добавить поражения, нанесенные после Второй мировой войны евреями, – народом, который вызывал у мусульман презрение. Данная ситуация – наглядный пример злой иронии, которую так любит мировая история, ведь евреи бежали из фашистской Европы в часть света, во многом невероятно сходную с Европой накануне второй мировой войны, в уголок, который как никакой другой находился под угрозой фашизма. При этом мне не хотелось бы представлять панарабизм в черном свете, просто его очень легко использовать в фашистских целях, что еще ужаснее, ибо им уже и так злоупотребляет марксистская идеология. То обстоятельство, что данный вид фашизма сейчас скрывается под маской социализма, не умаляет опасности, он всегда ее носил; то, что левые вступают в контакты с этим вновь прорастающим фашизмом, уже является традицией: они снова считают это исторической необходимостью.

Молодые сабры в кафе.

Тель-Авив. 1973 год

18.

На сегодняшний день в Европе сложно занять определенную позицию в отношении Израиля. Данное обстоятельство, а также изоляция, в которой оказалось это государство, имеют свои причины. Если после второй мировой войны считалось постыдным быть антисемитом, и многие после Шестидневной войны с гордостью относили себя к числу филосемитов, то после войны Йом Кипур^[2] некоторые с облегчением осмелились стать антисемитами. Сегодня ни один человек не является антисемитом – разумеется, за

исключением арабов. Забыто опьянение победой, в котором находились арабы перед Шестидневной войной; забыто заграждение Насером залива Акаба; забыто бахвальство Арафата; забыто, что все догадывались о нападении арабов; забыто мощное выступление египетских, иорданских и сирийских войск, благодаря которым только и стала возможной победа Израиля (евреям, определившим время начала войны, нужно было лишь открыть ловушку). Все это забыто. Евреям не следовало принимать арабов так серьезно, это была лишь шутка. С тех пор евреи считаются агрессорами. Однако причиной подобного изменения убеждений стала не только нефть, которой шейхи смазывают колеса мировой экономики и мировую совесть; не только фатальная политическая ситуация в мире, в которую невольно втянут Израиль; и не только те из друзей, которые ему только вредят, – свою лепту вносит также вошедший в моду неомарксизм, новая попытка создания марксистской системы (если не в действительности, то хотя бы в сознании). Это – идеологическая схема, которая в качестве системы является нетерпимой ко всему и вся, вместо того чтобы организовывать социальный порядок. Как все утописты и последователи эсхатологии, коммунисты чересчур нетерпеливы; если бы они были терпеливее, то их стремление могло бы оказать необычайно положительное влияние. Там, где экзистенциальное противостоит идеологическому, идеолог выступает против экзистенциального: справедливым для него является не то, что есть, а что должно быть, даже несмотря на то что имеющееся представляется необходимым. Поговорка «Тем хуже для фактов», приписываемая Гегелю, возымела силу: тем хуже для Израиля. Таким образом, еврейское государство отвергается как фашистское, полуфашистское или буржуазное. Марксистская традиция хочет этого, ведь внутри марксизма подобное случалось не раз, неосознанная антипатия к иудаизму существует и сегодня, она соотносится с тайной антипатией, которая все еще проявляется в христианстве. Однако не только марксистская традиция, но и марксистская теория не в состоянии включить еврейское государство в свою картину мира. Одна идеология поддерживает другую, один предрассудок питает другой: мир не изменил своего отношения к евреям, изменились только доводы, приводимые против них. Сначала они были связаны с верой, затем с расой, теперь с империализмом, который приписывается двенадцати миллионам евреев. Даже в Швейцарии на первомайских праздниках наряду с транспарантами против фашизма можно увидеть антиизраильские лозунги, что удивляет только тех, кто еще не понял: каждый идеолог может принять любую идеологию. Но это второстепенно. Тяготит больше другое: когда еврей был вынужден именоваться и быть евреем, ему также навязали диалектику его врагов. Расист заставил его быть расой, национализм – националистом, даже понятие «родина», значение которого обесценилось национальными движениями, получает для еврея новый смысл, ведь где бы он ни пытался найти свою родину – в Польше, России, Франции, Германии, – ему везде навязывали его родину: Израиль. Итак, многое из того, что было сказано о фашизме, относится и к Израилю – таинственным образом, – как возрождение прошедшего, реставрация, но не в фашистском, а в экзистенциальном смысле, понятном только диалектическому мышлению, не идеологическому, так как за раздающимися со стороны марксистов упреками, что Израиль якобы является фашистским государством, а сионизм – буржуазным фашистским движением, скрывается стесненное положение, в которое помимо воли попала марксистская идеология: она сама больше не может обойтись без фашизма.

19.

Идеологии – это языковые системы, различие между которыми заключается не в грамматике, а в том, что составляет суть их понятий; это языки, оперирующие определенными положениями, но вместе с тем чересчур легко отождествляющие себя с данными положениями. Таким образом, идеологическую борьбу, которая разворачивается между различными направлениями одной идеологии, можно понимать лишь как разговор на «правильном» языке, идентичном высказанному смыслу. Ведь существование этих

различных направлений, на которые разделяется любая идеология, обусловлено языковыми вариациями, зачастую они представляют собой логически равноценные интерпретации одной и той же идеологии. В силу этого речь идет не столько о сути дела, сколько о языке. Точнее говоря, только язык всех и занимает. Часто бывает, что одно направление свергается, а другое, победившее, проводит фактически ту же политику, что и свергнутое, но только используя другое языковое объяснение: борьба проходила между двумя языковыми стилями, при помощи которых враждующие фракции имитируют объективность, ибо, поскольку в их умах фактическое и языковое слиты воедино, то они могут воображать, что речь идет не о власти, а о чистоте идеологии, и тем самым скрывать борьбу личных интересов. То же самое относится и к борьбе между державами, здесь также различают фактическую и языковую сферы. Борьба ведется на обоих уровнях, при помощи же языка объясняется фактическое: кровь и слезы. В развязанной Гитлером войне Советский Союз, делавший все, чтобы избежать столкновения, объединился помимо собственной воли с демократическими силами. На языке коммунистов борьба велась против фашизма, на языке демократов – против тоталитарного государства. Преимуществом этих двух языков является то, что после войны можно было, не изменяя языки, вести холодную войну; холодная война также сопровождалась словесными дуэлями, которые ни в чем не уступали военным баталиям. Только в понимании русских демократы придерживались фашистских убеждений, а для демократических сил Советский Союз был тоталитарным государством. Однако если внутри идеологии происходят языковые изменения, то идеология начинает испытывать затруднения в отношении фактической стороны вопроса. Она ощущает, что больше не соответствует действительности: именно поэтому языковые изменения имеют разоблачительную сущность. Язык состоит из слов, слова являются – в силу того, что у них есть не только синтаксическое значение, – понятиями (оставим в стороне сомнительность этого предложения). Любимым понятием нацистов было понятие «народ», все совершалось в его интересах, а под словом «народный» мы до сих пор понимаем правые группировки. Этому понятию марксизм противопоставил «пролетариат» – понятие гораздо более точное, понятие индустриальной революции, рабочего класса. Диктатура пролетариата противостояла в лице народа фашистской диктатуре. Казалось, что оба фронта имели ясные формулировки: лозунг против лозунга. Но после второй мировой войны у марксистов вошло в обиход понятие «народная демократия», которое как по волшебству вынули из сундука старых понятий и обновили с намерением уподобиться тем самым на идеологическом и языковом уровне западным демократиям. С тех пор понятие «народ» в рядах марксистов приобретало все большую значимость. И не случайно. Если результат русской революции заключался в том, что она, чтобы привести пролетариат к власти, создала пролетариат, который должен был прийти к власти; если революция была результатом действий интеллигенции, которая так долго месила политическую массу, пока та якобы не стала соответствовать ее понятиям, то сегодня развитый мир не может больше преобразовываться по данным понятиям, ибо этот мир в том, что касается его индустриализации, с шумом мчится в тупик. Еще в меньшей степени это возможно в слаборазвитом мире: здесь даже пролетариат занимает привилегированное положение. Идеология должна возвратиться к более расплывчатому, мистическому понятию «народ», именно к тому понятию, которое так любили употреблять фашисты. И нацисты знали почему: имея в арсенале эмоциональное понятие, они приобретали идеологическое оружие в противостоянии с интеллектуальным понятием «пролетариат», и даже понятие «народ» они мистифицировали до беспредельности. Но так как любая идеология в рамках собственного языка формирует и обозначает врага, то врагом немецкого народа стал не международный пролетариат вообще, а международный еврейский большевизм. За этим словесным чудовищем скрывался последний таинственный враг, коварный и непостижимый, но тем не менее доступный совершенно ясному пониманию, – еврейство, «народ низшей расы». Тем самым в сознании немцев народ противопоставлялся народу, понятие – понятию, хотя понятие «народ» имело для иудаизма несколько иной смысл, чем для Гитлера и Розенберга, находившихся в неоромантическом угаре. По своему духовному (не

историческому) происхождению народ – религиозное понятие. На основании союза, заключенного с Б-гом, евреи являются Б-жественным народом. Данный союз считается действительным, как для народа, так и для каждого в отдельности. Это коллективный договор, который устанавливает двух партнеров – Б-га и народ. В противоположность этому понятие «народ» имеет в примитивном блуждающем дарвинистском мышлении нациста несколько иной смысл. «Немецкий народ» стал избранным не вследствие союза с Б-гом, а в связи со своей расой, в то время как «еврейский народ» был в связи со своей расой проклят. В свою очередь коммунист понимает под словом «народ» совершенно другое, а именно несущую силу революции. Очевидно, что разные смыслы, которые имеет одно понятие, не заложены в нем и не могут вычлениваться из него методом дистилляции. Содержание понятия закладывается в него другими. Религия привносит религиозное значение, фашизм – фашистское, марксизм – марксистское и т. д. Тогда можно считать, что марксистское понятие «народ» гораздо точнее, чем фашистское, в свою очередь, у последних оно имеет более ясный смысл, чем в иудейской религии. Но народ, который подразумевается марксистом и от имени которого тот провозглашает революцию, не есть весь народ, а лишь та его часть, которая хочет революции, это по сути дела партия, называющая себя народом, чтобы создать видимость, что она и народ едины. Тем самым народ странным образом становится движущим механизмом партии, которая движет революцию, – двигателем двигателя; народ становится народом в народе, собирательным понятием для тех, кто верит в марксизм. Притязание быть народом в себе ни в коей мере не является более реалистичным, чем религиозное понятие народа в иудаизме, которое основывается на вере в Б-га и на том, что этот Б-г заключил союз с народом. Если же кто-то в рамках религиозного сознания больше не верит в Б-га, то он находится вне союза и вне народа, точно так же, как не верящий в партию – вне партии и, согласно партийному языку, вне народа: он – враг народа. То же самое относится и к понятию «народа» у фашистов. Утверждение нацистов, что «немецкий народ» лучше еврейского, относится лишь к вопросу веры, основывается на древних предрассудках, на расплывчатом понимании истории, на неподдающихся проверке рассуждениях. Однако к немецкому народу причислялся лишь тот, кто разделял эту веру. Но в нашем желании определить, что же такое народ, каковы его политические убеждения или мировоззрение, мы не продвинемся вперед без обращения к языку; его, народа, подлинная сущность блуждает вне языка в безмолвной темноте по ту сторону понятий. Отсюда проистекает склонность народов стать благодаря более точному определению понятием народа как такового, приобрести статус института, стать государством. Язык государства – институциональный, юридический, сам по себе более точный, чем идеологический или религиозный языки, но вместе с тем менее содержательный, так как по своей сути язык с приобретением точности утрачивает содержание. Самым точным языком является математика, она содержит только количественные параметры, в то время как мистика стремится придать цифрам качество, обогатить их смыслом. Однако уже упомянутые логические затруднения, с которыми мы столкнулись при определении слова «народ», не разрешаются и в случае придачи народу статуса института, когда народ «переводится» на другой, юридически понятный в государстве язык. Так же как в понятие «народ» закладывается определенный смысл, а те, кто этот смысл не разделяет, исключаются – при этом остается неясным, кто же закладывает смысл в понятие «народ», сам народ не может им быть, так как понятие не в состоянии закладывать смысл само в себя, – так и государство как действующий институт обнаруживает меньшинства, которые оно само и исключает из своих рядов или призывает помимо их воли к ответу. Если же государство находится в опасности, то оно отказывается от юридического языка и, возвращаясь к «народному языку», обращается к народу или, как в случае с марксистами, к соотечественникам. Как любое понятие, оно привязано к проблематике языка, которая заключается в том, что язык лишь называет «действительность» вне языка, но не является ею. Вопрос этой проблематики очевиден: может ли действительность восприниматься как таковая и не рассматриваться как нечто само собой разумеющееся, так как именование и существование, язык и

существование, мышление и существование – это не одно и то же. Речь идет не о том, что проблематика языка занимает только логиков или выдающихся лириков; мир сможет немного продвинуться вперед лишь тогда, когда этот вопрос начнет волновать политиков и идеологов. Нельзя точно сказать, сколько крови пролилось из-за одних только неопределенных понятий и, если это не будет осознано, сколько ее еще прольется – намного больше, чем из-за денег. Если бы речь шла только о последнем, ситуация в мире была бы лучше. Разумеется, это спорная мысль, ведь за деньгами тоже скрываются понятия, понятия, которые были отчетливее всего изложены Марксом, отчего без него и нельзя обойтись. Однако, чем больше разрушается мир капиталов и область его понятий, а стало быть, капиталистический мир – против чего у меня нет ни малейших претензий, – тем глубже и, кажется, неизбежнее мы погружаемся в сферу социалистического языка, тем большей опасности подвергает себя мир – опасности оказаться в зависимом положении от понятий, которые может использовать неограниченная власть. Мы слишком легко забываем, что не только деньги, но и понятия дают власть, что неограниченная власть – самая крупная сделка и что власть только тогда является неограниченной, когда имеет в своем распоряжении неограниченную систему понятий, абсолютную идеологию. Не Сталин породил своих идеологов, а идеологи сделали возможным его существование. Только один незаметный шаг разделяет культ понятий от культа личности. Крупный капиталист может действовать в лучшем случае от лица своей фирмы, и это право у него едва ли можно отнять. Представители неограниченной власти, неважно, одиночка ли это или коллектив, действуют от имени всего народа, при этом соратники-идеологи могут данное право у них отнять или же своей идеологией закрепить: великое, а потому самое наглое надувательство. Проверить тех, кто утверждал, что действует от лица Г-спода, нельзя, потому что над Б-гом установить контроль невозможно. Проверить можно было бы тех, кто утверждает, что действует от имени народа, но их не контролируют; а если бы в случае контроля кто-нибудь был против, то этого одного нужно было бы исключить, а затем еще раз проверить, все ли выступают за то, чтобы действовали от их имени, иначе могло бы оказаться, что некоторые против, по причине исключения того одного, тогда бы и этих также следовало исключить, чтобы на основании нового голосования снова исключить нескольких и т. д. Нельзя использовать в преступных целях имя Б-га, нельзя использовать в подобных целях имя народа, никакое имя, в том числе и язык. Язык как нечто подлинно человеческое имеет, возможно, величайшую духовную и материальную власть над людьми, потому что обществу никогда не удастся, даже в мыслях, освободиться от его тисков.

«Марксисты». Фотография Ф. Бреннера, в которой актеры исполняют роль Граучо, наиболее известного героя комического квинтета братьев Маркс, популярного в США в 1920–1940-х годах. В названии фотографии обыгрывается то обстоятельство, что комики были однофамильцами автора «Капитала»

20.

Каждая из трех монотеистических религий – иудаизм, христианство и ислам – основывается на языке. основополагающим принципом каждой из трех религий является откровение. Христианство, сверх того, делает вывод, что Бог, обратившись к людям со Словом, должен был сам стать человеком, – вывод пугающий, так как из него следует, что Бог един с человеком, и не с одним человеком, а с каждым. Эти три религии отличаются от язычества тем, что в основе язычества лежат картины, боги и идолы, в то время как христианство рискует снова погрузиться в образность, культовую обрядность, в буквальное восприятие слова, в однозначность, а не многозначность. Так, например, считается, что во время причастия просфора превращается в настоящую плоть, а вино – в настоящую кровь; и даже если Бог, если в Него верить, произнося Свои речи, стал языком, то все равно Его язык нетождествен истине, а является лишь намеком на нее, иначе он не был бы языком. Опасность злоупотреблений грозит каждому языку и, прежде всего, языку идеологии, ведь только таким образом можно объяснить сталинские показательные процессы. Чтобы оправдать действия идеологии в отношении людей, чтобы показать, что она есть то, что она имеет в виду, чтобы он, Сталин, воплощающий собой эту идеологию, оказался правым, необходимы были обвинительные приговоры, но также и самооговоры подсудимых. Все это можно назвать примером бегства от «неправильного» языка к «правильному», примером культового языкового жеста. (Наряду с этим с давних времен и по нынешний день люди испытывают от языка отчаяние. Его место занимает культовое действо, современный,

старый, древний терроризм. Смысл его заключается не в самих действиях, действия нагружаются смыслом, так как без него они кажутся бессмысленными.) Если же в языке отражается религиозная, культурная и политическая жизнь народа, а значит, вся жизнь народа, который в качестве понятия «народ» представляет собой зеркальное отражение изменчивых, непостижимых, лежащих вне языка фактов, в таком случае язык является преградой, о которую разбивается наше мышление. Тем самым возникает вопрос о значимости языка: чем уже смысл, который мы в него закладываем, тем меньше в нем содержится «действительности». Следовательно, очевидное преимущество языка религии заключается в том, что он вместе с гипотезой о существовании Б-га, о наличии опоры, которая не поддается языковому выражению (благодаря этому язык религии стал языком), до предела нагружает язык, наполняет его безграничным смыслом (из которого, однако, невозможно выделить наличие этого смысла). Между тем в физике факты, передаваемые на языке данной науки – даже если их полное прояснение невозможно при помощи языковых средств, – находятся внутри области познания, хотя данная область, несмотря на стремление физики к точности, остается расплывчатой. О безусловном существовании этих пока неясно сформулированных истин мы знаем не благодаря языку и даже не благодаря вкладываемому смыслу, а благодаря вере, которая находится в наших органах чувств – зрении, слухе, осязании, обонянии. Наши органы чувств помогают проводить наблюдения, даже если при этом мы вооружены аппаратурой: телескопами, фотоаппаратами, компьютерами и т. д. Если же поместить наши органы чувств в сферу понятий, перевести их на язык, то мы потеряем уверенность, понятия разрушат наши чувства, и мы даже не сможем доказать, что все это нам не снится: действительность, в которую вторгается язык, так же мало доказуема, как и Б-г, она лишь бесконечно познаваема. Эта субъективная, имеющая большую значимость познаваемость действительности, которая превращает действительность в нечто объективное, противостоит Б-жественной тайне, граничащей с непознаваемым. Согласно логике, вероятность объективности вне языка настолько велика, что, несмотря на присутствие сомнений, мы можем их подавить, в то время как существование Б-га настолько невероятно, что мы можем в него только верить без всякой надежды найти для нашей веры хоть малейшую опору. Разве только мы познаем Б-га каким-либо невероятным образом, но тогда это знание будет абсолютно недоказуемым по отношению к любому другому знанию. Поэтому среди людей принято говорить о Б-ге отвлеченно, лишь как о концепции, а не как об истине и действительности, как того требует религия. Распространенной ошибкой теологов является то, что они ведут слишком много разговоров. Б-г всецело находится за рамками любых разговоров и любого языка. Его откровения, независимо от того, верим ли мы в них и в Самого Б-га – даже если мы представляем себе Всевышнего как выдуманное существо из сверхъестественного мира, – проникают извне, из безмолвных, не имеющих понятий высей, в сферу языка, как метеор в атмосферу. Это – одна из самых значительных языковых концепций, один из самых смелых вымыслов, «подлинность» данной концепции остается недоказуемой, а с точки зрения логики это является даже ненужным. Работа человеческого разума носит обобщающий характер, она не направлена на «подлинные процессы». Разум проникает в «действительность» посредством концепций, он не идентичен действительности. Предложение «Б-г – мертв» является столь же несущественным, как и фраза «Ноль – мертв». «Действительность» может так же просто обойтись без Б-га и без ноля, как звездное небо без телескопов. Ученый использует эти инструменты, чтобы наблюдать за той областью «действительности», которая благодаря телескопу начинает раскрывать свои тайны – разумеется, лишь одну ничтожно малую часть этих тайн. Сначала открытие должно быть объяснено, чтобы затем на основе данной интерпретации осторожно приблизиться к целостному обобщению. Итак, сравнение теологии и математики кажется на первый взгляд неправильным. Понятия «Б-г» и «ноль» возникли не в результате наблюдений, как, например, понятие «галактика», которое было установлено благодаря исследованиям Млечного Пути и туманности Андромеды. Б-г и ноль – аксиомы, хотя они отличаются друг от друга по своей сути: Б-г является субъективной аксиомой, ноль –

объективной. Исходя из этого можно, не прибегая к интерпретациям, а лишь основываясь на диалектическом методе, составить концепцию «действительности». Точнее, некой «действительности». Таким образом, любая «действительность» есть концепция. Если же когда-нибудь вдруг будет принят во внимание неутешительный вывод, что все является борьбой концепций, которая разворачивается внутри языка и, к сожалению, ведет к кровавым последствиям, тогда в словах и за словами станут отчетливо прослеживаться взаимосвязи. В силу этого отправной точкой для меня стали в большей мере религиозные представления, чем политические, на основании взаимосвязей, которые существуют между различными языками – религиозными, политическими, историческими и идеологическими. В каждом из них «действительность» мерцает то отчетливее, то почти ощутимо, то отдаленно, в расплывчатых очертаниях, то едва уловимо. При помощи языков она погружается словно в туман. И так как все языки внутренне переплетены, как будто существует некий таинственный праязык, есть, вероятно, и определенная взаимозависимость концепций. Только это подозрение побудило меня осмелиться на эксперимент: расследовать эти взаимосвязи и снова объединить их в единую концепцию – концепцию концепций. Последняя необходима еврейскому государству, чтобы показать не что иное, как правду – не с помощью логики, никогда не касающейся экзистенциальных вопросов, потому что даже она не может прорваться сквозь язык, не благодаря истории, так как и она тоже является лишь языком, а только через создание концепции. Эта концепция имеет следующий смысл. «Правда», которая когда-то прочно приклеилась к еврейскому народу, заключается в том, что евреи являются Б-жьим народом, потому что с ними разговаривал Б-г. Эта правда укоренилась в языке, она внутри языка и является таковой для тех, кто верит, что правда находится вне языка, точно так же как и правда верящих в идеологию. Подобным способом Б-г может обращаться к отдельным людям, но не к государствам. Однако язык, понимаемый как слово Б-жье независимо от того, является ли это понимание объективным или нет, превосходит во многом язык идеологии – даже если бы последний являлся истинным. Это превосходство обеспечивает несравненно большая по своей значимости концепция, хотя при подобном рассмотрении различие является пока только эстетическим. Несомненно, книга Иеремии является в языковом отношении более мощным письменным памятником, чем «Капитал», однако и данный эстетический труд не расставляет все точки над «і», ведь вопрос о языке не стоял ни перед Иеремией, ни перед Марксом. Их обоих волновало, что, а не как они скажут. Для обоих речь шла о «правде» вне языка. Лишь по мере понимания того, что высказанное языком есть всего лишь язык, эстетическое теряет свою силу, более того, если язык – это не более чем язык, то все становится несостоятельным, невозможно никакое высказывание. Именно основываясь на этой крайней из всех возможных ситуаций, в которой еще возможен язык, следует понимать двух последних великих евреев – Карла Крауса^[3] и Альберта Эйнштейна (последних, поскольку здесь мы подходим к финалу). Для Иеремии и Маркса что лежало вне языка: первый подразумевал свой народ в его отношении к Б-гу, второй – отношение человека к человеку. У Карла Крауса человек является в своем отношении к языку. Язык и есть человек, а раз так, то язык выносит приговор языку: человек предстает перед собственным судом. Альберт Эйнштейн говорит о нечеловеческом, космическом, но речь идет по своей сути о языке, так как внешний мир, который подразумевает Эйнштейн, находится за рамками наших представлений об этом мире. Он утратил свою ясность, это всего лишь язык, и к тому же язык математический, который нельзя перевести на какой-либо другой язык. У Карла Крауса страшный суд сконцентрирован в языке, у Альберта Эйнштейна он устанавливается с помощью языка, с помощью атомной бомбы. У Карла Крауса и Альберта Эйнштейна человеческий разум словно опять перематывается назад, неизбежно и непреклонно, но, разумеется, на более высоком уровне развития. У первого этот процесс направлен в сторону всепоглощающего культового языка, у второго – еще дальше, он стремится к магическому языку, где за штампом обнаруживаются могущественные силы, отблеск молнии, блеснувшей на заре происхождения мира. Итогом этих двух языковых концепций является молчание как

капитуляция перед языком. Не признать поражение может лишь тот, кто рассматривает веру в язык как суеверие. Однако непреодолимая граница не заключает человека в тюрьму, а лишь указывает укоризненно на то, что не следует желать невыполнимого, не предприняв прежде шагов для достижения возможного. Наша задача – наполнить смыслом себя, обобщить смысл вне языка. Правда, с точки зрения языка это кажется невозможным. Так давайте же посмеемся над языком, хотя право хохотать имеет только тот, кто знает, почему он смеется. Следовательно, Израиль также должен обобщать внеязыковой смысл. Этот смысл не может быть найден ни в религии, ни в идеологии, он находится только в сфере политики, где царит языковая неточность и приблизительность, где понимание друг друга осуществляется путем тягостного подбора слов. Однако при поиске нового смысла нужно сначала исходить из старого. В еврейско-арабском конфликте столкнулись две религиозные концепции – хотя Израиль является современным государством, а арабские страны хотят стать таковыми, – противостоят друг другу две равные, но все же разные стороны. Но пока еврейско-арабский конфликт понимается как конфликт языков, он будет касаться всех нас, так как мы втянуты в его хитросплетения. Если он останется языковым конфликтом, то, несмотря на языковые преобразования, он никогда не выйдет за обозначенные пределы, что приведет к катастрофе, где будет уничтожен более слабый партнер. Это станет прологом мировой катастрофы. Если же этот конфликт преодолет языковые барьеры, то он вернется из пограничной зоны в правовое поле, разрешится достойным образом, станет добрым знаком для всех. Мы все заинтересованы в этом.

В талмудической школе.

Иерусалим. 1972 год

21.

От чьего бы имени ни шло осуждение Израиля – от имени арабов, нейтральных государств, прогрессистов, женщин, от имени ЮНЕСКО, а вскоре, возможно, и ООН или даже от имени свободы и справедливости, – эти имена искажены и небрежно записаны нечестными судьями в поддельных документах. Но остается еще одна горечь: нечестность марксизма. Он признает палестинское понятие «народ», хотя палестинцы понимают его иначе, чем марксисты. Благодаря этому понятию палестинцы утверждают право на собственное государство и следуют в этом смысле примеру евреев, которые из понятия «народ» также вывели право на свое государство. В свою очередь марксисты выводят из понятия «народ» право на строительство марксистского государства, которое хотя и является по своей сути бессмыслицей, но представляет собой переход к бесклассовому обществу, свержающему затем ставший ненужным каркас государства. (То обстоятельство, что некоторые национальные коммунистические партии прибегают в этом пункте к

лавирующему маневру, играет лишь тактическую роль.) Марксистов интересует не демократическое государство как институт, а только само слово, при этом меньше всего они заинтересованы в мусульманско-христианско-еврейском государстве – государстве, которое пропагандирует Арафат и в которое он, по-видимому, верит. С марксистской точки зрения такое государство является нелепостью. Если относиться к марксистам серьезно, то тогда мусульманские, еврейские и христианские элементы не имеют значения. Очевидно, что среди палестинцев нет единства в отношении концепции государства, но Советский Союз это не волнует. Его вмешательство в противоборство между Израилем и арабами продиктовано желанием упрочить свое влияние в регионе. Советский Союз продолжает позиционировать себя как мировая держава. С идеологической точки зрения (с точки зрения доктрины, которую якобы представляет Советский Союз) это вмешательство обосновано лишь софистскими умозаключениями, поскольку язык софистики безразличен к действительности. Советский Союз как институт, в основу которого заложена идеология, подходит к трактовке политической «действительности», как церковь к эротике, – догматически. Он делает вид, будто «действительность» и сформулированные им определения данной действительности – это одно и то же. Нет больше напряженных отношений с действительностью, напряженности между языком и заложенным смыслом. Существует только язык, только идеология, которой можно жонглировать по своему усмотрению, благодаря которой можно при желании обосновать любые политические действия, направленные на упрочение власти. Непогрешимость Советского Союза существует не сама по себе, а заложена в основу, это – кажущаяся непогрешимость чисто абстрактной системы. Российская империя, пока еще представляющая собой социалистическую формацию, снова заняла неверную позицию, она на стороне реакции, на стороне арабов (реакционных по своей основной тенденции). Если палестинцы существуют для марксистского лагеря лишь как идеологическое оружие, то, значит, им в любой момент может быть отказано в поддержке в интересах политики, направленной на упрочение власти. В таком случае возникает вопрос, что представляют собой палестинцы вне идеологии, которая их использует. Только для Израиля палестинцы являются экзистенциальной, а не идеологической проблемой. У палестинцев никогда не было государства. Сейчас они стремятся к созданию собственного государства на основании того, что этого когда-то под давлением обстоятельств добивались евреи. Палестинцев не удовлетворяет нынешнее состояние, ведь все, что у них есть, – это отсутствие всего. Палестинцы одержимы идеей приобретения того же статуса, что и Израиль. Но это может случиться, если они станут такими, как Израиль. Для этого нужно время, а время имеет такое же значение, как и мир, потому что существование палестинцев взаимосвязано с существованием Израиля. Гибель Израиля обречет на гибель палестинцев, ведь «арабы» могут в любой момент отказать им в поддержке. На палестинцев сделают ставку сирийцы, либо египтяне, либо иорданцы (в зависимости от исхода борьбы, которая вспыхнет между арабами), арабы одержат победу над Израилем. Тем самым существование еврейского государства приобретает политический смысл – оказать содействие палестинцам в осуществлении их права на собственное государство. Какой бы маленькой ни казалась эта полоса земли, эта точка на глобусе, которую мы называем Палестиной, здесь хватит места для двух государств, как хватает места для сосуществования многих культур. Все это является предпосылкой для того, чтобы палестинцы признали еврейское государство, а евреи – палестинское. С общей, не разделенной на две части столицей Иерусалимом. Это кажется утопией. Будущее всегда утопично. Евреи, однако, выступают против, Арафат тоже заблокировал все пути. После своего выступления в ООН он не может признать Израиль. Уже задним числом он пытается смягчить свою речь, предлагая Израилю вернуться к границам 1948 года. Но как признает сам Арафат, он выдвигает данное предложение лишь исходя из тактических соображений, но также с намерением заблокировать путь к миру, чтобы правда и дальше оставалась на его стороне. Если Израиль примет это предложение, то одержать над ним победу будет гораздо легче, если же он ему не последует, то Арафат получит право на новые нападения. Арафат

так же мало готов к отступлению, как когда-то Гитлер, изложивший свою политику в книге «Моя борьба». Все, о чем затем говорил Гитлер, став государственным деятелем, было лишь тактическим ходом. Он точно знал, что люди верят в то, на что надеются. И как когда-то все надеялись на изменения в политике Гитлера, точно так же мы сейчас верим в то, что изменится Арафат. Я знаю, многим не понравится, что я не воспринимаю Арафата так же серьезно, как когда-то следовало воспринимать Гитлера, а просто сравниваю его с Гитлером. Я надеюсь, что те, кого это беспокоит, обеспокоены также и тем, что Арафат сравнил евреев с нацистами – убийцами, которые уничтожили почти треть еврейского народа. Несмотря на это, я не люблю сравнивать Арафата с Гитлером. Политика Арафата трагична. Какое бы отвращение я ни испытывал к террору, я ненавижу его не меньше войны, ведь последняя – это тоже террор. В мирное время Арафат ведет против Израиля военные действия, которые предпринимали сирийцы и египтяне, ведя войну. Только таким образом он может представлять интересы тех палестинцев, которые выступают против еврейского государства. Однако у Арафата (если он хочет сохранить в силе тезис о палестинском государстве) нет иной альтернативы, как занять место Израиля. Он должен его разрушить, потому что в арабском мире нет места для палестинцев. Без Израиля палестинцы остались бы иорданцами или египтянами, только благодаря Израилю они являются палестинцами. Ведя против Израиля войну, Арафат в мирное время вынуждает Израиль перейти на военное положение, дает евреям право на ответные удары по палестинским группировкам. Намеренно. Ведь он пытается оправдать террор, следующий за вполне оправданными ответными действиями евреев. Тем самым террористические акты приобретают еще один дополнительный аспект: они демонстрируют, что достижение мира между арабами и евреями, необходимое с идеологической точки зрения, невозможно. Воздействие войны, имеющее массовый охват, дополняет в малых масштабах террор: он подвергает манипуляции действительность, дабы она соответствовала не законам бытия, а идеологическим заверениям. Утверждая, что действительность подвергается манипуляциям, террористы сами манипулируют действительностью (отсюда демарши арабов в отношении швейцарской прессы, аналогичные демаршам нацистов). Террор служит Арафату для подтверждения своей правоты в глазах мировой общественности, которая, в свою очередь, дает это право Арафату, чтобы наконец-то освободиться от угрызений совести в отношении евреев. Арафат уже выиграл дело в ООН, вскоре там будет, видимо, выступать и госпожа Майнхоф^[4]. Израилю следовало бы поразмыслить над тем, что терроризм формирует в мире представления, против которых, собственно, и ведется борьба. Израиль хочет существовать как государство, в таком случае ему нужно неукоснительно соблюдать правила игры, которые не признаются противниками этого государства. И даже если Израиль имеет все основания для контрударов за пределами своих границ, он, вероятно, поступил бы мудрее, не предпринимая подобных шагов и ведя борьбу с терроризмом только в собственной стране и на территориях, которые он считает оккупированными. Не следует делать то, что ожидает противник, нужно попытаться выдвинуть альтернативу Арафату. Непостижимым является то, что при поездке в Израиль ты перестаешь понимать суть конфликта между палестинцами и евреями, потому что перед твоими глазами каждый день предстает пример мирного сосуществования двух народов – это и есть та «действительность», которой, по мнению идеологов, нет. То, что с идеологической точки зрения кажется невозможным, подтверждается ежедневно на экзистенциальном уровне. Помимо этого израильтянам следует воспользоваться двумя средствами, которые на протяжении столетий предоставляла им история в качестве единственного подарка – мудростью и терпением. У них есть только два этих средства. Конечно, мудрость и терпение, как и любое другое оружие, не всесильны, но тут уж ничего не поделаешь. Мудрость надо еще услышать и понять, терпение ничего не дает нетерпеливым людям, а призыв к разуму всегда сопровождается горьким чувством: люди же должны быть разумными сами по себе. Тем не менее у Израиля нет иного выбора. Дабы выжить теперь, ему необходимо терпение; мудрость же понадобится, чтобы выжить позже. Что нас ожидает, не знает никто. Ситуация меняется, меняется уже сейчас. Прогнозы здесь

бессмысленны, потому что даже то, что сегодня считается невозможным, может когда-нибудь стать реальностью, если речь идет о спасении еврейского государства, о спасении спасения. Власть имущие всегда могут договориться; могут произойти перемещения в мировом политическом раскладе сил, и тогда наступит примирение непримиримых врагов. В таком случае еврейскому государству нельзя забывать того, кто забыт всеми: своего палестинского брата.

Израильский солдат возвращает палестинских детей домой на Западный берег.

Мост Алленби. 1967 год

[1] Мариу Соариш (р. 1924) – Генеральный секретарь Португальской социалистической партии в 1973–1985 годах, в 1986–1996 годах – президент Португалии.

[2] Четвертая арабо-израильская война в октябре–ноябре 1973 года.

[3] Краус Карл (1874–1936) – австрийский писатель, один из самых известных критиков и публицистов первой трети XX века.

[4] Ульрика Мария Майнхоф (1934–1976) – западногерманская журналистка, педагог, социолог, теледокументалист, общественный деятель, одна из лидеров и теоретиков «Фракции Красной Армии».

«БЕСПОКОЙНЫЙ ХАРАКТЕР»

Эпизоды из истории евреев в России конца XVIII – начала XIX ВЕКА

יְהוּדָא יְהִי עֵלִיא

Окончание. Начало в № 9, 2009

Полоцк. Рисунок. Начало XIX века

«...А ЗИМА ВСЕ ЗНАКИ ЗАКРЫЛА»

В канун еврейского нового года (Рош а-Шана) 1818 года студенты Полоцкой иезуитской академии (католического высшего духовного училища), сопровождаемые двумя ксендзами, «имея негодование к евреям», отправились громить находившееся за городом еврейское кладбище. Не исключено, что они специально приурочили погром кладбища к еврейскому празднику, для вящего поругания «неправой» веры. К тому же в праздник евреи, в силу алахических запретов, не могли дать им достойный отпор. Студенты опрокинули «разные каменные и деревянные знаки, над головами писанные по еврейскому закону», т. е. надгробия (мацевы) – деревянные (временные, которые ставились сразу после погребения) и каменные (которые устанавливались позднее), – и поставили вместо них кресты из дранки. Скорее всего, они знали о том, что установление на кладбище символов «чуждого культа» является для евреев актом осквернения и святотатства. Погромщики также поломали ограду кладбища, разорили «дом омовения» покойников, находившийся на кладбище. Евреи «словесно» пожаловались полицмейстеру, поскольку из-за религиозного запрета выполнять работу (в том числе писать) в праздник не могли написать жалобу. По настоянию полицмейстера ректор иезуитской академии Раймунд Бржозовский заверил евреев, «что впредь сего не будет», однако уже через несколько дней во время еврейских похорон на кладбище явилась воинственно настроенная компания студентов: дворяне Михаил Никонович, Тобий Герцык и Юстин Валеvский сбросили покойника с носилок, «яму начали зарывать и евреев бить, разгонять, каковое озорничество еще с присоединения от Польши края (т. е. с 1772 года, когда по первому разделу Польши город Полоцк отошел к Российской империи. – О. М.) не слышно было». Присланный на место происшествия квартальный Марцинкевич не только не защищал евреев, но и «вспомогал» студентам «чинить побои». Неудивительно, что в своем рапорте полицмейстеру Марцинкевич старался представить евреев инициаторами драки: якобы в присутствии квартального «вдруг прискоча еврей

резник к студенту Валевскому и, схватя за груди, начал немилосердно бить по щекам». Никоновича и Герцыка евреи якобы «начали бить по щекам и палками, волочить за волосы и заперли на кладбище в хижину, издевались над ними биением по щекам и плеванием в лицо». Марцинкевичу евреи якобы заявили, что «это не его дело», и он был вынужден спастись бегством. «Однако ж, сим не кончилась еврейская ярость, но, бегая по городу, схватывали шляпы со студентов, проходивших по улицам» (в знак бесчестия). Евреи якобы схватили на улице двух студентов дворян Герасимовичей и заперли их в доме еврея Баркина. Марцинкевич, однако, зафиксировал в своем рапорте также факт разорения еврейского кладбища: «знаки, положенные на покойниках, яко то камни и доски повыворочены с своих мест».

За происшествием последовали взаимные жалобы евреев и иезуитов. Префект Полоцкого иезуитского училища при академии Спарский подал полицмейстеру жалобу на евреев, которые якобы избили студентов на кладбище и нападали на студентов на улицах города. Согласно медицинскому свидетельству, у Валевского было сломано ребро и на затылке осталась рана от удара палкой, Никонович и Герцык отделались синяками и царапинами. По объяснению поверенных еврейской общины, медицинское свидетельство, подписанное штаб-лекарем Медовниковым, «не заслуживает уважения, когда оный доктор и здоровым таковые свидетельства выдает» и в лучшем случае свидетельствует только о том, что «студенты биты, но неизвестно, кто оных бил или когда».

Губернатор назначил для расследования инцидента специальную следственную комиссию, которая, по словам еврейских представителей, действуя в интересах академии, «провлекла» дело «до зимы, чтобы зима все знаки закрыла», то есть затянула расследование до зимы, когда снег закрыл следы разрушений на еврейском кладбище. После обследования места происшествия (через несколько месяцев после погрома на кладбище) комиссия зафиксировала незначительные повреждения ограды кладбища и показания евреев о том, что три небольших каменных надгробия «лежат не на своих местах»; «перебитой посуды не имеется, найденная налицо посуда состоит из одной кадучки, одного ведра и носилок, на которых мертвых обмывают».

К следствию были привлечены трубочист Довид Кукла, булочник Гирша Коверетчик, резник Афроим Рубин, «магистратский ходок» (т. е. ходатай по делам евреев в магистрате) Вульф и другие евреи. Арестованный еврей Нухим Цыткович, жестоко избитый студентами на кладбище, а затем, очевидно, пострадавший от допросов «с пристрастием», умер вскоре после освобождения из-под стражи.

Указанные студентами свидетели: дворник Яновский и жена коллежского асессора Казаревича, а также еврей Еллель Пайкин показали, что после драки на кладбище евреи похвалялись, что на этот раз «били студентов хорошо». Квартальный Марцинкевич, по показаниям некоторых свидетелей-евреев, в драке участия не принимал, а только «бранил и отогнал от себя прочь» еврея, указавшего ему на «студента, делавшего на кладбище шалости».

«Предвидя для себя таковые от комиссии незаконные поступки, единственно к закрытию (здесь: оправданию. – О. М.) полоцкой академии, и ксендзов, и студентов, принужденными подозревать таковую комиссию» в пристрастии, полоцкие евреи отправили двух поверенных, Лейбу Ауштрайха и Ерухима Левита, в Петербург, к министру духовных дел и народного просвещения князю Александру Николаевичу Голицыну. Еврейские поверенные в своем прошении министру попытались объяснить реальную экономическую подоплеку конфликта между полоцкими евреями и иезуитами. Последние составляли серьезную конкуренцию евреям, «учинивая» им «подрыв разных питей продажей». В 1816 и

1817 годах полоцкие евреи доносили А.Н. Голицыну о том, что полоцкие иезуиты тайно занимаются продажей контрабандных алкогольных напитков, на что последовал строгий запрет со стороны министра, однако иезуиты продолжали заниматься своим доходным промыслом. Среди полоцких евреев ходили слухи, что иезуиты хотят исходатайствовать у российских властей особое «предписание» о том, чтобы им было позволено «угнетать евреев». К тому же полоцкие иезуиты отличались особой активностью в насильственном обращении еврейских детей в католичество: «Академия ксендзов езуитов из негодования по нашему закону старание приклоняет к угнетению евреев, захватив наших малолетних детей к крещению и, отделяя их [от] отцов и матерей, о чем неоднократно были на оных езуитов к вышнему начальству жалобы, от коих по невинности поступка и состоят возвращенными некоторые дети», – жаловались поверенные.

В ответ на отчаянные призывы положить конец «очернению и притеснительству» еврейского «закона и обрядов» Голицын потребовал объяснений от ректора Полоцкой иезуитской академии и витебского гражданского губернатора и предписал «строжайше подтвердить студентам, дабы они никаких обид евреям делать не осмеливались под опасением строжайших за то взысканий». Ректор Бржозовский, в свою очередь, отрицал вину студентов и просил защиты от «еврейской ярости» и «наглых поступков», уверяя, что «жалоба евреев вовсе противна не только истине, но даже естественному порядку». Витебский губернатор также усматривал в этой истории только «еврейское буйство». К февралю 1820 года дело было передано на рассмотрение в полоцкий магистрат^[1]. Дальнейшие события нам пока неизвестны, однако по общему тону сохранившихся документов можно предположить, что исход дела не был благоприятным для евреев.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ УГЛЫ

В имперскую столицу Петербург, куда евреи могли приезжать только на короткий период (не более полугода) прибывали не только «поверенные по делам своих обществ», но и отдельные евреи, решившиеся на свой страх и риск штурмовать правительственные канцелярии. В ряду особо настойчивых просителей и просительниц выделяется еврейка Рася Левина-Лепская (именуемая в документах то «шкловской», то «оршанской» мещанкой): «Трудные и неизбежные обстоятельства столь меня трогают, что я, будучи с малолетними моими детьми, впадаю часто в болезнь и прихожу в отчаяние жизни», – пишет она в 1815 году петербургскому губернатору и министру полиции С.К. Вязмитинову. Левина, которую грозили выслать из Петербурга, просила о выдаче вида на жительство, «без коего на квартирах нигде и никто держать не смеет». Ее просьба была удовлетворена. В 1818 и 1819 годах она снова подает Вязмитинову прошения, умоляя о содействии в деле по взысканию с ростовского купца И.Ф. Мясникова долга ее покойному мужу, жалуясь на свою «крайнюю бедность с семью сиротами и слабость здоровья». Упоминается в прошениях и «нынешний» муж просительницы, «старый и дряхлый» раввин Матос Коган. Но полностью история жизни Раси Левиной рассказывается в ее прошении, поданном на аудиенции министру внутренних дел графу В.П. Кочубею в 1820 году: «Простите смелости дочери Иудейской, которая с семью сиротами дерзает прибегнуть под покровительство Ваше, осмеливаясь отвлечь Вас хоть на несколько минут от высоких занятий Ваших, просить прочесть вкратце историю девятилетнего ее страдания».

Покойный ее муж, Яков Левин, был одним из тех еврейских ремесленников, которые под давлением конкуренции в родной черте оседлости отправлялись в рискованное путешествие на заработки во «внутренние губернии» Российской империи. Евреев, «бродящих по России», можно было встретить и в Казани, и в Саратове, где они просили милостыню на улицах. В 1809 году Левин устроился рабочим на винокуренный завод купца Мясникова под Тобольском. 22 апреля 1810 года он, «упав в сусловаренный котел,

обварился, но будучи еще жив, в совершенной памяти» просил управляющего заводом заплатить ему его деньги (две тысячи рублей), но тот «отозвался, что нет наличности в конторе», после чего Левин умер. Его вдова пыталась получить деньги и, ничего не добившись, «распродавши последнее свое имущество», уехала в Петербург, где подала жалобу императрице Марии Федоровне. Императрица распорядилась принять меры. Оказалось, что купец Мясников тоже находится в Петербурге. Его задержали, но затем по необъяснимым причинам выпустили. «С того самого времени я страдаю здесь, проживая свое последнее имущество, задолжала немаловажную сумму для воспитания детей и прокормления себя и их». Ее должник купец Мясников «говорил, что “скорее волосы вырастут на ладони, нежели я отдам должные деньги Лепской” – он богат, а я бедна, кто же поможет бедному?». Подлинная и жестокая драма стоит за строками ее последнего прошения Кочубею (в том же 1820 году): «Сиятельный граф! Я стара, нездорова и не знаю, куда девать сих моих малолетних сирот – кормить нечем – должных денег мне и моим детям Мясников не хочет отдать и делает проволочку, чтобы я умерла. Вы милостивы, и я всю мою надежду полагаю на Вас. Более же не знаю, к кому прибегнуть и что делать? Десять лет ищу своего собственного и не получаю. Неужели, потерявши и изживши в течение этого времени около десяти тысяч рублей, должна я умереть с моими сиротами от своих собственных денег голодную смертью, не получа собственного?» 11 мая 1820 года просительнице было отказано на основании того, что ее покойный муж Яков Левин работал не на самого купца И.Ф. Мясникова, а на его поверенного Е. Коробкова (к тому времени покойного) и она должна предъявлять претензии уже к наследникам Коробкова[2].

Следует также отметить, что к тому времени в Петербурге образовалась уже довольно значительная еврейская община (около 150 человек по специальной переписи 1826 года), и они, естественно нуждались в услугах раввина, функции которого, по крайней мере некоторое время, выполнял второй муж Раши Левиной Матос Коган.

Евреи довольно рано становятся заметным сегментом петербургского городского пейзажа. Эта тема возникает и на страницах выходившего в 1817 году иллюстрированного издания «Волшебный фонарь, или Зрелище Санкт-Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других престопадных промышленников, изображенных верною кистию в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию». На одной из картинок был изображен типичный «петербургский еврей» того времени: с пейсами и бородой, в длинном сюртуке, сапогах, цилиндре и накидке. Таким образом, во внешнем облике еврея соединяются элементы костюма трех сословий: еврейского населения (пейсы), купечества (длинный сюртук) и дворянства (цилиндр и «господская» накидка). Согласно сопроводительному тексту, этот еврей в один зимний петербургский вечер неожиданно преграждает дорогу торговке, возвращающейся с рынка. Между ними происходит следующий диалог:

Еврей (вырывая у нее из рук часы, осматривается). Хапаные? [краденые. – О. М.]

– Батька, что ты рвешь из рук, ведь здесь не бессудная земля.

– Молцизе! Ну, сто хочес за цасы? [еврей говорит с акцентом, характерным для еврейского населения Литвы и Белоруссии – так называемых «литваков». – О. М.]

– Ничего, ничего не хочу, да и не продажные!

– Как не продажные? Ведь ты торговка!

– Торговка, батюшка [характерное обращение уличных торговцев того времени к покупателям «из благородных». – О. М.], да сегодня не рассудилось ничего продать. Так только, вышла пройтись по рынку. (В сторону.) Провались ты, окаянный!

– Ну же, полно, дура, ведь никто же не видит. (Тихо.) Сто восьмес? Цасы же, визу, хапаные, хапаные!

– Ах ты, нехристь, жидовин, хапаные! Что ты это несешь? Да я сорок пять лет по рынку хожу, хожу во все благородные дома, и все мной довольны, все меня величают: здравствуй, Борисьевна, садись, Борисьевна, выкушай, Борисьевна, что у тебя хорошего, Борисьевна? А ты вздумал меня воровкой выставить! Нет, со мной просто не разделаться, не дам себя в обиду – середь бела дня «караул» крикну!

– Ну, молцизе, молци. Возьми свою дрянь. Слиском разгорячилась, старая ведьма. Ведь-же и у нас есть покровители. (В сторону, уходя.) Не удалось!

– Уф, как я напужалась! Сгинь ты, провальный [ругательство образовано от слова «провал» – «ад». – О. М.]! Нет, ворочусь да поставлю свечу за обидящего [\[3\]](#).

Таким образом, из приведенной сцены (кстати, едва ли не первого заметного появления еврея в русской литературе и публицистике – симптоматично, что таким персонажем становится петербургский еврей) видно, что еврей вызывает у торговки, типичной представительницы «петербургских трущоб», не только опасения за свой товар и безопасность, но и суеверный страх. Он кажется ей чем-то вроде «нечистой силы».

Большинство петербургских евреев (60 человек) происходило из Могилевской губернии. Многие назвались «жителями» и даже «уроженцами» Петербурга «или просто евреями», так что уже применительно к этому раннему периоду можно говорить о формировании особой идентичности «петербургского еврея». В Петербурге жили евреи подмастерья портных, золотых дел мастеров, токарей, сапожников, знаменитого каретника Иохима, перчаточников, скорняков, «шлифовальные мастера, красильщики меха и рухляди, обойщики, резчики печатей», ремесленники, которые «делают трубки подзорные и курительные, зонтики, ваксу, сигарки, лакируют и делают механические вещи», два зубных врача, два учителя, «которые учат еврейских детей грамоте и [игре] на скрипке». Один еврей «занимается сортированием писчих перьев у еврейского купца», одна еврейка «обучается повивальному искусству, другая принимает по комиссиям материи для крашивания, одна дает уроки фортепиано, другая не имеет никаких занятий». Могилевский еврей Марк Пинус и его дочь, подверженные «припадкам» буйного сумасшествия, содержались в Обуховской больнице [\[4\]](#).

Более пикантную (хотя и менее достоверную) информацию, чем данные переписи, проведенной петербургской полицией, представляет записка крещеного еврея Зандберга «О евреях, приезжающих в Санкт-Петербург», представленная Еврейскому комитету в том же 1826 году. По словам Зандберга, петербургские евреи содержали «постоялые дворы, ресторацию, шинки – все втайне». Вкусившие в полной мере прелести европейской цивилизации, «приезжающие из Митава и Любавы евреи в немецкой одежде ведут торговлю здесь обширную и с большими злоупотреблениями, имея средство лучше скрываться не только под немецким платьем, но и под немецкою честностию и скромностию». «Скромность» не мешала евреям заниматься таким выгодным промыслом, как содержание публичных домов. «Главнейшая бордель» (так в документе) Петербурга, если верить разоблачениям Зандберга, «содержится евреем Гейманом в третьей части в доме Петрова напротив съезжего двора. Он нанимает женщин, которые стараются уговаривать молодых

девок бедного состояния ко вступлению в его распоряжение. Впрочем, известно, что Гейман помогает бедным людям». Второе заведение, на Большой Мещанской улице («однажды, зимним вечерком, в бордели на Мещанской...») – начинается приписываемое А.С. Пушкину стихотворение «Тень Баркова»), содержал еврей Якобсон из Митавы. «Жена Якобсона, христианка, принявшая еврейскую веру, разделяет с ним его ремесло. Якобсон доставляет девок в дома на содержание. Якобсон должен быть подозреваем в других важнейших делах. Его поездка в прошлом году в Вязьму, а в нынешнем в Москву может принадлежать к сим подозрительным делам». Здесь Зандберг, в соответствии с «духом времени», когда после восстания декабристов российское общество охватила мания «раскрытия» всевозможных «заговоров», явно намекал на участие Якобсона в каких-то «революционных» сборищах^[5]. Так «петербургский еврей» постепенно становится синонимом «неблагонадежного» еврея, а «просвещение» евреев (официально провозглашенная цель правительства) начинает окрашиваться в негативные тона («просвещенность» оценивается как одно из проявлений еврейской «изворотливости», вид маскировки).

Торговка и еврей. Иллюстрация из издания «Волшебный фонарь, или Зрелище С.-Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных верною кистию в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию. Ежемесячное издание на 1817 год».

Записка Зандберга послужила основным источником для суждений и представлений членов Еврейского комитета о петербургских евреях: в журнале заседаний комитета за январь 1826 года упоминаются знакомые нам по доносу Зандберга якобы содержавшиеся евреями «непотребные дома на правилах величайшего и гнуснейшего

разврата» и «коварные» евреи из Лифляндии, приезжающие в европейском «костюме, под которым, как замечено, скрывают свое еврейское происхождение». Разделяя распространенные предрассудки, связанные с мифом о еврейском заговоре, члены комитета авторитетно заключали: «Распространение евреев в новых местах и их усилия удерживаться в оных объясняется их учением, что они изгнаны из своего отечества по воле Б-жией, их наказывающей и желающей обратить к истинной, то есть их вере, все народы»[6].

В действительности, несмотря на выгоды, которые предоставляло еврею проживание в «городе царском Петербурге», отношение к этому городу в еврейской среде было далеко не однозначным. По свидетельству современника-еврея о Петербурге «все тогда (в 20-х годах XIX века. – О. М.) говорили: «никто из вошедших туда не возвращается»[7]. Это цитата из Мишлей (2:19), относящаяся к развратной женщине, в переносном смысле: к «ложной мудрости» чужих народов. Особую прелесть этому присловью придает то, что в иврите слово «город» («ир») женского рода, что и дает возможность сравнить имперскую столицу Петербург с опасной, грешной, но привлекательной женщиной. Это высказывание отражает небезосновательные (но несколько преждевременные) опасения религиозных евреев, что под обаянием чужой культуры (средоточием которой являлся Петербург) евреи утратят свое благочестие.

* * *

Можно сказать, что приведенные выше несколько прошений и один донос можно рассматривать скорее как факты культурной истории евреев России, нежели как свидетельства о конкретных исторических событиях. Прощения являлись документом, отражающим внешнюю сторону взаимодействия евреев с властью. Реальные мотивировавшие ссылки на, причины принятия властью тех или иных решений часто остаются скрытыми или неясными. Автобиографические, прошения евреев (прошения) и публицистические (проекты) еврейские тексты, обращенные к нееврейской аудитории, находят в дальнейшем свое продолжение в еврейской литературе на русском языке и являются важным этапом в формировании такого феномена, как «русско-еврейская культура».

[1] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 733. Оп. 62. Д. 456. Л. 2–3 об., 8–9, 12–13, 24, 25, 45–45 об., 48–48 об., 49 об., 50, 51.

[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Кн. 76. Д. 350. Л. 7–7 об., 12–12 об., 33–34, 38–39 об., 42–42 об., 48–49.

[3] Волшебный фонарь, или Зрелище Санкт-Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других протонародных промышленников, изображенных верною кистию в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию. М., 1988 (факсимильное воспроизведение издания 1817 г.). С. 27.

[4] РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 791. Л. 6–6 об.

[5] РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 791. Л. 34–36 об., 48.

[6] РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 180. Л. 55 об., 59, 60 об. (копия в Центральном архиве истории еврейского народа [ЦАИЕН] в Иерусалиме).

[7] А-Мелиц. 1881. № 6. С. 112 (публикация отрывка записок Ицхака Сассона, побывавшего в Петербурге в начале 1820-х годов в качестве секретаря одного из еврейских депутатов, официальных представителей еврейского населения при власти. Депутация функционировала до 1825 года).

Бреславле (Вроцлав, Бреслау) к экзамену по гимназическому курсу. Успешно сдав экзамен, он поступил в Бреславльский университет. На последнем курсе перешел в Лейпцигский университет, где в 1850 году получил степень доктора философии за диссертацию о секте мандейцев. После возвращения в Россию в 1851 году Хвольсон продолжал заниматься этой темой и в 1856 году издал в Петербурге обширный двухтомный труд «Die Ssabier und der Ssabismus», который сразу позволил Хвольсону занять видное место в ученом мире. В предисловии к этому изданию Хвольсон в самых теплых словах выражает благодарность Аврааму Гейгеру: «Бедный во всех смыслах, много лет назад я попал в Германию, на землю, чей язык я едва понимал, где я не знал никого и никто не знал меня. Я мог умереть умственно и физически. Этот чудесный человек принял меня, как родной отец, и заботился о моем духовном и материальном благополучии. Особенно я благодарен ему за тот уровень учености, которого я достиг в настоящее время»^[1].

В России Хвольсон сразу выдвинулся в ряды крупнейших ориенталистов. В 1854 году император Николай I подписал указ о создании Восточного факультета в Петербургском университете. По некоторым сведениям, именно Хвольсон помогал министру народного просвещения А.С. Норову разработать структуру факультета. 27 августа 1855 года состоялось торжественное открытие факультета, и Хвольсону было предложено возглавить кафедру древнееврейского языка. Однако возникло серьезное препятствие: еврей не мог быть университетским профессором. Норов предложил Хвольсону креститься, и тот согласился. При крещении он принял имя Даниил. Рассказывают, что, когда у Хвольсона спрашивали впоследствии, крестился ли он по убеждению, Хвольсон отвечал: «Да, я был убежден, что лучше занимать место профессора в Петербурге, чем место меламеда в Эйшишках». Вполне вероятно, что этот, не лишенный цинизма ответ и в самом деле отражал взгляды Хвольсона. Показательно, однако, что в еврейском обществе бытовала и другая легенда, прямо противоположного содержания: говорили, что Хвольсон стал христианином с целью тайно помогать своим соплеменникам. В любом случае, вся последующая научная и общественная деятельность Хвольсона вполне могла бы свидетельствовать в пользу последнего предположения.

В 1855 году Хвольсон занимает кафедру еврейской, сирийской и халдейской словесности в Петербургском университете. С 1858 по 1883 год он также преподает древнееврейский язык и библейскую археологию в Петербургской духовной академии, а с 1858 по 1884 год – древнееврейский язык в Петербургской римско-католической семинарии. В 1910 году, незадолго до смерти, его избирают почетным членом Петербургской академии наук.

Д.А. Хвольсон оставил значительный след почти во всех областях ориенталистики. Он блестяще знал древние языки, был фантастически эрудирован в области древней и средневековой семитской литературы. Он описал и ввел в научный обиход множество рукописей и эпиграфических памятников Древнего Междуречья, средневековые арабские рукописи, еврейские эпиграфические памятники Крыма. Ему принадлежат труды по древней еврейской истории, по истории семитских народов и по еврейским старопечатным книгам. Нельзя, однако, признать равноценными все положения, выдвинутые Хвольсоном. Человек увлекающийся, он порой совершал серьезные ошибки. Так, он упорно, в течение двадцати лет, отстаивал подлинность эпиграфической части коллекции талантливого караимского авантюриста Авраама Фирковича (впрочем, ее подлинность признавали и другие выдающиеся ученые того времени, такие, как Генрих Грец и Симха Пинскер). Но, безусловно, в контексте всей огромной и важной работы, проделанной Хвольсоном, эти ошибки были не слишком весомы.

Важную, хотя и не самую обширную, часть сочинений Хвольсона составляли работы, связанные с библейской филологией и экзегетикой. В 1874 году он написал «Историю ветхозаветного текста», а в 1881 году – исследование «Покоящиеся буквы He, Wow и Iod в древнееврейской орфографии», опубликованное на немецком и русском языках и вскоре переведенное на английский. В области экзегетики Хвольсона очень занимала известная проблема расхождений между сообщениями так называемых синоптических Евангелий (от Матфея, Марка и Луки) и Евангелия от Иоанна о том, была ли Тайная Вечеря еврейской пасхальной трапезой (что следует из синоптических Евангелий) и в какой день умер Йеошуа. Наряду с двумя небольшими работами на немецком языке 1893 и 1896 годов, той же теме посвящена книга Хвольсона «Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и день его смерти», изданная по-русски в 1892 году и по-немецки (с большими дополнениями) в 1908 году. Вместе с тем, значение этой книги Хвольсона выходит далеко за рамки обсуждения вынесенного в заглавие вопроса. Она представляет собой глубокое историческое исследование, в котором поднимаются важнейшие проблемы истории иудаизма эпохи Второго храма и обсуждается новозаветная проблематика.

Очень важно отметить, что еврейские историки периода Хаскалы проявляли большой интерес к фигуре Йеошуа и раннему христианству, не выводя последнее за пределы иудаизма. Сам Гейгер посвятил три лекции Йеошуа и его ученикам в своем труде «Еврейство и его история» («Das Judentum und seine Geschichte», 1864). Гейгер определял Йеошуа как «иудея-фарисея галилейского типа, который не провозглашал ничего, что не было бы уже известно, и который не выходил за национальные рамки» (эта концепция Гейгера вызвала резкую полемику с крупнейшим востоковедом того времени Францем Деличем). Несомненно, взгляды Гейгера повлияли на Хвольсона; возможно, что именно благодаря Гейгеру Хвольсон заинтересовался ранним христианством.

В самом сжатом виде выводы Хвольсона можно сформулировать следующим образом.

Йеошуа на протяжении всего своего служения действовал как истинный последователь движения прущим (фарисеев) и соблюдал все предписания закона в соответствии с учением мудрецов. По словам Хвольсона, «Йеошуа не говорил и не учил ничему такому, что не могло быть сказано истинным фарисеем, и не сделал ничего, что фарисеи могли бы найти предосудительным». Если Йеошуа критикует фарисеев (Мф., 23), то подобную критику мы можем обнаружить и в Талмуде, где говорится о «чуме фарисейской» и перечисляются семь типов недостойных фарисеев. Йеошуа критиковал именно порочные черты фарисеев, а не само их учение. Хвольсон пишет, что между фарисеями и последователями Христа существовали вполне дружелюбные отношения, и лишь с начала II века началась вражда, особенно усилившаяся с восстанием Бар-Кохбы.

Кроме того, полагает Хвольсон, переписчики Евангелия во многих случаях заменяли греческое слово «grammatei/j» (подразумевавшее «книжников», представителей враждебной фарисеям партии цдуким, саддукеев) на «farisai/oi» («фарисеи») или попросту добавляли его.

Хвольсон приводит множество примеров фарисейских традиций, практикуемых Йеошуа; наказания Йеошуа относительно соблюдения субботы порой дословно совпадают с талмудическими и даже опираются на ту же аргументацию. В своих этических воззрениях Йеошуа был близок к школе Гилеля, хотя в вопросах развода придерживался скорее взглядов Шама. Казалось бы, в отличие от общепринятой практики, ученики Йеошуа уделяли мало внимания омовению рук, однако, полагает Хвольсон, в то время это была обычная практика

у евреев. Либеральные взгляды Йеошуа на запретную пищу (Мф., 15:11), считает Хвольсон, не являются аутентичными, иначе бы на них сослался Павел.

Таким образом, учение Йеошуа, по Хвольсону, практически совпадает с фарисейским, Йеошуа учит в синагогах, общается с фарисеями. Почему же он был осужден на смерть? Обвинение в «лжепророчестве» не могло быть причиной казни, утверждает Хвольсон, – если только обвиняемый не склонил кого-то к поклонению идолам, что применительно к Йеошуа предположить никак нельзя. Суд над Йеошуа не соответствует фарисейским требованиям, да и в Сангедрине фарисеи составляли меньшинство. Таким образом, Хвольсон возлагает вину за смерть Йеошуа на саддукеев, чье мировоззрение было значительно более догматичным и чьих судей, в силу их особой жестокости, в народе называли «дайане гзелот» («судьи-грабители») вместо «дайане гзерот» («судьи-законники»). Саддукеи, опасаясь потери влияния и реакции Рима, наняли лжесвидетелей, которые и осудили Йеошуа.

Для более адекватного понимания учения Йеошуа, считает Хвольсон, необходимо изучать пророков и талмудическую агаду, даже в большей мере, чем палестинские апокрифы и псевдоэпиграфы, в то время как для понимания Павла необходимо знание Филона, греческой литературы, пророчеств Сивиллы.

Кроме указанного сочинения, Хвольсон также написал брошюру на немецком языке «К вопросу о том, существовал ли Иисус» (Лейпциг, 1910), которая была ответом на известную книгу Дрекса «Миф о Христе». В этом своем сочинении Хвольсон доказывал историчность личности Йеошуа, ссылаясь на древнееврейскую литературу и Евангелия.

Нетрудно заметить, что проблематика, рассматриваемая Хвольсоном в его книгах, актуальна и сейчас. Высказанные им идеи были сходны с представлениями немецких теологов того времени и обсуждались крупнейшими современными авторами – библеистами и историками, такими, как Иоахим Иеремиас, Ллойд Гастон, Дэвид Флуссер, Мэтью Блэк, Геза Вермеш и другие. Более того, хотя, конечно, не все выводы Хвольсона выдержали проверку временем, многие его положения представляются столь же верными и сегодня. Работа Хвольсона о происхождении христианства очень достойно выглядит в ряду работ немецких теологов рубежа веков, например, Юлиуса Вельгаузена («Izraelitische und Judische Geschichte», 1894) и Эдуарда Мейера («Ursprung und Anfänge des Christentums», 1921), а такой крупнейший еврейский историк, как Йосеф Клаузнер, даже особо выделяет ее достоинства. В самом деле, считается, что Вельгаузен был чуть ли не первым из христианских ученых, прямо заявившим (в 1905 году): «Йеошуа не был христианином; он был иудеем». Однако Хвольсон в своем исследовании сделал это раньше него. Во всяком случае, в контексте русской библеистики книга Хвольсона представляется выдающейся, если не уникальной.

Еще одной важной областью деятельности Хвольсона были переводы Танаха. В 1856 году Святейший синод вынес официальное решение о возобновлении работы над русским переводом Библии, и в 1860 году при Петербургской духовной академии был образован специальный комитет из профессоров М.А. Голубева (которого после его смерти заменил П.И. Савваитов), Е.И. Ловягина и Хвольсона, который должен был подготовить авторитетный перевод Библии на современный русский язык. Участники этого проекта переводили библейский текст с древнееврейского, но в случае необходимости пользовались греческими, сирийскими, арабскими текстами и Вульгатой. Душой и главным действующим лицом комитета был Хвольсон; его перевод, снабженный филологическими комментариями, печатался в журнале «Христианское чтение» с 1861 года и включал все книги Пятикнижия, книги Йеошуа Бин-Нуна, Шмуэля, Млахим, Диврей а-ямим, Иова, Мишлей и Коелет. В

1866–1875 годах британское Библейское общество издавало русский перевод Танаха «исключительно с еврейского текста». Перевод был начат профессором Петербургской духовной академии В.А. Левисоном[2], а после его смерти в 1869 году работу продолжил опять же Хвольсон при содействии П.И. Савваитова. В переводе Левисона были напечатаны книги Пророков, в переводе Хвольсона – все остальные книги Танаха. Но, как напечатанное за границей, это издание не было разрешено к распространению в России. В 1876 году первый полный русский перевод Библии, над которым работал учрежденный Синодом комитет, был наконец опубликован. Он получил название «синодального» и до сих пор является единственным официально признанным Русской православной церковью переводом библейского текста.

Уникальность Хвольсона как ученого-энциклопедиста дополняется его исключительностью как общественной фигуры. Исторический опыт Средневековья и Нового времени показывает, что обратившиеся в христианство евреи вели себя в лучшем случае нейтрально, а в худшем – крайне агрессивно по отношению к своим бывшим единоверцам. Хвольсон представляет собой поистине поразительное исключение из этого правила. Он приехал в Петербург из Германии в 1851 году в разгар «саратовского дела» об употреблении евреями христианской крови. Выступив экспертом по этому делу, он категорически отмел все домыслы обвинения, скрупулезно разобрав основные его пункты. В своем меморандуме он торжественно заявил: «Положа руку на голову самых дорогих мне в этом мире людей, я клянусь перед Всемогущим творцом неба и земли, что это ложь, ложь, ложь! Евреи никогда не употребляли христианской крови в религиозных или иных целях, да поможет Б-г мне, моей дорогой жене и моему единственному ребенку. Аминь, аминь, аминь!» В 1861 году вышла его книга «О некоторых средневековых обвинениях против евреев», где он детально обосновал свои выводы об отсутствии практики употребления крови у евреев.

В 1878 году в Кутаиси проходил судебный процесс, получивший название «кутаисское дело»: группу из девяти евреев обвинили в убийстве девочки Сарры Модебадзе из города Сачхере. Известнейший петербургский меценат Гораций Гинцбург нанял для защиты евреев лучшего адвоката России П. Александра (незадолго до того выигравшего дело Веры Засулич) и попросил Хвольсона написать специальное ученое сочинение в связи с наветом. Хвольсон страстно взялся за дело. Его новая книга «Употребляют ли евреи христианскую кровь?», изданная в 1879 году на средства Гинцбурга, имела широкий общественный резонанс и была переведена на несколько европейских языков. (Позднее, в 1912 году, это сочинение было переиздано в связи с процессом Бейлиса.) 13 марта 1879 года арестованные по «кутаисскому делу» евреи были оправданы, во многом благодаря убедительным аргументам Хвольсона, причем защите удалось доказать абсурдность самой идеи о том, что еврейская религия допускает ритуальные убийства.

Вскоре после завершения «кутаисского дела», в 1880 году, была переиздана и книга «О некоторых средневековых обвинениях против евреев»; объем ее увеличился почти вдвое.

В течение 25 лет, будучи преподавателем древнееврейского языка в римско-католической семинарии, Хвольсон каждый год читал лекцию о христианских обвинениях против евреев, которые сравнивал с наветами язычников на ранних христиан. Сам ученый знал предмет досконально: именно мандеи, о которых он писал диссертацию, обвиняли христиан в использовании еврейской крови для приготовления просфор[3]. В своих публицистических работах Хвольсон часто давал отповедь антисемитским заявлениям видных российских общественных фигур, таких, как Н. Костомаров, И. Лютостанский и другие[4].

Не удовлетворяясь только литературно-публицистической деятельностью в защиту евреев, Хвольсон добивался встреч с влиятельными людьми, убеждая их в необходимости вступить за несправедливо гонимых. Так, на Кавказе Хвольсон имел продолжительную встречу с братом царя, великим князем Михаилом Николаевичем, и сумел в известной мере развеять его антисемитские предубеждения.

Грузинские евреи – обвиняемые по «кутаисскому делу». 1879 год

Популярность Хвольсона в еврейском обществе была велика. Когда в 1881 году, после конференции археологов в Тифлисе, Хвольсон проезжал через Кутаиси, его пригласили в местную синагогу. Он вошел туда в сопровождении главного раввина и наиболее уважаемых членов кутаисской общины. Синагога была освещена необычайно ярко. При открытом ковчеге Завета главный раввин произнес страстную речь на иврите, приветствуя Хвольсона, после чего другой раввин произнес речь на грузинском, которую перевел на русский язык глава общины и вручил Хвольсону памятный адрес. Подобная встреча в синагоге еврей-выкреста (о чем, несомненно, знали все присутствующие) является, по всей видимости, уникальным событием в российской, да и, пожалуй, в мировой истории.

В 1863 году Хвольсон вошел в Комитет только что созданного бароном Евзелем Гинцбургом первого объединения еврейских просветителей в России – Общества для распространения просвещения среди евреев. Однако между столичной еврейской интеллигенцией и Хвольсоном вскоре возникло напряжение: консервативные общественные взгляды ученого вызывали протест со стороны либерально настроенных просветителей. Нежелание Общества опубликовать Пятикнижие в переводе Хвольсона для использования его в еврейских школах только обострило ситуацию и привело в конечном счете к его уходу из Общества и потере всякого интереса к его деятельности[5].

Особые отношения сложились между Хвольсоном и еврейским ортодоксальным лагерем в России. Несмотря на культурную и мировоззренческую пропасть, которая отделяла ученого от современного ему традиционного еврейского общества, Хвольсон сохранил глубокую внутреннюю эмпатию по отношению к еврейской традиции и ее нравственным ориентирам. Он с тревогой следил за тем, как под натиском новых идей меняется тот патриархальный жизненный уклад, с которым были связаны его детские и

юношеские воспоминания, и, в отличие от еврейских просветителей-маскилим, не считал, что современная европейская культура может стать заменой старых устоев. Свои охранительные убеждения Хвольсон получил возможность высказать в ходе острой полемики между радетелями прогресса и ревнителями традиции, разгоревшейся на страницах ивритской прессы в конце 80-х годов XIX столетия. Выступая в защиту видного ортодоксального публициста и общественного деятеля Якова Липшица, который подверг резкой критике идеологию еврейского Просвещения, Хвольсон писал: «Знайте же, что для счастья человеческого потребно два вида Просвещения (Хаскала): Просвещение ума и Просвещение сердца. И последнее – достойней и возвышенней первого, потому как главное не слова, а дела. И по моему разумению, истинное Просвещение в том, чтобы следовать путями морали и справедливости, делать добро и искать правду, жалеть бедных и обездоленных, и оберегать душу от безобразного... Именно такое Просвещение было наследием наших предков с древности, и в ней наша мудрость и разумение в глазах просвещенных народов... А в нашем поколении: что общего между р. Хаимом и р. Ицхаком Воложинерами, р. Абеде Посвелером из Вильно и подобными им, которые день и ночь занимаются Торой и заповедями, которые размышляют над этическими трактатами<...> и между мнимыми просветителями (маскилей-шекер), превращающими ночь в день в собрании глупцов и в игре в карты, читающими пустые и никчемные книги... Разница между ними – как между упомянутыми этическими трактатами и сочинениями Александра Дюма...»

В устах ученого, который давно отошел от еврейской традиции и добился высокого статуса в христианском обществе, неожиданно звучат слова: «Если и найдется у меня толика добродетели, то она – наследие моего праведного отца и наследие моего учителя и наставника р. Исраэля из Вильно, которые учили меня идти прямым путем и делать добро каждому человеку»^[6].

Эти взгляды Хвольсона отразились и на его общественной деятельности. Он состоял в переписке с видными лидерами ортодоксального еврейства, такими, как ковенский раввин р. Ицхак-Элханан Спектор, глава Воложинской ешивы р. Нафтали-Цви Берлин, р. Давид Фридман из Карлина, и, используя свои связи в кругах высокопоставленного чиновничества, немало сделал для защиты традиционных еврейских образовательных институтов от вмешательства властей.

В 1899 году ученый мир торжественно отмечал восьмидесятилетие Хвольсона, и в Берлине в его честь был выпущен сборник научных трудов, авторами которого стали крупнейшие ученые^[7]. Редактором сборника был его друг, выдающийся общественный деятель и востоковед барон Давид Гинцбург, который и написал проникновенное предисловие к сборнику.

Умер Даниил Абрамович Хвольсон в 1911 году. В научном мире довольно широко известен не только он сам, но и его сын Орест Данилович, крупный специалист по электрическому магнетизму и автор популярнейшего в СССР в 1920–1930-х годах общего курса физики.

^[1] Цит. по: Gu..nzburg D. Daniel Chwolson: A Christian Jew // Dawidowicz L. Golden Tradition: Jewish Life and Thought in Eastern Europe. London, 1989. P. 335.

^[2] Василий Андреевич Левисон (1807–1869), как и Д. Хвольсон, родился в религиозной еврейской семье в Германии. Учился в Геттингенском и Вюрцбургском университетах, служил раввином в Веймаре. Приняв решение перейти в христианство, он направил русским властям ходатайство о принятии российского подданства и крещении в русской православной церкви. В 1839 году ходатайство было удовлетворено, и В.А. Левисона назначили профессором древнееврейского языка в Петербургской духовной академии.

^[3] Jewish Encyclopaedia. Vol. VIII. New York and London, 1910. P. 287.

[4] См., например: Хвольсон Д. О мнимой замкнутости евреев. СПб., 1880.

[5] Цитрон Ш. Меахорей а-паргод («За ширмой»). Вильна, 1923. С. 24–26.

[6] А-Цфира. 1888. № 47.

[7] Recueil de travaux redigés en mémoire du jubilé scientifique de M. Daniel Chwolson. 1846–1896. Berlin, 1899.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2009 ТИШРЕЙ 5770 – 10(210)

СКРЫТЫЙ КЛАССИК ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

יְהוָה עִבְרֵי

В серии «Проза еврейской жизни» («Текст/Книжники») готовится первое русское издание романа Дер Нистера (псевдоним Пинхаса Кагановича; 1884–1950) «Семья Машбер» в переводе с идиша М. Шамбадала, сделанном в начале 1960-х годов, но до сих пор так и не опубликованном. Мы предлагаем вниманию читателей предисловие к роману известного исследователя еврейской литературы профессора Мичиганского университета Михаила Крутикова.

Фотография С. Юдовина. Бердичев. 1912–1914 годы

Украинское еврейство – жители Галиции, Волыни, Подолии, Киевщины – дало миру несколько знаменитых писателей, таких, как Агнон, Шолом-Алейхем, Бергельсон. Самым значительным вкладом евреев Украины в еврейскую и мировую культуру стал хасидизм – религиозное течение, совмещавшее мистическую веру, этическое учение и практический образ жизни. Среди первых учителей хасидизма – цадиков – были рабби Леви-Ицхак Бердичевский (1740–1810) и рабби Нахман Браславский (1772–1811), представлявшие два различных взгляда на мир и человека. Рабби Леви-Ицхак родился в Галиции, но прославился как городской раввин Бердичева, где он поселился в 1785 году и провел последние 25 лет своей жизни. Рабби Леви-Ицхак совмещал должность городского раввина с менее формальной, но не менее влиятельной позицией хасидского ребе, соединяя в одном лице юридическую власть и духовный авторитет в еврейской общине.

В отличие от Леви-Ицхака и большинства других цадиков, рабби Нахман сознательно избегал формального признания и престижа. Он не создал династии и не занял важного положения в какой-либо общине. Проповедуя аскетизм и самоотречение как подготовку к приходу Мессии, он собрал вокруг себя небольшую группу преданных учеников. Он учил, что по своей природе человек склонен к сомнениям и единственный путь к их преодолению лежит через веру, а не через разум. Для объяснения своего учения он использовал традиционный жанр хасидской проповеди, основанной на толковании отдельных мест Библии и Талмуда, а также сказки и притчи. Он рассказывал их на простом разговорном идише, но тайный мистический смысл этих простых историй был доступен только посвященным ученикам.

Эти два аспекта хасидизма – позитивное отношение к власти, общественному статусу и богатству, с одной стороны, и скептическое отвержение мирских благ и светского престижа – с другой – воплощены в романе «Семья Машбер» в образах двух братьев Машбер, Мойше и Лузи. Все действие романа происходит в городе N, за которым безошибочно угадывается Бердичев. Перейдя под власть Российской империи по второму разделу Польши в 1793 году, Бердичев стал крупнейшим торговым центром Юго-Западного края благодаря усилиям многих тысяч бедных, но предприимчивых евреев, устремившихся в город не только из окрестных волынских местечек и деревень, но и из дальних концов Белоруссии и Литвы. Расцвет бердичевской торговли приходится на первую половину XIX века. К 1861 году население города превысило 50 тыс. человек, и около 80% этого числа составляли евреи. Бердичев был второй по численности (после Варшавы) еврейской общиной Российской империи, однако, в отличие от других крупных еврейских центров, таких, как Одесса или Вильно, он не только не был губернским центром, но формально получил статус города лишь в 1845 году.

Серьезным ударом по экономике Бердичева стали два события начала 1860-х годов: отмена крепостного права в 1861 году и Польское восстание 1863–1864 годов, подорвавшие основу процветания города – польское поместное землевладение. На протяжении столетий евреи служили в Польше посредниками между помещиками и крестьянами, городом и деревней, выполняя функции среднего класса. После поражения восстания обедневшие польские помещики стали переселяться из Украины в Польшу. Капиталы еврейских банкиров, созданные в результате торговых операций на бердичевских ярмарках, стали перемещаться в Одессу, Киев, Варшаву и Петербург, где открывались новые возможности для кредита и инвестиций. К началу XX века в Бердичеве развивается кустарная промышленность, однако город уже не в состоянии вернуть свою былую славу и конкурировать с быстро растущими промышленными центрами запада Российской империи.

Бердичев занимает уникальное место в еврейской литературе. Под именем Глупск он фигурирует в качестве столицы мифической еврейской страны, воссозданной Шоломом-Яковом Абрамовичем в романах, написанных от лица своего литературного alter ego Менделе Мойхер-Сфорима. Шолом-Алейхем собирался написать о Бердичеве, который он называл «еврейским Парижем», серию романов в духе Эмиля Золя. В советское время Бердичев сохранил свою ауру местечковой подлинности, о чем свидетельствуют рассказ Василия Гроссмана «В городе Бердичеве» и снятый на его основе фильм «Комиссар», а также непревзойденная в своей гротескной остроте и безжалостной точности пьеса Фридриха Горенштейна «Бердичев».

В Бердичеве родился и вырос Пинхас Каганович (1884–1950), единственный значительный советский писатель на идише, чьи произведения практически не переводились на русский и чье имя, а точнее, литературный псевдоним Дер Нистер осталось неизвестным

не только русскоязычному читателю, но и исследователям советской культуры. Каганович вырос в благополучной хасидской семье. Его отец торговал копченой рыбой, а среди его предков были как набожные и ученые каббалисты, так и простые деревенские труженики. Старший брат Пинхаса Арон увлекся хасидизмом и примкнул к последователям рабби Нахмана, а его младший брат Мотл стал скульптором, уехал в Париж и собрал значительную коллекцию импрессионистов и постимпрессионистов, выставленную сейчас в специальном зале в парижском Музее д'Орсе. Сестра Хана стала врачом и жила в Киеве.

Дер Нистер. 1920-е годы

Пинхас получил основательное хасидское воспитание. В 1905 году он переехал в Киев и в течение двенадцати лет жил под чужими именами, скрываясь от призыва в армию. Возможно, что этот опыт наложил определенный отпечаток на его личность и навел его на мысль о выборе псевдонима – «Нистер» означает на иврите «скрытый». У этого понятия есть и мистический смысл: так называют цадика, который еще не «открылся» миру своим учением и чудесами. Как объясняет Дэвид Роскес, американский исследователь творчества писателя, «взяв псевдоним Дер Нистер, столь звучно напоминающий о каббале и еврейской эзотерической традиции, автор сразу заявил о своей принадлежности целой вселенной»^[1].

Как многие молодые еврейские писатели, Дер Нистер начал писать на иврите, но вскоре переключился на идиш. Дохода литература не приносила, и он зарабатывал преимущественно преподаванием иврита в школе для девочек и частными уроками. В Киеве Дер Нистер сблизился с молодыми прозаиками и поэтами – Давидом Бергельсоном, Давидом Гофштейном, Лейбом Квитко, Ошером Шварцманом и другими, – которые впоследствии вошли в историю еврейской литературы как «киевская группа». Однако литературный стиль и манера поведения Дер Нистера резко выделяли его на общем фоне. Его стихотворные и прозаические тексты были насыщены мистической символикой, запутаны по сюжету и лишены связи с реальным миром. В отличие от большинства еврейских писателей, он ориентировался не на массовую «народную» аудиторию, а на узкий круг образованных читателей, знакомых с новейшими течениями европейского и русского модернизма.

В 1920 году Дер Нистер переехал в Москву, некоторое время работал в Малаховке в еврейском детском доме для сирот, оставшихся после погромов Гражданской войны, и вскоре покинул Советскую Россию. В 1922 году он поселился в Берлине, ставшем в этот момент мировым центром еврейской литературы. В 1924 году он переехал в Гамбург, где работал в советском торговом представительстве, а в 1926 году вернулся в СССР. Двадцатые годы стали временем расцвета символизма в творчестве Дер Нистера. Его таинственные рассказы, сказки и притчи этого времени собраны в сборники «Гедахт» («Фантазии», Берлин, 1922–1923, и Киев, 1929) и «Фун майне гитер» («Из моих поместий», Харьков, 1928).

В начале 1920-х годов в прозе Дер Нистера доминировал оптимизм. Его героями были загадочные существа, напоминающие фольклорные персонажи, но при этом живущие в мире, сконструированном воображением писателя-модерниста. Они стремились к высоким целям и бывали близки к их достижению; даже при неудачах эти герои не теряли бодрости духа и веры в будущее и продолжали идти вперед. При желании мистические фантазии Дер Нистера, насыщенные каббалистическими образами, но лишённые национальной окраски, можно было истолковать как своего рода революционный символизм. Вероятно, поэтому до конца 1920-х годов среди поклонников писателя были влиятельные марксистские критики, связанные с «киевской группой», Исаак Нусинов и Моисей Литваков, ценившие его изысканный стиль и оригинальную фантазию.

По мере того как идеологическое давление на литературу становилось все сильнее, тон символистской прозы Дер Нистера становился все мрачнее, а разрыв между реальностью и фантазией все глубже. Скандал разразился в 1929 году после публикации рассказа «Под забором» в харьковском журнале «Ди ройте велт» («Красный мир»). Героем этого рассказа был немолодой ученый-аскет, покинувший своего учителя и ставший цирковым акробатом под началом жестокой молодой красавицы Лили. Напоминающий по логике своего построения кошмарный сон, рассказ в символической форме воспроизводил мрачную атмосферу преследований, предательств, публичных разбирательств и общественных судов, которая к этому времени стала частью литературной жизни в СССР.

Дер Нистер стал жертвой идеологической критики, преимущественно со стороны минских адептов пролетарской еврейской культуры Яши Бронштейна и Хаскла Дунеца, обвинивших его в мелкобуржуазном национализме и клерикализме. Он был лишен возможности публиковать художественную прозу, но остался в литературе как переводчик и журналист, получая скромную денежную поддержку от брата из Парижа. Переживаемый писателем кризис имел не только внешнюю сторону. К концу 1920-х годов Дер Нистер все больше ощущал, что символизм исчерпал себя как художественный метод. Он пришел к выводу, что должен написать большой реалистический роман. В 1934 году он писал брату: «Я должен написать свою книгу. Если я этого не сделаю, это будет мой конец. Если я этого не сделаю, я буду вычеркнут из литературы и из жизни живых»^[2].

Обложка сборника «Гедахт»

Главы из романа «Семья Машбер» начали печататься в советской еврейской периодике в 1935 году, а в 1939 году в издательстве «Дер эмес» вышла отдельной книгой его первая часть. Советские критики отзывались о романе положительно, и автор даже получил значительный гонорар в 25 тыс. рублей, позволивший ему работать над продолжением. Следующее издание, содержащее уже опубликованную первую часть и половину второй, вышло в 1941 году. Напечатанный в мае в Вильнюсе тираж книги не успел разойтись из-за начала войны и был в основном уничтожен, так что даже сам автор не видел этого издания до освобождения Вильнюса в 1944 году. Дер Нистер продолжал работу над романом в эвакуации, и в окончательной редакции роман увидел свет в двух томах (1943 и 1948 годы) в нью-йоркском издательстве «ИКУФ» под редакцией Нахмана Майзеля, давнего киевского поклонника Дер Нистера и пропагандиста советской еврейской литературы.

Во время и после войны Дер Нистер написал серию новых рассказов и репортажей, темой которых было героическое сопротивление евреев нацистам и их пособникам. В 1947 году он отправился с эшеленом переселенцев в Биробиджан, чтобы описать возрождение еврейской жизни на новой земле. Верный своему псевдониму, Дер Нистер вел скромный и даже скрытный образ жизни. В отличие от своих более знаменитых киевских коллег, таких, как Квитко, Фефер, Гофштейн, Маркиш и Бергельсон, он не занимал высоких постов и не получал государственных наград. Однако это не спасло его от репрессий, постигших советскую еврейскую культуру в 1948 году. Дер Нистер был арестован 19 февраля 1949 года, приговорен к 10 годам заключения и отправлен отбывать наказание в «санитарный» лагерь в поселке Абезь республики Коми, вместе с такими выдающимися людьми, как философ Л.П. Карсавин, искусствовед Н.Н. Пунин, поэт С.З. Галкин. Шансов выжить в лагере у больного писателя практически не было. Он умер от заражения крови после неудачной операции в тюремной больнице 4 июня 1950 года.

Как и всякий исторический роман, «Семья Машбер» рассказывает не только о прошлом, но и о своем времени. Само название романа содержит ключ к его пониманию: слово «машбер», происходящее от ивритского корня «ш-б-р», имеющего значение «ломать», означает «кризис», «перелом». Действие романа происходит в то время, когда Бердичев переживает экономический и социальный кризис, когда рушатся сложившиеся веками связи между еврейскими торговцами и банкирами и польскими помещиками, падает спрос и усиливается конкуренция со стороны новых промышленных и торговых центров. Этот кризис подрывает также традиционные моральные и религиозные устои еврейской жизни, и его символическим воплощением становится трагическая судьба бердичевского купца Мойше Машбера.

Роман открывается детальным описанием городского ландшафта, задающим символическую систему пространственных координат. Архитектурный облик каждого из трех концентрических колец, образующих город, соответствует его роли и социальному характеру. В первом кольце сосредоточена коммерческая жизнь, во втором кольце проживают зажиточные купцы и торговцы, и третье, внешнее, кольцо – район бедноты. У каждого кольца своя религия: внушительная Большая синагога представляет официальный иудаизм рядом с величественным кармелитским монастырем и православным собором в центре города, множество небольших синагог и молельных домов второго кольца отражают живое многообразие хасидских направлений, популярных в средних слоях еврейского общества, а нестрогая религиозность третьего кольца соответствует свободным нравам еврейской бедноты.

Архитектурный символизм первых двух колец рассказывает официальную версию истории галута, еврейского изгнания после разрушения Иерусалимского Храма. Третье кольцо подвергает эту версию определенным сомнениям. Соблюдение религиозных законов

и обрядов здесь не такое строгое, гнет галута давит не так сильно, поскольку корень всех страданий лежит не в религиозном угнетении, а в социальном неравенстве. Несмотря на свою бедность, жители третьего кольца кажутся более укорененными в реальной российской действительности своего времени, и именно среди них зреет недовольство существующим порядком, которое впоследствии примет активные формы социального протеста.

Первоначально недовольство реальностью проявляется в традиционной религиозной форме – мессианском браславском хасидизме. Реалистическое изображение этого движения в романе существенно отличается от его более известных романтизирующих интерпретаций в духе Мартина Бубера, Ицхака-Лейбуша Переца или Гилеля Цейтлина, повлиявших на еврейский модернизм начала XX века, включая и самого Дер Нистера. В «Семье Машбер» браславский хасидизм показан без мистического и романтического ореола. Здесь это религия отверженных, последнее прибежище для бедняков третьего кольца, не желающих смириться с несправедливостью социального порядка. Религиозный экстаз является не более как формой, в которую облачается страстное желание уйти от реальности и создать свой мир счастья и справедливости.

Излюбленные символистами мотивы сна и танца, позволявшие метафорически связать материальный и духовный мир, получают в реалистическом пространстве романа иной смысл. При определенной скупости и ограниченности принятых в еврейском обиходе форм словесного выражения для возвышенных мыслей и чувств, язык движений, жестов и образных картин позволяет автору расширить арсенал изобразительных средств и передать нюансы настроений и переживаний, лежащие за пределами сферы разговорного языка. Вместо того чтобы вкладывать в уста своих героев несвойственные им слова и выражения, автор раскрывает перед нами их внутренний мир посредством образного описания. В этом смысле Дер Нистер продолжает традицию модернизма, отказавшегося от метода имитации живой разговорной речи, изобретенного классиками новой еврейской литературы, Менделе и Шолом-Алейхемом.

Роман перенасыщен деталями быта, подробными описаниями архитектуры города N, обычаев и манер его жителей. В совокупности они с этнографической точностью воссоздают многомерную картину навсегда утраченной жизни. Автор излагает свою художественную и идейную программу в кратком предисловии, имеющем двоякую цель: формально вписать роман в господствующую схему социалистического реализма и дать понять внимательному читателю, что внутри соцреалистической оболочки заключены символические коды, ведущие к еврейской традиции. Для читателя, знакомого с прежним творчеством Дер Нистера, расшифровка его символического языка не представляла большого труда – и надо полагать, что таких читателей накануне войны было достаточно много и в СССР, и за его пределами.

Обложка издания романа Дер Нистера «Семья Машбер» (М., 1939).

Верный принципам социального (не социалистического) реализма европейской литературы XIX века, Дер Нистер не только подробнейшим образом описывает, но и анализирует различные аспекты экономической и социальной жизни города. Во многом город N живет еще в докапиталистическую эпоху. Польские помещики продают еврейским купцам, преимущественно в кредит, продукты труда своих украинских крепостных, а евреи, в свою очередь, снабжают помещиков и крестьян промышленными изделиями, от предметов роскоши до орудий труда. И помещики, и евреи заинтересованы прежде всего в стабильности, а не в экономическом росте. Капиталы растут медленно, производительность труда крепостного хозяйства остается низкой. Капиталистическое развитие обходит город стороной, позволяя лишь небольшому числу наиболее предприимчивых купцов собрать достаточно денег для того, чтобы открыть свои банкирские конторы и впоследствии перебраться в более крупные центры империи.

Жертвой ломки старого общественно-экономического порядка становится один из двух главных героев романа, оптовый торговец Мойше Машбер. Консервативный образ мыслей не позволяет ему понять, насколько радикально изменились обстоятельства после отмены крепостного права и поражения Польского восстания. Польская шляхта, главный клиент и должник Машбера и других еврейских коммерсантов, обанкротилась и увлекла за собой своих кредиторов. Идя наперекор своим строгим моральным принципам, Мойше Машбер делает отчаянную попытку спасти свое дело, переписав его на подставных лиц, но в результате терпит банкротство и оказывается в тюрьме.

Как показал израильский литературовед Дов Садан, одним из источников романа была история, приключившаяся в середине XIX века в Бердичеве с Израилем Гальпериным, владельцем крупнейшей в городе банкирской конторы. Пользуясь большим авторитетом среди русской администрации и польских помещиков, Гальперин покровительствовал различным хасидским общинам города, что, в свою очередь, усиливало его влияние среди евреев. Для защиты хасидских интересов Гальперин предпринял атаку на группу маскилов – приверженцев идеологии Хаскалы (Просвещения) и ярых противников хасидизма, прибывших в Бердичев из австрийской Галиции. Воспользовавшись временным затруднением в делах Гальперина, маскилы распространили панику среди его многочисленных клиентов, что в конечном счете привело к банкротству и аресту банкира.

«Он умер мучеником, жертвой берлинской Хаскалы» – так рабби Ошер Прицкер завершает свой назидательный рассказ о Гальперине, который послужил источником для реконструкции Садана...[\[3\]](#)

Дер Нистер во многом изменил обстоятельства и переставил акценты в этой истории, передвинув ее вперед по времени лет на десять–пятнадцать. Падение торгового дома Машбера вызвано не интригами врагов, а объективными социальными, экономическими и политическими причинами. Маскилы показаны в романе как маргинальная группа интеллигентов, имеющая очень небольшое влияние на массы и на средний класс. Такое представление Хаскалы шло вразрез с установившейся в советской еврейской историографии концепцией, согласно которой именно это движение было непосредственным предшественником социализма в еврейской среде. Для Дер Нистера главной движущей силой истории были народные массы, а не интеллигенция, и поэтому мессианские мистические течения вроде браславского хасидизма казались ему ближе к революции по духу, нежели критический рационализм Хаскалы.

Петух. Рисунок М. Шагала для обложки книги Дер Нистера. 1914 год

Община браславских хасидов становится духовным прибежищем для брата Мойше Машбера Лузи, появление которого в городе приводит в действие интригу романа. Лузи воплощает семейную традицию духовного и интеллектуального поиска, уходящую корнями в испанско-еврейское прошлое и мессианские ожидания после изгнания из Испании. Возглавив самую бедную и презираемую хасидскую общину города, Лузи противопоставил себя брату и его окружению. Возможно, косвенным образом Лузи способствовал падению делового престижа Мойше. Постоянная неудовлетворенность Лузи самим собой, его неспособность долго оставаться на одном месте в конечном итоге оказываются спасительными для него. В конце романа он покидает обреченный город, продолжая свое вечное странствие. В символической схеме романа противопоставление Мойше и Лузи показывает превосходство движения над покоем, поиска над удовлетворенностью, бедности над богатством.

Мотивы странствия, поиска, падения и подъема, занимавшие центральное место в ранней символистской прозе Дер Нистера, сохраняют свое значение и в романе. В соответствии с законами жанра социального романа, они представлены в реалистической форме, обусловлены причинно-следственными отношениями и вписаны в исторический

контекст. Перейти от символистского к реалистическому письму Дер Нистеру помог опыт переводческой работы. Лишенный возможности печатать свои собственные произведения, он переводил на идиш прозу самых различных авторов, от пролетарского романа украинского писателя Ивана (Израиля) Кулика до сказок Андерсена, рассказов Тургенева, романов Виктора Гюго. В романе «Семья Машбер» заметно влияние Достоевского, Томаса Манна, французских реалистов XIX века, а также еврейских классиков, в первую очередь Менделе и Переца.

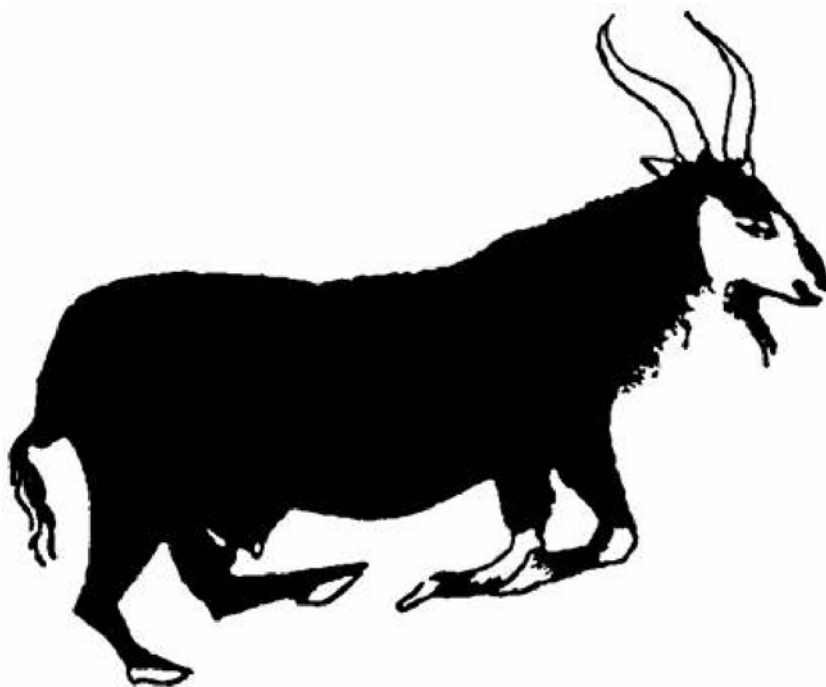
Перейдя к реализму, Дер Нистер не только избавился от идеологических обвинений в декаденстве и клерикализме, но и нашел новое художественное решение проблемы, связанной с интерпретацией смысла символического языка. Как отметила французская исследовательница Дельфин Бештель, интерпретационная многозначность затрудняла понимание символистской прозы Дер Нистера: «Читатель этих историй, как и их герой, пытается найти систему интерпретаций и ценностей, но при отсутствии принципов ориентации мы оказываемся потерянными в лесу символов, без возможности увидеть, что стоит за ними»[4]. В романе «Семья Машбер» автор обращается к традиционной реалистической системе координат, оставляя при этом возможность символической интерпретации, открытой для тех, кто был знаком с его ранним творчеством.

Дер Нистер был не единственным еврейским писателем, обратившимся в 30-х годах к исторической теме. Жанр исторического романа был популярен в Польше и США; в СССР на исторические темы писали Давид Бергельсон, Меир Винер, Липман-Левин, Ирме Друкер и другие авторы. Основным стимулом многих авторов было стремление запечатлеть то прошлое, которое они застали еще детьми и знали по рассказам старших. Для советских писателей определенную роль играло и стремление уйти от проблем, связанных с изображением текущей действительности, в мир прошлого, где идеологические ориентиры были закреплены более надежно, а значит, и оставляли больше места для маневра.

Однако при всей историчности и укорененном в ней символизме «Семья Машбер» повествует также и о современности. Мрачная атмосфера романа усиливается по мере того, как мир вокруг его автора погружается в катастрофу, от 1939 года к 1941-му и далее к 1942-му, году смерти дочери писателя в блокадном Ленинграде. В то время когда Дер Нистер заканчивал работу над вторым томом, ему все яснее становилась картина уничтожения евреев Европы. К этому времени относятся его первые рассказы из серии «Жертвы», основанные на свидетельствах уцелевших беженцев из оккупированной Польши. Финальный уход Лузи из города можно интерпретировать как единственно возможный вариант выживания в мире, где любая устойчивость является опасной иллюзией.

Израильский литературовед Хоне Шмерук подытоживает значение «Семьи Машбер» как вершины творчества Дер Нистера: «Писатель остался верен своему мировоззрению и выбранному им с молодости пути в литературе. Все художественные достижения Дер Нистера: глубина видения, богатая образность и оригинальный стиль, а также способность запечатлеть историческую реальность еврейской жизни, исчезающую на глазах его поколения, достигли совершенства в этой книге»[5]. Творчество Дер Нистера давно и активно исследуется в Израиле, Европе и Америке, его произведения, в том числе и «Семья Машбер», переведены на иврит и многие европейские языки. Среди исследователей и поклонников Дер Нистера бытует легенда, согласно которой автору удалось скрыть от конфискации при аресте третью часть романа. У Дер Нистера действительно были планы написать продолжение романа и довести его до революции 1905 года – об этом свидетельствует незавершенная повесть «В пятом году», опубликованная впоследствии в журнале «Советиш геймланд»[6]. Однако третья часть романа «Семья Машбер» вряд ли

была написана – скорее всего, речь идет о нескольких последних главах второй части, не вошедших в советское издание 1941 года, но вышедших в Нью-Йорке в 1948 году.

Коза. Рисунок М. Шагала для обложки книги Дер Нистера. 1914 год

Судьба романа в СССР сложилась своеобразно. После смерти автора роман вышел дважды на идише, оба раза – в неполном издании 1941 года. На русском языке роман, как и другие произведения Дер Нистера, в советское время не издавался. Настоящий сокращенный перевод известного советского переводчика с идиша М. Шамбадала был, по-видимому, подготовлен для русского издания романа, готовившегося во времена «оттепели» в начале 1960-х годов, но так и не увидевшего свет. Текст перевода сохранился благодаря усилиям дочери переводчика.

Дер Нистер является, наверное, единственным крупным советским писателем, чьи произведения до сих пор практически неизвестны русскому читателю (лишь в 2007 году в русском переводе появились две сказочные истории в сборнике «Тяжба с ветром»). Выбранная писателем в начале своей литературной карьеры роль «скрытого цадика» настолько удалась Дер Нистеру, что он сумел остаться незамеченным самыми внимательными российскими историками культуры советского времени. Такое упущение вряд ли случайно. Оно свидетельствует о характерном для российской культуры предрассудке, отводящем идишу место внизу культурной иерархии, на уровне бытового жаргона, юмора, примитивного бытописания. Возможно, что публикация на русском языке одного из значительнейших романов советского времени немного пошатнет этот предрассудок. Если же этого не произойдет, Дер Нистер так и останется для русскоязычного читателя «скрытым» классиком.

[1] David G. Roskies. *A Bridge of Longing: The Lost Art of Yiddish Storytelling*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1995. P. 195.

[2] Leonard Wolf. «Introduction» *Der Nister. The Family Mashber*. New York: Summit Books, 1987. P. 15.

[3] Дов Садан. «Вегн Дем Нистер» ин Тойерн ун тирн: эсейн ун этюдн. Тель-Авив: Исроэл бух, 1979. С. 64–65.

[4] Delphine Bechtel. «Der Nister's» Work 1907–1929: A Study of a Yiddish Symbolist. Herbert Lang, 1996. P. 266.

[5] Хоне Шмерук. Дер Нистер, хайав вейецирато // Дер Нистер. Ханазир вегахдийа. Иерусалим: Мосад Бялик, 1963. С. 41.

[6] Подробнее об этой повести см. мою статью «Writing between the Lines: 1905 in the Soviet Yiddish Novel of the Stalinist Period». Stefani Hoffman and Ezra Mendelsohn (eds.). The Revolution of 1905 and Russia's Jews. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. P. 212–226.

ВСЕ – «ЗА», А БАБА-ЯГА – «ПРОТИВ»

Аידען עײז

На протяжении ряда лет я выступал в поддержку введения в школе «Основ православной культуры». Причем как предмета обязательного для всех, без различия вероисповедания школьников и их родителей. Но вот недавно, когда идею преподавания религиозных знаний поддержал президент Медведев (хотя и в несколько ином виде), а основные противники – главный раввин Берл Лазар и председатель Совета муфтиев Равиль Гайнутдин – фактически отказались от борьбы, моя позиция изменилась. Теперь как в мультфильме: все – «за», а Баба-яга – «против». Теперь я считаю, что вводить ОПК не следует. Преждевременно и очень опасно.

**«Протодиаконовские мальчики». После совместной акции с байкерами протодиакон А.
Кураев планирует совместный проект
со скинхедами**

Отказ от своего мнения всегда неприятен, всегда дурно пахнет. Однако же упрямство – достоинство ослов. И ряд событий последнего времени показал, что с введением ОПК торопиться не стоит. В этом меня убедила сама Русская православная церковь, точнее, ее последние «миссионерские», если их так вообще можно назвать, акции.

Я был убежден, что дети обязаны знать историю государствообразующей религии своей страны (а таковой является православие – нравится это кому-то или нет), понимать ее принципы. Без этого невозможно нормально изучать историю, а представление о великой русской литературе получается искаженным. Ну как, скажите на милость, можно понять Достоевского, Пушкина, да практически всех русских писателей вне контекста православия?! Наконец, мне хотелось, чтобы, приходя в наши прекрасные музеи, наши дети не тарасились на полотна и скульптуры в таком же недоумении, как мои ровесники. Я же помню, как одни удивлялись жестокости Самсона, мучающего льва, а другие, разглядывая картины, написанные на библейские сюжеты, глупо хихикая, толкали друг друга в бок: «Позырь, какие сиськи!» Вот не хотелось всего этого, как минимум. Как максимум, я полагал, что в христианских нормах морали и нравственности нет ничего вредного для любого ребенка, а Русская православная церковь – организация в лучшем смысле слова консервативная, а потому сюрпризов в этой сфере от нее ждать не приходится. За два минувших десятилетия Русская православная церковь куда как потрудилась для поддержания межнационального и межрелигиозного мира.

Но в последнее время с грустью вижу, что отдельные служители Церкви, занимающие далеко не последнее место в ней, все чаще прибегают к современным методам политтехнологий, тех, что в современном политологическом, и даже в бытовом лексиконе презрительно именуется пиаром. И то, как это делается, просто пугает.

Речь идет о так называемой «миссии среди субкультур». Сначала нам показали байкеров с хоругвями и объявили: «Вот, посмотрите, это православные люди». Эти «православные», разумеется, не отказались от байкерских традиций. И я совсем не удивился полуголым девушкам на их слете в Севастополе. Я бы удивился, если бы их там не было, если бы они отказались от блуда, моря пива и т. п. Подавалось же все это по ТВ так: «Байкеры – это круто, а байкеры – православные, стань православным, и будешь крутым парнем». Практически был выбран стиль пивной рекламы: «Найди под крышкой крутой мотоцикл».

Ну а какая тут связь с ОПК? А самая прямая. Идейным вдохновителем байкерского пиара был протодиакон Андрей Кураев. И он же высочайше назначен писать учебник по ОПК.

Так вот, как отец дочери-подростка я не желаю, чтобы пастырь, оправдывающий такую «замечательную» субкультуру, как байкерство, учил моего ребенка вообще чему-либо. А уж тем более культуре.

Но отец Андрей байкерами решил не ограничиваться и объявил о намерении «вести диалог со всеми представителями молодежных субкультур, в том числе со скинхедами и готами».

Для скинхедов убийства инородцев уже давно стали нормой. Готы (поклонники мистического культа смерти) потренировались на расчленении кошек, но теперь все чаще стали попадаться на человеческих жертвоприношениях. И вот с убийцами автор будущего учебника по православной культуре намерен вести диалог (!). Так сказать, воцерковлять их. То, как он будет этим заниматься, легко себе представить по «работе с байкерами». Собственно говоря, никакой миссии среди мотоциклистов не было. Их просто объявили «своими, нашими» и показали по ТВ. Кстати, финал скандала с полуголыми девицами, катавшимися на мотоциклах, украшенных хоругвями, оказался вполне предсказуемым: лидер байкеров повелел мотоциклы теперь украшать только флагами клубов. Итог миссии: вместо того, чтобы отказаться от аморального поведения, окормляемые отцом Андреем байкеры решили отказаться от хоругвей на своих «железных конях».

Миссию же среди далеких от христианства готов представить вообще сложно, а уж тем более среди скинхедов. Значительную часть последних составляют неоязычники-родноверы, ненавидящие христиан не меньше, чем таджиков и узбеков-гастарбайтеров. Они обвиняют христиан в «навязывании славянам веры в еврейского Б-га», откуда и пошли «все несчастья Руси». Кстати, некоторое время назад в Москве и в других регионах было несколько попыток поджога православных храмов, и в этих преступлениях органы ищут след экстремистов из числа неоязычников.

Но есть, разумеется, и крещеные скинхеды. Вероятно, диалог будет вестись с ними. Такие попытки уже предпринимались некоторыми околоцерковными деятелями при организации так называемых «Русских маршей» на 4 ноября (День народного единства). Правда, переговоры сорвались. С одной стороны, как раз возник конфликт между православными и «родноверами», а с другой – «Русские марши» властям не нравятся, и официальные церковные структуры акцию не благословили.

Но то было год назад. Сейчас РПЦ набирает политический вес. И делает это столь активно, что несколько месяцев назад в Московском центре Карнеги религиоведы и политологи всерьез заговорили о том, что к современным религиозным объединениям следует подходить как к «политическим партиям особого типа». А политическим партиям нужны союзники, особенно нужна политически активная молодежь.

Однако политики и спецслужбы всегда пребывают в заблуждении относительно своих возможностей контролировать радикалов. Чем обернется союз РПЦ с бритоголовыми, если таковой возникнет, понятно. Исторические прецеденты были. Евреям даже переход в православие не поможет. Достаточно заглянуть в историю, посмотреть устав Союза русского народа и Союза Михаила Архангела, куда лица «еврейского происхождения» не принимались в принципе, даже крещеные.

Говорить о правом повороте как о четко определившемся векторе движения РПЦ, конечно, пока рано. Но и не замечать таких странных попыток «миссии среди молодежных субкультур» невозможно. Тем более что, несмотря на возмущение, вызванное байкерской акцией в Севастополе в церковной среде, официальные представители РПЦ дали весьма сдержанные комментарии по этому поводу. И никто даже не помышляет об отставке ее идейного вдохновителя о. Андрея Кураева с поста руководителя коллектива по написанию ОПК. А так называемые деятели «политического православия» развязали кампанию травли тех, кто усомнился в правильности такой миссии. Хамские обвинения посыпались на головы православных священников и тем более на неправославных журналистов. И никто этих деятелей – вполне, между прочим, управляемых – не одергивает.

Отсюда вывод: нет никакой нужды спешить с введением «Духовно-нравственной культуры» в школах и ОПК в том числе. С таким создателем учебника неизвестно до чего дойдем. Можем и до уголовной субкультуры докатиться. Пойдут конкурсы на лучшую «православную» татуировку: у кого больше «куполов» на спине, станет победителем... А может, и до чего похуже.

Неужели среди огромного множества людей более достойного человека в Церкви для написания учебника не нашлось? Или его подходы считаются наиболее правильными? Не знаю. Но оба варианта меня не устраивают. Так что лучше обождать.

Да, собственно, и президент тоже спешить не предлагает. Он объявил лишь эксперимент в полутора десятках регионов. Там ОПК уже преподавался, правда, в рамках так называемого «регионального образовательного компонента», отныне будет преподаваться в рамках «президентского эксперимента». Но глава государства нашел элегантный выход из неловкой ситуации. Да и срок эксперимента он ограничил 2012 годом. «А там как пойдет», – заметил Медведев. А в 2012 году выборы, и будут вопросы поважнее. Как говаривал Жванецкий: «При чем тут борщ, когда такие дела на кухне?!»

Да и для людей православных, искренне желающих, чтобы дети знали свою культуру, в такой задержке трагедии не будет. В этом году абсолютным победителем Всероссийской олимпиады среди школьников по этому предмету стала деревенская девочка, учащаяся школы, где никакого ОПК и в помине нет. И в воскресной школе она тоже не занималась, потому что храм в райцентре, и каждое воскресенье туда не находишься – далекоовато. Но книги она читала, много книг. Она вообще отличница. И еще она верующая. Я думаю, не нужен таким девочкам учебник от отца протодиакона, окормляющего байкеров и жаждущего диалога с убийцами. А то вдруг одни девочки и мальчики решат, что ездить на мотоцикле с голыми сиськами полезно для души, а другие подумают, будто резать людей в подворотнях – это и есть православная культура...

И еще замечу. Школа по определению должна быть чужда разным новшествам, не проверенным временем. Так что механическая замена автора учебника не развеет возникших сомнений. Сначала хотелось бы убедиться в том, что Церковь действительно разобралась в субкультурах, а ее молодежная политика – именно политика, а не пиар-акции. Уж слишком напугали.

ДАТАН И АВИРАМ МЕРТВЫ

Аֲדָמִים וְאִיִּירָם אֵי

Этих двоих живьем проглотила земля за бунт и за фразу, обращенную к братьям Моше и Аарону: «А вы кто такие?»

«И собрались против Моше и Аарона и сказали им: полно вам; все общество, все святы, и среди них Г-сподь! Почему же вы ставите себя выше народа Г-сподня?» (Бемидбар, 16:3).

Пляски вокруг золотого тельца (фрагмент).
Никола Пуссен

Что-то в этом роде («а ты кто такой»?) Моше уже слышал. Когда он был совсем молодым человеком, египетским принцем, пошел он к братьям своим, присмотрелся к тяжким работам их, и вот – египтянин бьет еврея. «И оглянулся он туда и сюда и, видя, что нет никого, убил египтянина и спрятал его в песке». На другой день он увидел, как два еврея дерутся, и сказал неправому: «Зачем ты бьешь ближнего твоего?» И получил ответ: «Кто поставил тебя начальником и судьей над нами? Не хочешь ли убить меня, как убил египтянина?» (Шмот, 2:11-14). Иными словами, «а ты кто такой?». Перед нами гзера шава – толкование Торы по аналогии. Там (в книге Шмот) сказали Моше: «А ты кто такой?» и здесь (в книге Бемидбар) сказали Моше и Аарону: «А вы кто такие?» В Египте сказали Датан и Авирам, а в пустыне кто сказал? Конечно, один из этих двух! Датан был тот еврей, что дрался с Авирамом и дерзко ответил Моше. Впрочем, мудрецы повесили на Датана и Авирама всех собак: и жалобы в пустыне, и намерение вернуться в Египет, и запретное хранение манны, все они – Датан и Авирам! (Шмот раба, 1:29).

А как звали того еврея, которого бил египтянин? Конечно Датан! Ведь Моше «оглянулся туда и сюда», посмотрел по сторонам и убедился, что вокруг никого нет. Откуда же Датан знал, что Моше убил египтянина? Один свидетель там все же был: побитый еврей. И звали его Датан!

Как же дошли Датан и Авирам до жизни такой и до смерти такой? Мидраш начинает издаലെка: «За четыре заслуги израильтяне были спасены из Египта». Во-первых, они не поменяли свои имена. Кто был Реувеном, тот им и остался, а не стал Руфусом. Во-вторых, они не поменяли язык, не перешли с древнееврейского на древнеегипетский. В-третьих, не нашлось среди них доносчика: как набрали в долг у египтян, так и скрылись, не расплатившись. В-четвертых, никто из них не согрешил с египтянкой или египтянином. «Как же так?» – вопрошает мидраш, ведь сказано: «И вышел сын израильтянки, он же сын египтянина» (Ваикра, 24:10-11). Значит, был грех! Случилось запретное соитие! И так случилось, что нельзя читать без смеха и слез.

Над евреями-стражниками были египтяне-надсмотрщики. Одному надсмотрщику понравилась жена некоего стражника. Рано утром, когда пошел стражник на работу, надсмотрщик вошел в его дом и лег в его постель, а жена приняла египтянина за мужа. Вернулся бедный муж и увидел, что надсмотрщик выходит из его дома. Понял египтянин, что еврей раскусил обман, и решил его известить. Погнал на работу в поле и начал бить его. Тут-то и случился Моше. Увидел он в Духе Святом и что было в доме у еврея, и что замышлял египтянин в поле. Рассмотрел дело со всех сторон – и со стороны прелюбодеяния, и со стороны покушения на убийство. Вынес алахическое решение и казнил египтянина. Потому-то и написано: «И оглянулся он туда и сюда», рассмотрел дело внимательно, прежде чем казнить (Шмот раба, 1:28). Так и родился «сын израильтянки, он же сын египтянина». От жены бедного Датана родился, еврея-стражника. В «Декамероне» Боккаччо мы находим почти такую же историю: «Один конюх спит с женой короля Агилульфа». В темноте жена и не заметила, что это конюх, а не король. И отсюда последовали неприятности.

Наши мудрецы любили рассказывать анекдоты и с их помощью толковать Тору. Вот слова Давида: «И сделал я вретище одеждой своей, и стал для них притчей. Говорят обо мне, сидя у ворот, песни насмешливые поют пьющие вино» (Теилим, 69:12-13). Рабби Абаху учил в Кесарии Приморской, столице римской Палестины, городе язычников. Он истолковал псалом Давида так: это относится к язычникам, которые сидят в театрах и цирках. Когда они напьются, то спрашивают один другого: «Как долго ты хотел бы жить?» И отвечают: «Так долго, как еврей носит субботнюю рубашку!» (Эйха раба, 17). Конечно, если носить рубашку только по субботам, то ее надолго хватит. Зицпредседатель Фунт пришел наниматься в Черноморское отделение Арбатовской конторы по заготовке рогов и копыт, когда ему было девяносто лет. «Вы видите на мне эти брюки? – промолвил он после долгого молчания. – Это пасхальные брюки. Раньше я надевал их только на пасху, а теперь ношу их каждый день». Вот и Вечный Жид восемьсот лет носил штаны, купленные по случаю в Палестине у какого-то рыцаря. Так, по крайней мере, рассказывал Остап Бендер пассажирам литерного поезда в пустыне.

Как попал Остап в пустыню, где ждал его золотой теленок, мы не будем здесь говорить. В иной пустыне его предки уже поклонялись золотому тельцу. Папа Остапа был турецко-подданным, что и неудивительно. В конце XIX столетия власти Блистательной Порты заставляли евреев, желающих жить в Палестине, принимать турецкое подданство. Первые сионисты становились «потомками янычар», а некоторые из Палестины возвращались назад, в Одессу, и там у них рождались дети. У Остапа был молочный брат (по лейтенанту Шмидту) – Шура Балаганов. Вот почти все, что известно о его семье. И был у Остапа достойный противник – гражданин Корейко. Фамилия Корейко звучит

подозрительно знакомо. Уж не Корей ли это (он же – Корах), предводитель тех двоих, Датана и Авирама, что восстали на братьев Моше и Аарона в пустыне? И разве не пришлось Остапу подавлять бунт, когда из угла комнаты бросился на него Паниковский со словами: «А ты кто такой?»: «Не переменяя позы и даже не повернув головы, великий комбинатор толчком собранного каучукового кулака вернул взбесившегося нарушителя конвенции на прежнее место...»

Этот эпизод жизни залит светом солнца, как отблеском порто-франко. В порту Александрии Египетской мы нашли извозчика. Мой сокурсник по истфаку, пассажир литерного парохода «Тарас Шевченко», взгромоздился на сиденье, прижимая к толстому брюху большой портфель. Кажется, он достиг наивысшего сродства со своим любимым персонажем, инженером Талмудовским из «Золотого теленка». Осталось только показать Александрии кукиш, сославшись на оклад жалованья, квартиру-свинюшник и т. п. Он и был инженером Талмудовским, бегущим по глобусу в поисках не оклада и клуба, а текстов и впечатлений. Зоопарк в Мельбурне и архив во Львове – оба годились. За этим бегом было удивительное ощущение внутренней свободы, собственного достоинства и мужества – три качества, которых мне никогда не хватало. Сказывались, видимо, его кавказские корни. От впечатлений ему не нужно было ничего, кроме впечатлений. Он не хотел и не собирался их капитализировать. Разве что разменивать на новые впечатления, языки и визы. У Филона Александрийского есть рассказ о мудреце, который плачет перед смертью – не из страха, но из жалости к себе: он больше не сможет учиться! На поминках (обычай не еврейский, но соблюдаемый) сиделка рассказала о его предсмертном плаче, и я немедленно вспомнил тот древний рассказ. После смерти его место в поколении опустело. Место в пролетке извозчика. Так и слышатся его прощальные слова: «Плевал я на оклад! Я даром буду работать! Вы это крепостное право бросьте. Сами всюду пишут: “Свобода, равенство и братство”, а меня хотят заставить работать в этой крысиной норе».

ЗЛО КАК ТОВАР

Матвей Ганапольский

Семидесятилетие начала второй мировой войны вновь всколыхнуло дискуссию о ее героях. Героях в прямом и переносном смысле.

За последнее десятилетие в вопросе осмысления величайшей мировой трагедии много чего произошло: открыли ранее недоступные документы, в некоторых странах, как, например, в Украине и странах Балтии из подонков-пособников фашистов сделали национальных героев. В других странах, например в США, выслали в Германию лагерного охранника Демьянюка. И сколько этот приятный дедушка ни изображал из себя больного пенсионера, суд над ним будет.

Общество демонстрирует важную константу: правосудие все же находит преступника, но что важнее, за это десятилетие у разных стран сформировалось общее понятие преступлений против человечности и то, что срок давности преступления относительно злодеев второй мировой существовать не может. И эта константа важна не только для прошедшей войны – она важна для изобретателей будущих войн.

Однако наблюдается парадокс: чем точнее определяются герои и злодеи прошедшей войны, тем, как ни странно, все дальше отдалается от нас ощущение их реальных поступков. Героизм и злодейство становятся мифом. Это закономерно, вспомним,

например, пьесу Гладкова «Давным-давно», превратившуюся в фильм Эльдара Рязанова «Гусарская баллада». Говоря сегодняшним языком, и то и другое было «блокбастером». И сегодняшнего зрителя совсем не заботит, что и русские, и французы в этом фильме одинаково милы и кукольно наивны, хотя умом он понимает, что это была страшная европейская война с жертвами и переделом мира. Но фактор временной отдаленности предлагает отнестись к этой войне, как к названию фильма – «Давным давно». Ну действительно, не будем же мы отказываться от фуагра и французских вин. Конечно, можно было бы не называть наш популярный торт словом «Наполеон», ведь именно этот человек был фактором гибели тысяч наших соотечественников. Но помилуйте, столько лет прошло, и, конечно же, сейчас «Наполеон» не более чем торговая марка. И не будем же мы отказываться от медового месяца в Париже из-за войны, которая была два века назад.

Это перемещение личности в товар оправдано временем и неизбежно, но рождает вопросы.

Эти вопросы появились лично у меня и связаны они с одной реальной историей и моей журналистской публикацией.

Однажды украинская газета «Зеркало недели» опубликовала статью «Раздень Гитлера, или Барбифюрер в подарок» – о том, что в Киеве, в магазине, «торгующем дорогими, но бессмысленными безделушками», продается сорокасантиметровая кукла Гитлера со сменной одеждой и запасной головой, производство Тайвань. Кукла стоит приблизительно 250 долларов.

Раз уж кукла продается и автор статьи Андрей Капустин ее обнаружил, то он позволил себе, как кажется, вполне допустимый публицистический ход. Он представил, как родители будут помогать детям надевать на куклу маленькие Железные кресты, а в магазинах появятся игрушечные концлагеря с игрушечными трупиками.

Дальше было вот что: различные зарубежные газеты и агентства распространили эту новость. Появились сотни заметок, где факты переврали. Например, написали, что кукла производится в Украине, что неправда. Что продавщица сказала, что если кукла будет иметь успех, то производитель выпустит игрушечную канцелярию фюрера, маленькие газовые камеры и игрушечные крематории. Это написала «Дейли мейл». Все это было вранье. Сейчас в Интернете можно уже найти более тысячи ссылок на историю с фюрером. И большинство из них также вранье.

По этому поводу даже сделал сюжет российский Первый канал.

А потом известный киевский журналист Андрей Куликов, который ведет программу «Свобода слова» на украинском канале ICTV, сделал историю с куклой одной из тем очередного выпуска своей программы и пригласил меня поучаствовать в телемосте.

Мост технически устроен так, что я не видел гостей в студии, а только слышал их голоса. Это были молодые голоса молодых людей, у которых впереди вся жизнь. В том числе и профессиональная, потому что многие из них журналисты и политики.

Так вот, молодые голоса заявили следующее:

1. Из мухи сделали слона.
2. Все переврали.

3. И переврали специально, потому что Украину окружают враги-украинофобы.

4. А корреспондент Первого канала, которого пригласили в студию, особый украинофоб, потому что в своем репортаже сказал, что кукла – «хит сезона».

– С чего вы взяли, что кукла Гитлера – хит сезона?! – обижался женский голос. – Ну, была кукла, но почему она хит? Она никого и не интересовала.

Тут я включился в разговор и сказал, что если кукла была, то, может, нужно спросить, а почему она была? И почему причастные к этому граждане великой Украины еще не под судом?

Тогда в разговор включился другой обиженный голос, мужской. Он посоветовал мне пойти на Старый Арбат. Там, сказал он, полно кукол Сталина. А, как известно, Сталин был не менее кровав, чем Гитлер.

– Раз вам тут не нравится Гитлер, то уберите у себя Сталина, – посоветовал мне голос.

Вывод аудитория сделала такой: да, Гитлер в магазине был, но маленький и игрушечный. Очень плохо, что его продавали. Но еще хуже, что этот малозначимый факт использовали враги Украины для спланированной пиар-атаки против молодой демократии.

В общем, я не смог убедить аудиторию, что я не украинофоб.

По дороге домой я представил себе, что было бы, если бы на Старом Арбате стали продавать куклу Гитлера. Интересно, продавца линчевали бы сразу или дали бы позвонить домой, попрощаться?

Я подумал, что очень жаль, что эту куклу в магазине не нашел лично я. Я бы написал про это значительно жестче.

И добавил бы пару нехитрых мыслей.

Я написал бы, что Сталин – это не совсем Гитлер. Я бы напомнил, что по поводу Гитлера был даже особый международный суд – Нюрнбергский. И там все про Гитлера сказали. А по поводу Сталина такого процесса не было. Хорошо бы его устроить, но российское общество пока не готово: оно признает, что Сталин был злом, но Гитлер-то был абсолютным злом.

Я бы напомнил, что страна Германия и сегодня делает все, чтобы зараза нацизма не пролезла опять в души немцев. И канцлер Меркель и в этом году выступила с важным обращением, в котором признает вину Германии в развязывании второй мировой войны и благодарит остальную Европу, что она помогла немецкой нации освободиться от дурмана нацизма и вернуться в общеевропейскую семью.

Потом я бы напомнил, что все началось с куклы Гитлера, которая действительно продавалась в киевском магазине. И все глазели на нее, кто смеясь, а кто в осуждении качая головой. Но убрали, если убрали, только после скандала.

Я бы написал, что нечего обижаться. Скандал неудивителен. Если у тебя в магазине продается кукла Гитлера, не удивляйся, что о тебе напишут все что угодно.

Не нужно говорить, что украинофобский мир злобно реагирует на какую-то мелочь. В объединенной Европе, в которую Украине так хочется, подобное не принято. Там официально признан Холокост, и это признание как-то не вяжется с куклой Гитлера. И десятки публикаций появились не оттого, что вокруг Украины заговор, а потому что мир удивлен. Для него продажа куклы Гитлера в сувенирном магазине – событие.

Нужно понять, что мир не считает это мелочью.

А потом я бы спросил о главном. Понимает ли аудитория, что кукла Гитлера в магазине – это не просто кукла в магазине? Если в какой-то стране ощущение этой разницы начало теряться, то нужна регулярная общественная прививка. Такая, как в Германии.

Потому что нацизм – это зло особого рода. В нем нехитрая мысль, что ты лучше. А другие хуже. Поэтому других должно быть меньше, ради твоего общественного блага. На этой позиции стоят нацики всех стран.

Так вот мировое сообщество договорилось не вести дискуссию с нациками. И я дискутировать не собираюсь.

По-моему, украинское общество, как и страны Балтии, сейчас на распутье. В Украине, с одной стороны, Вечный огонь и Бабий Яр. Но с другой – поиски человеческого лица у Шухевича и Бандеры.

В России тоже были попытки найти человеческое лицо у генерала Власова, но потом договорились считать его предателем и преступником. То, что Шухевич и Бандера мечтали о независимой Украине без Сталина и Гитлера, – это прекрасно. Но то, что для достижения этой цели они как инструмент использовали элементы нацизма, – это не дает им исторического шанса.

Каждый народ сам называет своих героев.

Но если вот таким героям ставят памятники, а их именами называют улицы, то тогда Гитлер становится просто маленькой нестрашной куклой.

Маленького нестрашного Гитлера не бывает, написал я.

Вокруг моей точки зрения развернулась активная дискуссия в СМИ и Интернете.

Позиций было две.

Первая: все, что связано с Гитлером, должно быть под запретом – либо юридическим, либо моральным. Ибо это самый страшный преступник в истории человечества.

Вторая: время идет, и нечего выпендриваться. Если на уличных развалах продается «Майн кампф», если продают куклы Сталина, если снимают фильмы типа «Молчания ягнят», то нечего пугаться Гитлера. Никто ведь не говорит, что он был хорошим, никто не поддерживает фашизм. И если в российском кинематографе появляется российский фильм «Хенде хох!» с уморительными фашистами, то это не более чем комикс. Но нельзя доходить до абсурда и преследовать обычную фаянсовую куклу.

Кукла Гитлера – это не Гитлер.

Первая позиция выглядит скучной и однообразной и выражается в том, что человек упрямо твердит: Гитлер – это абсолютное зло. И говорить о нем, приводить его в качестве примера, кроме разве что при упоминании Нюрнбергского суда и его приговора, – аморально.

Вторая позиция с первого взгляда кажется вполне современной.

Действительно, а чего это мы от Гитлера шарахаемся? Это был обычный человек, у него была непростая судьба. У него были свои идеи, которые были, конечно, преступными, но его наказала жизнь, советские войска и войска коалиции. И закончил Гитлер бесславно, как и все ироды, – его челюсть до сих пор, как считается, лежит в хранилище ФСБ. Так ему и надо.

Но остаются вопросы, заявляют сторонники второй позиции. Не постигнуть истоки и причины зла – еще большее зло. Разве не нужно разобраться, как сам Гитлер дошел до жизни такой? Или почему его нехорошие идеи овладели широкими народными немецкими массами? И это важно в первом случае с точки зрения истории и психологии. А во втором случае это важно для изучения поведения общества. Именно для того, чтобы это никогда не повторилось. В конце концов, от бешеного успеха «17-ти мгновений весны» еще никто не стал фашистом. Ну, полюбили немного Броневого-Мюллера и Табакова-Шелленберга, и все. Хорошее кино. Не снимать же в XXI веке Гитлера, как его снимал Озеров в «Освобождении» – беснующимся идиотом. Этот идиот, между прочим, до Москвы дошел.

Но, оказывается, персоной Гитлера теперь можно интересоваться не с идеологической целью, а с сугубо эстетической – он теперь объект для всевозможных творцов.

Готовясь к эфиру, в ленте новостей я прочитал следующее: «В Лондоне, в галерее “White Cube” открылась выставка акварелей германского фюрера Адольфа Гитлера. На ней будут экспонироваться 13 работ нацистского лидера, пишет “The Times”. Экспозиция называется “Будь Гитлер хипарем, как бы мы все были счастливы”. Решение об организации выставки пришло в голову двум представителям школы так называемых “молодых британских художников” Джейку и Дайносу Чэпменам.

В период с 1910 по 1913 год будущий фюрер, по его собственным воспоминаниям, написал более тысячи картин. Первоначально они уходили за жалкие гроши (Гитлер торговал ими на улице и в пивных), но после прихода к власти автора в 1930-х годах стоимость картин резко возросла. В наши дни братья Чэпмен потратили на работы фюрера 115 тыс. фунтов, или 230 тыс. долларов».

Далее поясняется, что братья Чэпмен не любят Гитлера, и вот как они это демонстрируют: они взяли пейзажи фюрера, которые, по их оценкам, скучны и серы, и дорисовали их. Например, вот серые и невзрачные домик и дерево. Это нарисовал Гитлер. А вот брызжащая всеми цветами радуга на небе. Это уже пририсовали Чэпмены. И так во всех картинах.

То есть, по сути, два английских брата считали, что это антифашистская выставка. Народ посмотрит серые пейзажи, сравнит с яркой дорисовкой и скажет: «Какой же Гитлер был бездарный. Понятно, откуда появился фашизм!» Вход на выставку, естественно, платный.

Но это не все. Вот совсем свежая история. Британский аукционный дом «Mullock's» решил выставить на торги неизвестную ранее гравюру «Шахматная игра: Ленин против Гитлера». На гравюре действительно изображен молодой фюрер, разыгрывающий партию с человеком, необычайно похожим на вождя мирового пролетариата.

А на канале «Евро Ньюс» в разделе «Кино» я увидел рассказ о съемках в Германии игрового фильма под названием «Майн кампф». Фильм, как выяснилось, рассказывает о совсем молодом Гитлере, когда ему было лет двадцать.

Показали молодого актера, который играет Адольфа. Очень симпатичный парень с маленькими узнаваемыми усиками. Пару слов сказал режиссер. Он пояснил, что в фильме разговор пойдет о том, как Гитлер дошел до жизни такой. Они покажут безрадостное детство и влияние среды. Вывод, естественно, будет жесткий: вот так рождаются тираны!..

Интересно, что я, печатая этот текст, хотел назвать имя славного режиссера и актера, так полагается. Зашел на сайт «Евро Ньюс», они там все выкладывают. Так вот этого сюжета нет. Хотя есть все остальные.

Однажды мы ехали в машине с писателем Виктором Шендеровичем, и он сказал, что лидеры часто вырастают потому, что мы их собою натираем.

Я часто эту его мысль цитирую.

Действительно, появляется какой-то политический ноль. И мы начинаем его обсуждать, начинаем произносить его фамилию. Потом журналисты копаются в его биографии, политологи осмысливают поступки, придавая им смысл, который они сами придумали. Потом на кухне мы обсуждаем его глупые слова, начинаем называть их «знаками», ища в них смысл, которого там не было и в помине.

А потом читаем, что его рейтинг больше 70 процентов, не понимая, что это не его рейтинг, а рейтинг наших фантазий.

Такое случилось с Че Геварой. Латиноамериканский фотограф Альберто Корда, щелкнув на пленку красавца-латиноса в берете, не знал, что выпустил джина из бутылки. Че Гевара на этой фотографии почти модель. Но, молясь именно на эту фотографию, организовывали террористические взрывы боевики из «Баадер Майнхоф» и радикальные ирландцы из ИРА. Фотография отделила красивого мачо от террориста-большевика.

Че Гевара стал товаром.

А товар исследуется уже не уголовным кодексом, а рынком и имеет совсем другие, эстетические координаты.

Так и с фюрером.

Психологи подробно исследуют загадки его психики, публикуя исследования. Художники доказывают серость его картин, устраивая выставки. Сексопатологи исследуют проблемы импотенции на примере взаимоотношений фюрера с Евой Браун. А немецкие кинематографисты покажут фильм о рождении тирана с симпатичным смазливый актером в главной роли, в которого влюбится половина девочек в зале.

И возможно, он получит что-то в Каннах. А почему бы и нет?

Действительно, представим себе, что это случится и как актера будут награждать. Очень просто. Объявят: «За лучшую мужскую роль, роль Гитлера».

А что, стыдливо не объявлять? Он же заслужил.

Потом фильм-победитель пойдет широким экраном, и миллионы людей, представляющие себе фюрера кровавым маньяком с газовыми камерами в Освенциме, познакомятся с милым пареньком с простыми человеческими проблемами. И будут все это соединять у себя в голове.

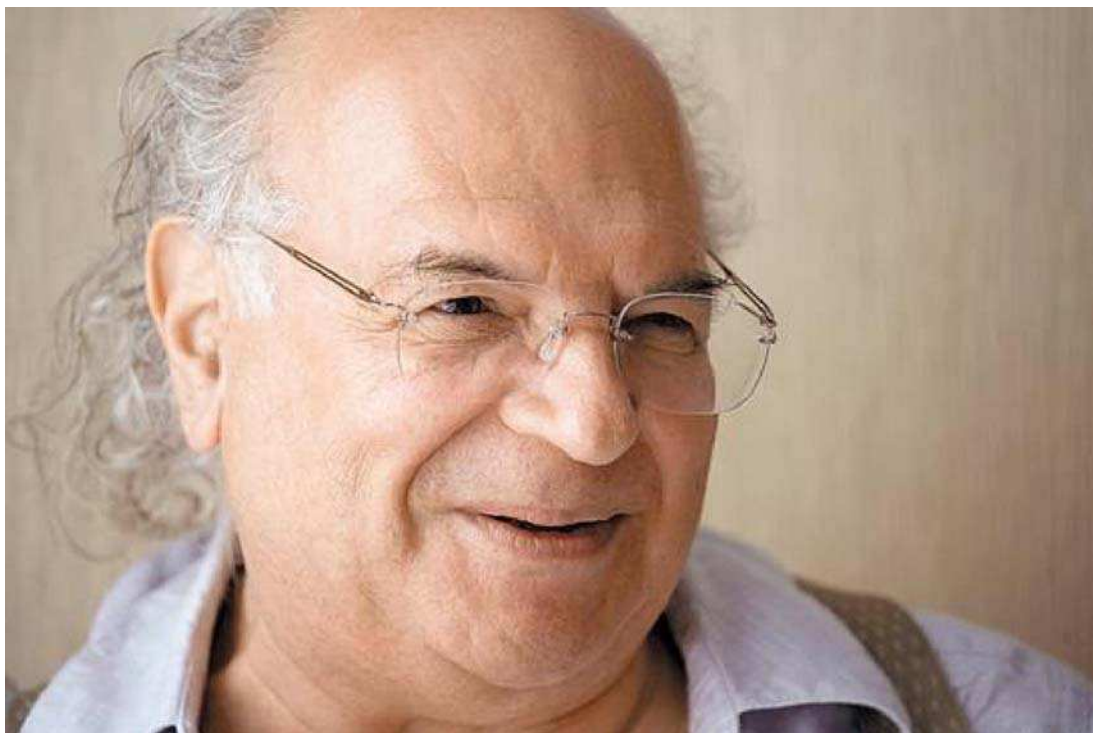
И никто не вспомнит в этот момент, что фашизм – это не только то, что предложил Гитлер обществу. Что фашизм – это то, что сконструировало само общество из его идей и согласилось принять, зная обо всем, но делая вид, что не знает. Что во второй мировой войне, как считается, погибло более пятидесяти миллионов человек. И мы все знаем имя автора этой войны.

Мне кажется, мы перед новой угрозой, которую лишь начали осмысливать: победив реального врага во второй мировой войне, мы проигрываем его возвращение в виде фильмов, компьютерных игр и фаянсовых игрушек. Семьдесят лет со дня начала войны не только притупляют боль трагедии, но и ставят новые вопросы.

Как относиться к злу, превратившемуся в товар. Как не предать память миллионов в обычном магазине сувениров.

СЛАВА ЦУКЕРМАН: «ПЕРЕСТРОЙКА» – ФИЛЬМ НЕ ДЛЯ РУССКОГО ЗРИТЕЛЯ

Беседу ведет Майя Волчек

Автор знаменитого «Жидкого неба» привез на Московский международный кинофестиваль свою новую ленту «Перестройка». О том, зачем сегодня понадобилось снимать кино о России образца 1992 года, почему, став мировой звездой, он снял всего три фильма, и, наконец, почему для того, чтобы снимать еврейское кино, надо уехать из Израиля, Слава Цукерман рассказал в интервью «Лехаиму».

– Объясните, пожалуйста, почему в 2009-м вы решили снять фильм о начале 90-х годов прошлого века?

– Несмотря на название, фильм мой вовсе не о России 90-х годов. Он о человеке, переживающем свою собственную перестройку и о его желании перестроить весь мир. Фильм о физике, стремящемся только к одному – понять, как устроена Вселенная, но столкнувшись с тем, что он не может понять, как устроена реальная жизнь на земле, я задумал еще в юности. Первый вариант сценария написал в 1983 году, задолго до начала российской перестройки. В 1989-м, после 17 лет в эмиграции, я впервые посетил Москву, прилетев на Московский кинофестиваль. Это был первый случай, когда на фестиваль были приглашены кинематографисты-эмигранты. Я встретился со своими старыми друзьями, вспомнил прошлое, получил возможность взглянуть со стороны на свою жизнь. Тогда я и решил поместить героя моего фильма в сходную ситуацию в перестроечной Москве. Возможность пересмотра своего прошлого была очень удобна для построения сюжета, а перестроечная бурлящая Москва являлась, на мой взгляд, идеальным фоном для истории человека, перестраивающего свою жизнь и весь мир.

Название «Перестройка» появилось намного позже, чем был написан сценарий. Просто в какой-то момент мы – съемочная группа, наши друзья – провели маркетинговое исследование: звонили родным и знакомым по всему миру – в Америку, Великобританию, Европу – и предлагали на выбор несколько названий. По результатам этого голосования фильм получил название «Перестройка». В отличие от россиян, для западных людей термин «перестройка» несет сильное позитивное начало. Я отдавал себе отчет, что в России это название вызовет у некоторых нарекания. Но фильм – на английском языке, в основном рассчитан на зрителя вне России. Если будет прокат в России, мы можем сменить название.

Я ожидал возможных претензий некоторых российских зрителей не только к названию. Должен сказать, что, когда мои друзья в России и члены съемочной группы (в большинстве русской) читали сценарий, нареканий не было. Был только один случай, когда реакция близкого мне человека меня действительно очень удивила.

– Кого вы имеете в виду?

– Не хочу называть имя, но один мой друг, молодой и востребованный кинематографист, большую часть жизни проводящий за границей, прочитав этот сценарий, обвинил меня в неправильном отношении к России...

Я не встречал ни одного американца, который увидел бы в этом фильме какие-либо мои чувства по отношению к России, кроме любви. Вообще, интеллигентные американцы даже не подозревают, что кинорежиссер – интеллигентный человек – может иметь отрицательные чувства по отношению к какому-то народу. Подобное отношение не свойственно и непонятно американцам.

Некоторые европейские фильмы, на мой взгляд, носят открыто антиамериканский характер. Ларс фон Триер, к примеру, изображает в своих фильмах Америку как страшную страну, крайне отличающуюся от реальной Америки. Но я не встречал ни одного американца, который обиделся бы на фон Триера. Они воспринимают его фильмы как метафоры, каковыми они и являются. «Перестройка» – тоже фильм не реалистический, метафорический, и, кроме того, это фильм американский и, соответственно, прежде всего рассчитанный на американского зрителя.

– Неужели американцам интересны метания русского эмигранта на фоне краха СССР?

– Интеллигентным американцам интересны проблемы интеллигента, озабоченного судьбами нашей цивилизации. Кроме того, Америка – страна иммигрантов. Тема эмиграции всегда была интересна американцам. Я беседовал в Америке со многими зрителями «Перестройки», и одной из самых восторженных была реакция девушки-филиппинки, которая сказала, что фильм глубоко отражает проблемы ее и ее родителей.

Кадр из фильма «Жидкое небо»

– А манера съемки: бесконечные крупные планы, подчеркнутая стилизованность декораций, дрожащая камера – привет фон Триеру и его проекту «Догма»?

– Как я уже говорил, «Перестройка» в виде сценария и раскадровок появилась за много лет до возникновения «Догмы». Но вообще, то, что вы вспомнили фон Триера, правильно. Когда я посмотрел его «Европу», ощущение было, будто я сам это снял. В юности. И ничего удивительного в этом нет. Как говорил мой учитель Лев Кулешов, «обезьяна ловит мух из воздуха». И фильмы метафорические, философские, естественно, стилистически имеют много общего.

– Зрители воспринимают «Перестройку» как автобиографический фильм. Что-то вы наверняка взяли из своей жизни?

– Герой фильма – астрофизик, я режиссер. Среди моих друзей много физиков, но, несомненно, я дал герою много своего и боялся, не пострадает ли от этого правда характера. Когда я уже заканчивал работу над фильмом, сценарий прочел один российский астрофизик и спросил, знал ли я Виктория Шварцмана. Я признался, что не знал, так как покинул Россию до того, как астрофизик Шварцман стал культовой фигурой. Я получил в подарок книжку – опубликованный дневник Шварцмана. Выяснилось, что мысли одного из самых блестящих советских астрофизиков практически совпадают с размышлениями моего героя. В конце дневника Шварцман приходит к выводу, что бесполезно заниматься изучением устройства Вселенной, когда наш собственный мир абсолютно не обустроен для жизни. В 1987 году, в возрасте 42 лет, Виктор Шварцман покончил с собой. Так, задним числом, у моего героя Саши Гринберга появился прототип. Только кино оказалось оптимистичней жизни. Реальный Шварцман не смог пережить свою «перестройку».

Что касается моей биографии, что ж – история с отъездом, детские воспоминания героя взяты из моей жизни. Все разговоры с чиновниками, с таможенниками – реальные разговоры, взятые из моей жизни или жизни моих друзей. В этом смысле фильм можно называть автобиографическим. Да по большому счету для режиссера все фильмы автобиографичны.

– О! Тогда расскажите, какая часть вашей биографии вошла в «Жидкое небо» – культовый фильм об инопланетянах, сексе, наркотиках и панках?

– В 1976 году я перебрался из Израиля в Америку. Проведя три года в Израиле, где я снимал документальные фильмы, я понял, что на ассимиляцию в новой среде у человека уходит три-четыре года и раньше этого времени пытаться снять художественный фильм не стоит: результат будет удручающим. Жизнь, которую воссоздаешь на экране, надо знать. Поэтому, оказавшись в США, я понимал, что буду делать полнометражный художественный фильм где-то в начале 80-х. Так и случилось.

Это не значит, что пять лет я провел плюя в потолок: наоборот, я постоянно работал над сценариями, изучал производство и финансирование фильмов. И каждый следующий сценарий был ближе к американской жизни, а сам я приближался к пониманию того, как достать денег на съемки. В конце концов я написал фантастический сценарий и нашел деньги на первый этап работы и подбор актеров. В последнюю минуту денег на съемки нам не дали: человек, который собирался это сделать, обошел опытных продюсеров, и те заверили его, что снять такой фильм за сумму, указанную в моей смете, невозможно. Что, наверное, было правдой. Но я бы снял.

На съемках фильма «Перестройка»

– **А как же панки и инопланетяне?**

– Панки – будущая звезда и соавтор сценария «Жидкого неба» Энн Карлайл и многие ее друзья – были среди актеров, которых мы отобрали для съемок несостоявшегося фильма. Энн Карлайл – молодая женщина с художественным и актерским образованием – была ведущей моделью популярного тогда во всем мире модельного агентства «LaRossa», продвигавшего стиль «новой волны». «Новая волна» – передовой, наиболее образованный и стилеобразующий отряд панков. Стиль, создаваемый ими, поразил меня сложным сочетанием разнородных элементов, от моды Германии 20-х до японского театра Кабуки и Америки 50-х.

Мы с женой – продюсером и сценаристкой Ниной Керовой – как-то органично вписались в этот круг, хотя были старше и не пытались изображать панков. Но те держали нас за своих, охотно общались. Энн так вообще переехала к нам. В то время моя жена писала свой сценарий о проблемах, связанных с женским оргазмом. В качестве соавтора по диалогам она привлекла Энн. И каждый вечер мы вели беседы на разные темы, в том числе о феминизме и женском оргазме.

В какой-то момент я понял, что эта среда – сама Энн, ее друзья – то, что надо для моего фильма. Я придумал сюжет «Жидкого неба». Мы втроем сели писать сценарий. Некоторые идеи сценария, который писала до этого Нина, вошли туда. Вошли и реальные

детали биографии Энн и других прототипов героев фильма. Мы писали сценарий, запланировав большинство актеров заранее, и каждый должен был играть в каком-то смысле самого себя.

– **«Жидкое небо» сделало знаменитым вас и ваших актеров. У нас картина вышла году в 1989-м, шла долго и с оглушительным успехом. Я смотрела ее раза четыре...**

– Да, а были люди, которые смотрели и четырнадцать раз. В американском прокате фильм шел четыре года без перерыва в одних и тех же кинотеатрах – беспрецедентный случай. Что касается России, тогда еще СССР, я был уверен, что «Жидкое небо» здесь никогда не выйдет. По трем причинам: во-первых, я эмигрант, во-вторых, такие фильмы тут не показывают, и, в-третьих, его невозможно перевести. Как показало время, был неправ по всем пунктам.

– **Вы сняли не так много художественных фильмов: «Жидкое небо», еще была «Бедная Лиза» по Карамзину... И вдруг в «Перестройке» впервые зазвучала еврейская тема. С чем это связано?**

– Уезжая из СССР, я хотел делать еврейское искусство. Я рос в абсолютно ассимилированной среде, где разговоров на еврейскую тему никогда не велось. Родители иногда переходили на идиш, желая обсудить что-то, не предназначенное для моих ушей, – и только. И даже когда я стал старше и пытался задавать какие-то вопросы, они искренне удивлялись: зачем тебе это? Конечно, антисемитизм был огромный (сцена избиения маленького Саши в «Перестройке» автобиографическая), но тогда я не относился к этому как к факту, достойному обсуждения. Честно говоря, до сих пор, когда вижу, что люди строят национальную самоидентификацию по негативному принципу, объединяясь только как жертвы антисемитизма, отношусь к этому отрицательно. Евреи создали в этом мире очень много, есть чем гордиться. Так зачем же помнить только о том, кто и где нас бил?

Мой отец был известным хирургом, работал в Институте имени Вишневского, а я с восьми лет хотел стать режиссером. Тем не менее я понимал, что сразу после школы мои шансы поступить во ВГИК равны нулю. И я пошел в строительный. Мотивация была простая – строительное образование в свое время получил Эйзенштейн.

В одной группе со мной училась девушка по имени Алла Зускина. Узнав, что я собираюсь стать режиссером, она чрезвычайно воодушевилась и рассказала, что ее папа был известный актер и режиссер. Мне же фамилия Зускин ничего не говорила. Как-то я решил спросить у родителей, не знали ли они некоего Зускина. «Но ведь был момент лет десять назад, когда мы только о нем и говорили! Неужели ты не помнишь?» – закричали они. Я не помнил. Ребенком я никогда не интересовался тем, о чем говорили мои родители. Так я узнал, что друг и сподвижник Михоэлса, возглавивший после его гибели Государственный еврейский театр (ГОСЕТ), был пациентом моего отца.

Кадр из фильма «Перестройка»

Дело в том, что театром, ожидающим уничтожения, руководить было нелегко, плюс Зускин каждый день ждал ареста и оттого был в крайне подавленном состоянии, практически не мог спать. Его положили в Институт имени Вишневецкого и погрузили в гипнотический сон. А вскоре за ним приехали из КГБ, ночью, как это было у них принято. Тогда мой отец, который был дежурным врачом в ту ночь, повел себя очень мужественно. Он сказал, что не может вывести пациента из гипнотического сна без серьезного ущерба для его здоровья. Люди из КГБ позвонили руководству, и руководство распорядилось: разбудить, сказать, что переводят в другую больницу, и опять усыпить. Как известно, из застенка Вениамин Зускин уже не вышел, его расстреляли в 1952-м.

Когда я рассказал Алле, что мой отец был последним, кто видел Зускина на свободе, мы стали дружить семьями. И вот в один прекрасный день в Доме актера ВТО состоялся вечер памяти Вениамина Зускина. Мне как другу Аллы, естественно, был выдан билет. Я не знал тогда ничего о ГОСЕТе. Театр, показывавший местечковую жизнь на незнакомом мне языке, меня не интересовал. Пошел я на вечер из вежливости, посмотреть на отца подруги. На вечере заводили пластинки с записями из спектаклей ГОСЕТа и показали несколько снятых на пленку отрывков. И вот, в ту минуту, когда зазвучала первая пластинка, я буквально впал в транс. Ритмы, интонации, звуки этого театра потрясли меня. Я услышал и увидел искусство моей мечты, то, что грезилось мне как идеальный театр.

Потом я не мог спать четыре дня, отказался сдавать экзамен (Алла, железная женщина, всю сессию сдала на пятерки). Этот вечер изменил мою жизнь. Я понял, что должен делать еврейское искусство. У меня появилась позитивная идентификация с еврейством. Я чувствовал себя евреем не потому, что меня били, не как одна из жертв, а потому, что мог нести особое, великое искусство.

Как только стало возможно эмигрировать, я уехал в Израиль.

– Тем не менее, прожив три года в Израиле, вы переехали в США. Почему?

– Перед выездом, понимая, что никогда не вернусь в СССР, я поехал на Украину, объездил там множество местечек, увидел еврейские кладбища Закарпатья, места, связанные с хасидизмом... Снял и с трудом вывез в Израиль множество фотографий.

В Израиле никто ими не заинтересовался. Никто не хотел делать кино о местечке. Зато от начальника документального отдела только что созданного израильского телевидения я получил заказ на фильм. Тема – Русская православная церковь в Израиле. Я

пытался отвертеться, но он мне сказал: ты только приехал, о нашей жизни ничего не знаешь, а вот о русских знаешь все. Снимай! И я сделал фильм «Жили-были русские в Иерусалиме», который в Израиле стал знаменит так, как позже «Жидкое небо» во всем мире. Во-первых, он получил главный приз на голливудском Всемирном фестивале телефильмов (а израильские фильмы отродясь никаких призов не получали); во-вторых, Русская православная церковь за рубежом прислала мне благодарственную грамоту. Фильм посмотрело 40% населения Израиля! Все израильские газеты восхищались им. Я стал знаменитостью.

Затем я снял фильм о раскопках в Старом Иерусалиме, раскрывших остатки города, сожженного римлянами в Иудейской войне. Кадры пожара Иерусалима из этого фильма стали своеобразной классикой. Их включают с тех пор во все фильмы по истории еврейского народа.

Сделав несколько других фильмов, в конце концов я решил снимать большой документальный фильм про историю местечка. Начальству на телевидении это очень не понравилось. Поскольку я был знаменит, они скрепя сердце согласились, но помогать никто не хотел. Когда я пришел в киноархив «Яд ва-Шем» и сказал, что хочу снимать про местечко, директор архива меня просто обхамил: «Как вам не стыдно! Вы молодой человек и интересуетесь местечком! Позор на вашу голову!» Начать съемки никак не удавалось.

Пытался я начать работу и над художественным кино. Я был так знаменит, что, когда пил кофе в кафе писательского клуба, перед моим столиком выстраивалась очередь из авторов, мечтавших, чтобы я экранизировал их произведения.

– **И что, не попало ничего достойного?**

– Вопрос, как всегда, упирался в деньги. В Израиле была тогда весьма необычная схема финансирования кинопроектов. Часть денег выделяло министерство, а вторую добавлял местный миллионер. Так вот, деньги из министерства поступали на счет этого миллионера, а он их на какое-то время «зажимал». А поскольку инфляция была огромная, то спустя несколько месяцев вся сумма превращалась в пшик. С моими проектами вышла та же история.

Когда деньги сгорели, миллионер отправил меня на поиски дополнительного финансирования в Штаты, честно предупредив, что возвращаться не надо. К тому времени я это и сам понимал. В Израиле тогда было три миллиона населения. Недостаточная критическая масса зрителей для создания национальной кинематографии.

– **А что же Америка? После оглушительного успеха «Жидкого неба» вас должны были завалить предложениями.**

– Отчасти так и было. Но если мне предлагают то, что мне не нравится или даже нравится, но я понимаю, что это не мое, я отказываюсь. Например, после выхода «Неба» мне несколько лет названивал вице-президент компании «Уорнер бразерс» с предложением снять панк-лавстори со счастливым концом. Я каждый раз подробно объяснял ему, почему это невозможно, он делал вид, что понял, но через какое-то время перезванивал снова, и история повторялась.

Был, к примеру, один проект – «Лабиринт 9», который мне очень нравился. Его сценарий к моменту, когда я его прочел, уже два года входил в официальный список десяти лучших голливудских сценариев. Пять лет жизни я потратил на то, что ходил со сценарием и с продюсером (очень известным и влиятельным) по разным студиям, и везде нас встречали с

распростертыми объятиями. Но в самый последний момент, когда надо было уже подписывать договор, что-то случилось. В результате фильм не поставлен до сих пор. Хотя после меня еще несколько достойных режиссеров пытались за него взяться.

– **В чем же причина?**

– Фильм выходил дорогим, а в сценарии было несколько моментов, которые не любят в Голливуде: наркотики, герои – дети, следовательно, невозможно привлечь кинозвезд, отсутствие хеппи-энда и так далее.

Подобная история приключалась со мной неоднократно. Я упорно не хотел ставить сценарии, которые предлагались мне в Голливуде, а Голливуд не хотел финансировать сценарии, которые нравились мне (кстати, в них все время всплывала еврейская тема).

Когда я приехал в Америку, первым человеком, которого я там посетил, был Исаак Башевис Зингер. С моим первым партнером, который был знаком со множеством богатых евреев, мы купили права на экранизацию рассказа Зингера. Но собрать деньги на постановку нам не удалось. Богатые евреи говорили: «Мне это очень интересно, но кто еще захочет смотреть?» Единственный человек, который готов был подписать чек на малую долю финансирования, не был евреем, и поэтому идея, что неевреям это неинтересно, не пришла ему в голову.

– **Вы уже знаете, о чем будет ваш следующий фильм? Или хотя бы где вы будете его снимать?**

– Нет, не знаю, поэтому и говорить ничего не буду. Идей у меня, как всегда, много. Сейчас появились планы сделать что-нибудь и в России. Надеюсь, получится.

ПРОЩАЙ, СВОБОДНАЯ СТИХИЯ!

Αἰεὶ ἐὲς Ἀττινὴν αἰεὶ

Припомнить те давние времена меня побудила составленная Александром Рапопортом и вышедшая не так давно в Москве антология «Одесса в русской поэзии», где приведено одесское стихотворение Иосифа Бродского. Читатели знают, что вынесенная в заголовок хрестоматийная строка – начало элегии Александра Пушкина «К морю». Как одну из самых трагических в русской поэзии переосмыслил и процитировал ее И. Бродский в стихах «У памятника Пушкину в Одессе». Биография Бродского уже пишется. Издана книга Льва Лосева в «ЖЗЛ», два тома интервью И. Бродского, множество мемуарных свидетельств. Надеюсь, не обойдут вниманием историки литературы и короткую одесскую страницу, ведь именно в нашем городе поэт ощутил острую, я бы сказал, пушкинскую тоску по свободе...

Мне довелось видеть Иосифа Бродского в Одессе. В один из холодных мартовских дней 1971 года позвонил одесский, а ныне американский поэт Леонид Мак.

В Одессе Бродский. Сегодня будет в гостях у художника Стрельникова. Приходите, надеюсь, почитает стихи.

Благодаря самиздатскому «Синтаксису», который дарил мне основатель журнала Алик Гинзбург, и нашим ленинградским приятелям, передававшим в Одессу машинописные листки со стихами Иосифа Бродского, я к тому времени уже знал и любил его поэзию. Кроме того, в Одессу нередко навещался Евгений Рейн. Однажды в доме общих знакомых я провел вечер в его компании, Рейн самозабвенно читал стихи поэта, в частности пронзительный «Рождественский романс».

К Стрельникову Бродский опоздал примерно на час, пришел вместе с Леной Маком и художницей Ритой Жарковой, женой художника Александра Ануфриева (в их доме в 60-х годах формировался «второй одесский авангард» – нонконформизм). Был неразговорчив и угрюм. Сел в дальнем углу большого стола, налил стакан красного вина (все мы тогда пили недорогое и неплохое одесское «Шабское»), молча, не вслушиваясь в

разговор, пил. Беседа, начатая до его прихода, продолжалась. Мак тихо пре-дупредил, что у Иосифа неприятности, стихи он вряд ли будет читать. Так и случилось. В разговор он со временем вступил, смотрел картины Алексея, но с бóльшим интересом этюды его отца Владимира Владимировича Стрельникова – тонкого живописца, продолжателя южнорусского импрессионизма.

Вскоре я узнал: в тот день Бродскому велено было покинуть Одессу. Как Пушкину в 1824 году...

Много позже я провел собственное «журналистское расследование».

Леня Мак знал, что после ссылки Бродский в Питере (Мак, учившийся в Ленинградском университете, только так называл город на Неве) не получает даже переводческой работы и живет впроголодь. А на Одесской киностудии запускали фильм «Поезд в далекий август» об ушедших в катакомбы партизанах в годы немецкой оккупации города. Искали актеров. Леня к тому времени был помощником режиссера и, увидев фото секретаря одесского горкома Гуревича, руководившего подпольем, поразился его сходству с Бродским. Уговорил создателей фильма пригласить поэта на пробы.

Режиссер фильма Вадим Лысенко рассказывал:

– Сходство было необычайное. Большой, мощный, плечистый. Мы лишь побрили его наголо и утвердили на роль. Понимали: афишировать, что это «тот самый» опальный Бродский, не следует. Благо, фамилия распространенная, придумали ему «легенду»: студент, выпускник ленинградского театрального института, первая роль в кино. Отсняли практически весь материал с его участием. И вдруг меня вызывают в Киев, в республиканский Комитет кинематографии. «Уничтожить все кадры с участием Бродского, все переснять». Я чуть не плачу: это же сотни метров пленки, актеры разъехались, фильм не успеет к юбилею! Со мной даже не стали разговаривать: «Иначе фильм закроем. А Бродского – немедленно в Ленинград».

В тот день, когда Бродскому пришло это известие, мы и встретились. Кто «настучал» – загадка и сегодня.

Мои попытки найти в музее киностудии «пробы» Бродского успехом не увенчались. Фотоальбомы есть, но Иосифа Александровича в них нет. «Все, как видно, изъяли». Но все же, все же...

Оператор фильма Леонид Бурлака рассказал:

– Мы посоветовались с Вадимом и решили обмануть начальство. Все переснять было невозможно. Актера мы нашли похожего уже на Бродского и пересняли только крупные планы, где Бродский на экране один. А в групповых сценах, где он лишь мелькает, виден в профиль, решили тайно оставить кадры с Бродским.

После долгих поисков Леонид Бурлака нашел мне фотокадр, где снято заседание Военного совета Приморской армии, первый слева на нем — Иосиф Бродский.

Конечно, пребывание поэта в Одессе не ограничилось участием в съемках фильма. Леня Мак, собравший нас на встречу с Бродским в квартире А. Стрельникова, должен был обеспечить «инкогнито из Петербурга» жильем на две недели съемок. Не поселять же его в общежитии киностудии, знаменитом «Курьяже», где все буквально всё знали друг о друге.

Своим названием «Курьяж» обязан «Педагогической поэме» А. Макаренко, в нем жили в 1950-х – начале 1960-х годов молодые тогда М. Хуциев, П. Тодоровский, Ф. Миронер, позднее там гостил В. Высоцкий – это было веселое, яркое, творческое сообщество, хотя, как в любой богемной среде, там были и свои трагедии, а не только розыгрыши. Сегодня его уже нет, вспоминают о нем как о легенде Одесской киностудии.

Иосиф Бродский. 1970-е годы

Леня Мак попросил Риту Жаркову подыскать пригодную для жилья мастерскую и показать Иосифу работы «неофициальных» одесских живописцев, поводить по Одессе, чтобы он почувствовал атмосферу города. Предоставить Бродскому мастерскую согласился Лев Межберг, замечательный одесский художник. Позднее, когда Межберг уедет в Нью-Йорк, он и там будет общаться с поэтом. А Рита Жаркова, вернувшись из США, рассказывала о нью-йоркской встрече с Бродским, о том, как они вспоминали и шабское вино, и солнечную живопись одесских художников, и улочки Молдаванки, и Приморский бульвар с памятниками Ришелье и Пушкину, который Бродский воспринял как знак Одессы, смысловой ключ города...

Приглашение на Одесскую киностудию, изгнание с киностудии...

Если бы лишь этим актом «несвободы», надзора и преследования окончилось пребывание Иосифа Бродского в Одессе, то и тогда оно бы вошло в биографию нашего города. Как и пребывание в Одессе Булата Окуджавы, сценарий которого «зарубили» на киностудии, или Александра Галича, которого здесь, на Садовой улице, оскорбили настолько, что это стало темой его неоконченного романа... Печальные страницы. Но и о них нужно знать.

Во многих мудрости много печали. Возможно, если бы не этот эпизод, не написал бы Иосиф Бродский пронзительное стихотворение «У памятника Пушкину в Одессе». Его Бродский не включал в ранние сборники, вошло оно лишь в последний составленный им, вышедший через десять дней после смерти автора томик «Пейзаж с наводнением». Все стихи книги читаются как завещание великого поэта. И среди них это стихотворение – переключка с Пушкиным, где он, вослед гению России, осознал трагизм строки «Прощай, свободная стихия!».

ПРАВДА ЧАСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Í èéîëäé Àëäëîîî äîîâ öëëîëîâ ëëòäîîòòîî îé êðëòëë, æòîî äëëîò

– Считаешь ли ты Олега Дормана зачинателем нового киноформата/контента или же «Подстрочник» идет в кильватере классической кинодокументалистики? Как относишься к тому, что одни кинокритики и просвещенные зрители сравнивают его с фильмом Владислава Виноградова «Петр Тодоровский. Монолог в 4-х частях», а другие говорят, что «Подстрочник» не совсем даже фильм и потому из него выйдет отличный радиийный материал или книга, так как голос и слово являются основными составляющими фильма, а изображение – как бы контрапункт, придающий дополнительное напряжение фильму?

– Нет, я не считаю фильм рождением нового киноформата. Он снят достаточно традиционно, то есть с точки зрения собственно «съемки», видеоряда, ничем не отличается от другой кинодокументалистики. Важнее здесь, на мой взгляд, сама подача, идея, отраженная в названии. «Подстрочник» – то есть иллюстративное следование за рассказом главной героини. Здесь нет режиссерской интонации, режиссерского взгляда. Точнее, режиссер как будто самоустраивается. Все главное связано с голосом, рассказом. Кстати, именно поэтому к «иллюстрациям» возникают вопросы. Нет, когда рассказ подтверждается фотографиями из семейного архива – все понятно. Но почему снимается современная Москва, современный Берлин, Петербург, почему? Это отправная точка воспоминаний, оживление фактуры, фиксация «точки воспоминаний». Почему лицо главной героини появляется на общей фотографии с Горьким в тот момент, когда речь идет о берлинском периоде жизни. Просто так? Или это намеренная фигура умолчания, послание для посвященных? Можно оценить режиссерский такт, стремление дать наибольшую свободу голосу, ведущему повествование. Однако в намеренном упрощении должна присутствовать и режиссерская воля. На минутку представь себе другой возможный видеоряд, отталкивающийся не только от слов рассказчика, но от времени. Так что изображение, на мой взгляд, создает не дополнительное напряжение, а скорее это напряжение намеренно снимает.

– Современное телевидение, за исключением, быть может, десятка программ, опростилось дальше некуда. Показ на канале «Россия» фильма «Подстрочник», не укладывающегося ни в какие привычные схемы, ни в один кино- и телеформат, выглядит как подарок кремлевских бонз нашей интеллигенции: «Мы и вас, хорошие, приголубим». Значит ли это, что, помимо всего прочего, «Подстрочник» на июльских экранах – событие политически значимое?

– Нет, не думаю. Скорее уж событие этического порядка. Просто аудитория (или некоторая ее часть) отвыкла слышать простой человеческий голос, без «суггестии», без декламационного давления. Ведь это прежде всего правда частного человека, намеренно субъективный рассказ, каким только и может быть рассказ о своей жизни. Это расположенная к слушателю (зрителю) позиция собеседника. Вот эта частность, персональность, которой нет дела до «объективной» правды, до истории, если угодно, эта память о прожитой жизни, эта личная искренность и простота и подкупают прежде всего. Какая тут политика! Политика только в том, что наш постмодернистский век с легкостью манипулирует смыслами, фактами, трактовками, не стесняется менять голос в зависимости от обстоятельств, то есть не приучен к честности. А вот в данном случае подкупает сама интонация, просодия, отсутствие игры. Голос рождает ощущение подлинности.

– **Читаю блоги. Все восхищаются языком Лилианны Зиновьевны. Кто-то, видимо, из той кондовой русской породы, которую еще белоэмигрантский Сирин зубрами отечественными назвал, пишет, что, надо же, еврейка, а как понашенски-то говорит. Что с нами со всеми происходит? Ведь Лунгина говорит на нормальном, я бы даже сказал, одомашненном русском языке, она в телевизионную стойку не становится. Неужели живой русский язык подменяем либо серым чиновничьим сукном, либо блатной феней? Скажи, успех этого фильма ты связываешь с возвращением к родному языку?**

– Отчасти я, собственно, об этом сказал. Ощущение «другого языка» здесь рождается от позиции рассказчика. И еще одна важная вещь. Вот где можно говорить о другом формате. Подробный, детальный рассказ, неспешное повествование, которые еще относительно недавно были приметой даже застольной беседы, когда рассказчик, не вызывая раздражения у аудитории, мог начать свой монолог с сакраментально-литературной фразы: «Я помню, как летом 1... года, в городе N, вместе с моим приятелем NN мы отправились...» – фразы, которая уже сама настраивает аудиторию на длительный рассказ, с подробностями, деталями, отступлениями. Такой рассказ уходит из нашей жизни, не вписывается в наш ритм, в наш модус вивенди. Сегодня более распространен рассказ «анекдотический», опускающий детали. Ведь это даже в мемуаристике так – достаточно привести в пример, скажем, книги Гриши Брускина.

– **Пространство «Подстрочника» предназначено для говорения только одного человека... Любое лицо, которое мы видим на экране, призывает нас слушать, лицо же Лилианны Лунгиной – особенно. Фильм захватывает в свою длительность буквально с первых кадров. Мы тут же смиряемся с тем, что именно «неограниченная длительность есть высшее состояние бытия». Как ты относишься к этой минималистской работе оператора Юсова? Не кажется ли тебе, что его камера в пределах лунгинской квартиры совершенно лишена свойственной всем камерам патологической жестокости следящего, и именно с юсовской благорасположенной камеры начинается момент сакрализации фильма, его ухода в мифическое прошлое, вообще в мифическое?**

– О сакрализации я бы здесь не говорил (тем более что помимо собственно операторской работы есть еще и монтаж, и дотошный зритель увидит случайные переходы с общего плана на крупный, например). Просто камера дает свободу рассказчику, не навязывает себя, но в то же время и не «преподносит» его как-то по-особенному. Камера честно играет роль посредника, дает возможность слушать и следить за рассказом. Она как будто незаметна, скупа, лаконична. Она позволяет сосредоточиться на главном герое без отвлечений. Камера не поправляет, не комментирует, она просто ровно выписывает «подстрочный перевод», она свидетельствует о голосе и ни о чем другом.

МЫ С ОЛЕГОМ НЕ ПРОСТО «ПОДЕЛЬНИКИ», МЫ – ДРУЗЬЯ

Οἰκέτι Ἀλέο ἰδὲ ἄρτι δέειν ἅ «Ἰ ἰάνθ ὄι-ἰέε»

– Как правило вы работаете с еврейским культурным наследием, я сейчас имею в виду не только мегапроект – полное собрание сочинений Владимира (Зеэва) Жаботинского. Фильм «Подстрочник» настолько же еврейский, насколько еврейской – с некоторыми оговорками – можно было бы считать значительную часть советской интеллигенции. Так чем же вас заинтересовал этот «в меру ассимилянтский» фильм, как выразился кто-то в Сети. На каком этапе вы стали продюсером «Подстрочника» и закончилась ли ваша миссия с его выходом на экраны телевидения?

– Я действительно был продюсером предыдущей работы Олега Дормана – документального телефильма «Ребе в аэропорту». Там была моя идея, участие в организации кастинга, съемок, в переговорах со спонсором, которым стала Федерация еврейских общин России. Что же касается «Подстрочника», то здесь все было иначе. Есть такой анекдот. Приходит некий молодой человек в цирк и предлагает свои услуги. «Что вы умеете делать?» – спросил директор цирка. «Я умею подражать птицам», – ответил молодой человек. «Это нам не интересно», – сказал директор. «Очень жаль», – сказал молодой человек и упорхнул в окошко. Так вот, продюсер, сценарист, режиссер, оператор, а также литературный, музыкальный и прочий редактор сериала «Подстрочник» – Олег Вениаминович Дорман. Он все это придумал и сделал. Убедил Лилу Зиновьевну Лунгину рассказать «о времени и о себе», а Вадима Ивановича Юсова – сохранить на пленке ее рассказ. Правда, не смог убедить российских «директоров», что это интересно. Им под стать оказались их израильские телеколлеги. Полгода назад директор и главный редактор канала «Израиль-плюс» Л. Блехман, отсмотрев все пятнадцать серий (!), сказал: «Нашей публике это неинтересно». И зрители «Израиль-плюс» ушли в минус. После того как «РТР Планета» устроила мировой показ «Подстрочника», мои израильские (литовские, американские) друзья-приятели, которым не довелось увидеть какие-то серии, достают меня вопросом: как увидеть весь фильм? Израильтянам, пользуясь случаем, советую: спросите Блехмана. Мы с Олегом не просто «подельники», мы – друзья. И в данном случае я видел свою «миссию» в том, чтобы помочь талантливому другу деньгами, необходимыми для завершения его работы. Без этого он мог маяться с фильмом еще лет одиннадцать. Теперь он сделал свое дело, люди увидели прекрасную картину, и он пойдет дальше. В добрый час!

– За рубрику «Из нашей почты» в журнале отвечаю я. Не такая важная, зато какие характеры!.. И как же порой люди – при всей их самости, брутальности, неумности – поддерживают, того не подозревая, общий фон, коллективное сознание, настроение, ложную табуированность. В прошлом номере опубликовали письмореакцию на статью Михаила Горелика «Пять французских слов», которую вы наверняка читали, завершалась оно показательно: «Убожество – эта Ваша рецензия! И национальная озабоченность...» Не хамский тон меня зацепил, к хамству мы люди привычные, а уверенность автора лапидарной эпистолы в том, что любой разговор на «национальную тему» априори выказывание «национальной озабоченности». Не кажется ли вам, что эта пресловутая уверенность – проявление нашего сегодняшнего общего фона: «национальная тема» есть сужение рамок, разжигание национальной розни, а значит, *mauvais ton*, по автору письма, – «убожество»?

– Может быть, в целом вы и правы, но в данном случае мне так не кажется. Я, между прочим, тоже причисляю себя к людям национально-озабоченным. Однако думаю, что автор письма, которое вы цитируете, подразумевает «национальную озабоченность» в кавычках. Его коробит менторский тон рецензента, который, посмотрев две серии из пятнадцати, торопится указать режиссеру Дорману на «ошибки», «недоработки»... Отсюда и «хамский тон». Мне лично ближе следующее письмо, опубликованное в вашей подборке: «Очень жаль, что критическая статья Михаила Горелика появилась преждевременно, до того, как были увидены все серии “устного романа” Лунгиной. Женщина с прекрасным образованием и замечательным русским языком очень доверительно говорит со своей аудиторией. Покровительственный, а временами явно осуждающий тон комментатора здесь неуместен».

– «Подстрочник» Олега Дормана вышел именно тогда, когда началось возрождение отечественного документального фильма, о чем пока что, к сожалению, свидетельствуют лишь фестивали да закрытые показы. Вам интересна эта возрожденческая волна, будете ли вы работать как продюсер в документальном российском кино?

– В последнее время стараюсь не отвлекаться от «мегапроекта» полного Жаботинского. Тем не менее я был бы счастлив продолжить сотрудничество с Олегом. Он снял шесть документальных лент, однако чувствует себя не столько документалистом, сколько режиссером художественного кино. Надо полагать, мы увидим его и в этом качестве.

– В блогах натыкаюсь на некую экзальтированную даму, которая на полном серьезе советует учить историю по монологу Лунгиной. То, что Лунгина рассказала только ее, Лунгиной, правду (в чем и состоит ее человеческий подвиг) и что есть еще другие, даме как-то невдомек. Не дойдем ли мы до того, что нам придется защищаться от индивидуальной правды «Подстрочника»?

– Вот уж чего не стоит бояться! Пока что дай нам Б-г защититься от бездарности, безответственности и конъюнктурности заказчиков, с одной стороны, и халтуры исполнителей – с другой.

ОНИ ХОРОШО ЗНАЮТ СВОЕГО ЗРИТЕЛЯ

Ī ēāāĀīōī āī, dāēēīīīō

– Кажется, Ахматова говорила, что у каждого нормального русского интеллигента есть «своя пластинка», некий автобиографический текст-отчет, который он пишет о себе, в себе постоянно подправляя. Не кажется ли вам, что свой киномемуар Лунгина начала оттачивать задолго до начала съемок, не потому ли и предложила назвать фильм «Подстрочник»? Не с этим ли связано и то немаловажное обстоятельство, что фильм вышел одноголосный? Вообще, когда вы пришли к решению максимально устраниваться в этом фильме, с начала съемок или уже в монтажной?

– Название для фильма предложил я. Лилианна Зиновьевна не раз отказывалась сниматься и с большими сомнениями приняла в конце концов предложение. К решению максимально устраниваться я пришел в тот давний миг, когда решил освоить ремесло кинематографиста.

– В одном из интервью вы говорили о фильме, ставшем телевизионным суперсобытием: «Я в течение одиннадцати лет ходил по каналам, показывал материал, писал письма, но все говорили, что зрителю такие фильмы не нужны». Ни за деньги, ни так, ни в культурную «Культуру», ни куда-либо еще. И если бы не люди, «имеющие ходы», трудно сказать, когда бы этот фильм появился и появился бы вообще. Не кажется ли вам, что у крупных начальников отечественного телевидения проблемы с реальностью, что они не так хорошо знают своего зрителя, как им кажется?

– Нет, мне так не кажется. Они хорошо знают своего зрителя.

– С первых же кадров фильма «Подстрочник» я чувствовал: Лунгина тут «уходящая», и дело не столько в ее возрасте, сколько в обозначении близкого тебе чужого, которое с фантастической легкостью стирает грани между этим самым чужим и твоим. Возможно, поэтому в голове крутились слова Кокто: «Снимать кино – значит заставить смерть за работой». Иногда и не надо обладать какими-то сверхъестественными способностями, чтобы почувствовать: этот мир от мира иного связан «проходами»/порталами (опять же знаменитый фильм Кокто). Для вас, как для первого человека, воспринявшего чужое как свое, с уходом героини контакт оборвался или Лунгина, как говорится, ведет вас и поныне?

– Вы действительно хотите, чтобы о таких интимных вещах я рассуждал на потеху публике?.. Не сочтите за резкость, но это не имеет отношения к чужим людям. Павел Лунгин не боролся за фильм и не принимал участия в работе над ним. Когда фильм был сделан, я подарил копию Павлу. Его знакомые обратились на канал «Культура», где «Подстрочнику» – на этот раз уже готовому – не в первый раз отказали.

– Лилианна Лунгина в детстве была в Палестине (с ваших слов, оказывается, два раза: в пятилетнем возрасте и в возрасте отроковицы, то есть в период максимального впечатывания в сознание). Тем не менее она практически не касается этой чрезвычайно важной темы, ничего не говорит о посещении своей исторической родины. О том, что начинала учить иврит, опять же узнал с ваших слов. Такое чувство, что либо ее там ничего особо не впечатлило, во что верится с трудом, либо, что вероятнее, умышленно не касалась этого вопроса перед камерой, возможно даже по старой советской привычке: нехорошо демонстрировать свое еврейство, неинтеллигентно, когда обращаешься к городу и миру. Есть еще вариант: может, в книге «Подстрочник» она скажет больше?

– Ее историческая родина – Россия. Про поездку в Палестину она рассказывает все, что помнит. Ее как раз впечатлило очень многое, и все это она описывает – даже запахи. Она касается всего, что касалось ее, – в том числе, само собой, и связанного с ее национальностью. В книге действительно об этом будет больше, потому что и объем книги больше. Например, Лилианна Зиновьевна рассказывает там о судьбе Михоэlsa и Еврейского антифашистского комитета, об особенностях антисемитизма в разные исторические периоды, о положении евреев в Советском Союзе в пятидесятых, шестидесятых, семидесятых годах об отъездах и отказниках, о своих впечатлениях в девяностых годах от коренных израильских евреев (они восхитили ее).

ПРОСТОТА, ОБНАЖАЮЩАЯ МАСТЕРСТВО

Ἡ ἀδελφὴ Ἰαδὼν ἰαίεϊ, αἰὸνίαι ἐνὸ ἐξάοαἰῶν ἀδελφὸν ἰδὸ ἐξάοαἰῶν ἰαί
«CORPUS»

– Как вы думаете, какой была бы судьба «Подстрочника», если бы его показали лет десять назад?

– Фильм имел бы успех в любом случае. И десять лет назад тоже. Другое дело, что вокруг него не разразилось бы столь бурной, мощной дискуссии: десять лет назад еще не было такого чрезвычайно доступного и во всех смыслах удобного инструмента, как

Интернет. Не было привычки к публичному обсуждению, спору при помощи Интернета. Мне кажется, у фильма «Подстрочник» есть две истории: одна – самого фильма, вторая – его появления на экране и резонанса с ним связанного, прежде всего интернетного. Вторая история мне также чрезвычайно интересна, огромной волной споров и обсуждений. Ее бы десять лет назад точно не было. Что касается самого фильма. В то время массовое отвращение к телевидению еще не было столь острым, и я полагаю, аудитория у фильма Олега Дормана была бы значительно шире хотя бы потому, что люди больше смотрели телевизор.

– **Не кажется ли вам, что успех фильма в значительной степени связан с преднамеренной – таковы уж были в те нелегкие переходные годы условия съемок – игрой в «черновой вариант», «брульонность», «дневниковость», благодаря чему у зрителя создается ложное ощущение, что и он так же может завалиться к кому-нибудь в гости, усадить имярека перед камерой, включить аппаратуру и длинно-длинно снимать... А скажешь ему: «Врешь, гад, не получится», так ведь обидится, и фильм моментально зачислит в «плохое кино».**

– Насколько я знаком с историей появления этого фильма – многолетней и непростой – авторы абсолютно не намеревались играть в простоту, как-то симулировать ее. Фильм делался не то что в скромных – в крайне скудных условиях: авторы считали буквально каждую копейку, были чрезвычайно стеснены в средствах. Простота, которая в этом фильме играет столь важную роль, абсолютно естественная. Этот аскетизм, на мой взгляд, даже подчеркивает их мастерство. В частности, мастерство замечательного оператора Вадима Юсова и, конечно же, мастерство режиссера Олега Дормана, сумевшего создать скромный, но в то же время необыкновенно выразительный материал. Это же касается и архивной работы, и небольшого, но очень важного объема натурных под съемок в тех местах, где разворачиваются события, описываемые Лунгиной. Так что эта простота – очень естественная, вынужденная, и она только обнажает мастерство, которое позволило авторам такими аскетичными средствами добиться такого серьезного эффекта, в том числе эффекта эстетического. Это правдивая простота, реальная, обусловленная тем, что у этих людей находилось в руках. Вы же не будете «ложной простотой» называть карандашный рисунок только потому, что он не цветной. Дорман «рисовал» тем, что было у него под рукой на тот момент.

– **Интересоваться разного рода подстрочниками реальных и вымышленных судеб – удел телевидения, в силу его достаточно специфичной коммуникативной природы. У книги иная природа, требующая и от читателя иных, не свойственных телезрителю качеств, и от рассказчика, к которому обратиться за помощью можно разве что через «крылатых» посредников. Вы, как издатель «Подстрочника», не боитесь ли этого? Надеетесь ли вы на волну интереса к фильму Олега Дормана?**

– Я ничего такого не боюсь. Разумеется, тот факт, что фильм «Подстрочник» вышел на экраны телевидения, меня, как издателя, очень радует и, несомненно, питает какими-то дополнительными надеждами: теперь для значительно большего количества людей обложка будет ассоциироваться с фильмом. Должен вам сказать, что мы начали работать с текстом «Подстрочника» задолго до того, как фильм попал на экран. Причем тогда особенных надежд на такой вот широкий показ не было. Ориентировались исключительно на сам текст, на его качество, на личность рассказчицы, на содержание, на литературные достоинства рассказа. Нам этого было вполне достаточно, чтобы начать работу с книгой. Показ же по общероссийскому каналу для нас в некотором смысле – премия, бонус... Хотя, не стану скрывать, наше издательство изначально приложило к

показу «Подстрочника» некоторое усилие. (Прежде всего, со стороны главного редактора Вари Горностаевой.) Мы были в числе тех немногих – писатель Борис Акунин, телевизионный журналист Леонид Парфенов и еще несколько человек, – кто увидел «Подстрочник» еще до того, как он появился на экранах телевидения. И конечно, нам очень хотелось, чтобы какое-то количество людей сначала увидело бы этот фильм на домашних CD-проигрывателях. Теперь можно сказать, что наши скромные усилия в этом направлении возымели кое-какой результат. Так что для нас, как для издателей, это не более чем удачное стечение обстоятельств. Но хотелось бы отметить, что к этой книге я отношусь исключительно как к книге и считаю, что мне попал в руки замечательный литературный материал. Я прежде всего занят им и совершенно не собираюсь строить планы на побочных, сторонних обстоятельствах. Хотя, как трезвомыслящий и взрослый книгоиздатель, постараюсь воспользоваться ими.

– **Почему такой ажиотаж вызвала тема антисемитизма в теленовсти Лунгиной? Об этом не единожды писали, пишут, об этом не раз говорилось с экранов телевизора. Однако считаешь блоги – и такое ощущение, будто впервые услышали, будто впервые дошло.**

– Мне кажется, что тут вы немного преувеличиваете. Я довольно внимательно следил за ходом той дискуссии, которая разразилась в Интернете, в печати, на радио. Не сказал бы, что антисемитский мотив, антисемитская тема как-то заметно выделялась на фоне прочих тем. Понятно, что тема эта вообще не могла остаться незамеченной, поскольку в самом повествовании есть немало эпизодов, которые с этим связаны, да и личность рассказчицы, в этническом, так сказать, смысле, вполне характерна. Но, признаться, я ожидал худшего. Казалось бы, иные комментаторы фильма должны были заикнуться на антисемитской теме гораздо сильнее, но обошлось... Что касается того, впервые они услышали об антисемитизме или не впервые. Люди, составляющие большинство «интернетовского населения», – молодое поколение, и они не очень в курсе того, что государственный антисемитизм составлял часть государственной политики Советского Союза на протяжении всего его существования, за исключением, быть может, самых первых лет. Да, родители не очень им про это рассказывают, должно быть, гонят от себя эти неприятные воспоминания, и вообще с той поры много времени прошло. То есть, я хочу сказать, что для значительного числа молодых людей это и в самом деле новость. Но есть новости и покруче, например, продовольственный дефицит в Союзе. Для многих сегодняшних молодых людей это новость. Они не понимают, как это – не найти на ужин той еды, которой хочется, если даже и деньги вроде бы в кармане есть. Они не понимают, как это – не ездить в отпуск за границу. И таких людей довольно много, и они вполне нормальные, не сумасшедшие. Человек быстро привыкает к хорошему и быстро забывает плохое. Я не стал бы делать из этого каких-то глубоких выводов. Вообще, на мой взгляд, та когорта полупрофессиональных антисемитов и фашистов, которая с большим удовольствием гарцует на этой теме во всяких блогах в Интернете, в данном случае оказалась несколько пришибленной впечатлением от этого фильма. Видимо, этим пыльным мешком им попало по голове довольно сильно. Это меня обрадовало: ожидал гораздо более истеричной реакции, более примитивной и злобной.

Соглашусь с участниками беседы, главное в «Подстрочнике» – рассказ, голос рассказчицы, по Николаю Александрову, «личная искренность и простота». Качества, которые невозможно подделать. Без которых документ, история жизни никогда не станет артефактом.

Именно эта природная обаятельность, открытость самобытного человека обезоружила «когорту полупрофессиональных антисемитов», простивших Лунгиной все ее

«еврейские штучки» за одну только серию о няне, которую не удалось отселить, зато хватило ума правильно похоронить.

Ортега-и-Гассет полагал, что большинство недугов человечества связаны с тем, что «серая масса» на протяжении многих веков выступала от лица «всего общества». Испанский «теоретик элиты» считал, что существуют как бы две разновидности рода человеческого, два «ордена»: «народ», или масса, являющаяся «косной материей исторического процесса», и «элита» – особо одаренное меньшинство, творцы подлинной культуры, предназначение которых – оставаясь в меньшинстве, сражаться с большинством. Путь спасения культуры он видел в сохранении духовных ценностей «лучших».

Я не верю в то, что, исходя именно из этого или схожего с ним положения, «Подстрочник» (не без участия «элиты» или «элит») угодил этим летом на отечественные экраны, иначе его бы не пробивали так долго и не показывали бы, рассчитывая на незначительную аудиторию и на распаренные жарюю мозги. Впрочем, догадку мою можно легко опровергнуть очередной демонстрацией фильма.

ИЕРИХОНСКИЕ ТРУБЫ У СПАССКОЙ БАШНИ

יְעֹבֵֿדֵי יָא־עִיֹּוֹי, אֹוֹיֹוֹיֵעֵ יְאִיֹוֹיֹוֹ

С 5 по 10 сентября на Красной площади прошел Международный военно-музыкальный фестиваль «Спасская башня». Впервые в нем принял участие оркестр Армии обороны Израиля.

Когда говорят пушки, молчат далеко не все музы. Напротив, среди них есть такие, чья музыка перекричит любую пушку. Именно такую играет оркестр Армии обороны Израиля. В его состав входят 90 бойцов ЦАХАЛ, которые исполняют исключительно духовую музыку.

Календарный год основания коллектива – 1948-й, одновременно с Государством Израиль и ЦАХАЛ. Но корни его уходят в еврейскую историю.

В Древнем Израиле певцы и музыканты служили Б-гу. «Пойте поочередно славословие Г-споду; пойте Б-гу нашему на гусях» (Теилим,146:7), – говорит царь Давид. Но если струнные инструменты и человеческий голос воспевали Творца, то трубы

передавали и передают Его голос, Его силу, пробуждение к Царству Машиаха. Вспомним, как брали Иерихон: над этим городом свершился Б-жий суд. Вспомним звучание шофара.

Так что бас, туба, труба, валторна, тромбон, саксофон, кларнет, флейта, а также тарелки и клавишные (куда ж без них?) – это, может быть, самое грозное оружие. И оркестр – важнейшее боевое подразделение ЦАХАЛ.

Впрочем, это не отменяет его функций, обычных для оркестров такого рода: обеспечивать проведение протокольных мероприятий и церемониальных ритуалов государственного уровня. Особое место в его репертуаре занимают марш Армии обороны Израиля «Мы принесли мир» и гимн Израиля «Надежда».

С 2002-го оркестром руководит наш бывший соотечественник. Главный дирижер подполковник Михаэль Яаран – уроженец Молдовы. Музыкальное образование получил в Кишиневской консерватории им. Музическу и в Академии им. Рубина при университете Тель-Авива. В оркестровой библиотеке – более трехсот его аранжировок и оригинальных произведений.

Попасть в оркестр непросто, желающих больше, чем мест. Нужно выдержать ряд серьезных экзаменов, которые принимает комиссия во главе с М. Яараном. Такие испытания, как правило, выдерживают те, кто имеет серьезное, чаще всего консерваторское образование. Для повышения уровня исполнительского мастерства музыкантов – военнослужащих срочной службы – при оркестре открыто музыкальное училище.

Оркестр ЦАХАЛ активно участвует в музыкальной жизни Израиля. Он далеко не ограничивается официальной и военной музыкой, среди которой есть такие шедевры, как произведения израильского композитора Ноубара Асланяна «Марш-бросок», «Мечта солдата» и героический марш-поэма «Десант не сдастся» (кто ж их не знает?). Нет, его репертуарная палитра расцвечена еврейским фольклором, произведениями классической и современной израильской музыки, мировыми шлягерами. Коллектив аккомпанирует на концертах ведущим певцам страны, выступает на музыкальных фестивалях.

И вот фестиваль «Спасская башня». Он проходит с 2006 года. На этот раз в нем участвовали военные оркестры из девяти стран: помимо России и Израиля, из Великобритании, Индии, Италии, Казахстана, Китая, Финляндии, Франции – в общей сложности свыше 1500 человек. Как это принято в Эдинбурге, Стокгольме, Норфолке и других городах мира, в Москве декорацией для подобного военно-музыкального действия стал самый знаменитый памятник архитектуры страны – Красная площадь.

Оркестр Армии обороны Израиля приехал на этот фестиваль впервые. Впервые строевым шагом прошел по Красной площади, исполняя отрывки из мюзикла «Скрипач на крыше». И не просто приехал, не просто прошел, но и «построил» остальных.

Начать с того, что открытие фестиваля пришлось на субботу. Организаторы вынуждены были пойти на уступку: праздник открылся без израильтян, которых доставили на Красную площадь из гостиницы уже вечером, после окончания шабата. Но самая большая проблема, как нередко бывает, возникла с питанием. Фестиваль обслуживала «Гильдия поставщиков Кремля», отвечающая за поставку продовольствия и товаров для правительства. По информации израильской газеты «Маарив», гендиректор этой организации Сергей Смирнов проконсультировался с израильской делегацией и раввинами, внимательно изучил требования кашрута... и предложил простое, изящное решение вопроса: кошерно будут питаться не только оркестранты ЦАХАЛ, но все гости фестиваля!

6 сентября оркестр Армии обороны Израиля, выстроившись в зеленую цепь, пробивал себе дорогу к Александровскому саду, к знаменитому гроту Бове, у «руин» которого уже были расставлены стулья в ожидании музыкантов.

Загорелые крепкие ребята из спецслужб, этикие спасатели Малибу, переговаривались на иврите, не назойливо и в то же время жестко следили за вверенной им территорией возле грота.

Оркестр – все как один библейские персонажи, что мальчики, что девочки, – рассаживались, доставали инструменты, обнажали на-драенную благородную медь, которой если и не хватало чего-то в этот праздничный день, так только солнца.

Все прибывал и прибывал народ, в основном случайный, просто мимо шли-променадили, а тут такое дело... Столько меди!..

– Кто это, кто?

– Оркестр Армии обороны Израиля!

Когда духовики вот так вот пробуют свое медное нутро, это напоминает многосемейные советские коммуналки. Ну что знают о советских временах вон тот трубач или тромбонист с тубистом и кларнетистом, да и вообще весь оркестр: музыкантам едва перевалило за двадцать...

Но, видимо, эти давние времена не понаслышке знает дирижер Михаэль Яран, которого тут все любовно величают Мишей.

Миша Лесник (так переводится с иврита его фамилия, интересно, а как звучала в Молдавии?) одним движением руки прекращает унылые жалобы. Чуткий южный человек, закованный в мундир, дает настояться тишине, а музыкантам – время приготовить губы... Но вот он аккуратно колеблет воздух руками, ловит его в кулаки, резко встряхивает, и самодельная тишина оборачивается знакомым глен-миллеровским джазом в армейской обработке.

Жадность к жизни живых и здоровых – дело известное, и оркестр под руководством Ярана эту самую жадность провоцировал.

Кто-то из мальчишек, восхищенный дирижерской работой, попросил уступить ему место. И Миша уступил под шквал аплодисментов.

На латиноамериканцах напряжение совсем спало, и публика так сдружилась с оркестром, что никто и не удивился, когда под неспешный дождик начались родные «местечковые дела», без которых уже и Россия не настоящая, и Израиль не тот.

Публика голубиным горлом дрожала от «ой вэй» трубача, прятала свои влажные глаза, будто в прошлой жизни пила бессарабское вино, барышничала и ставила заплаты, сначала «вместо брюк на жилет», а потом «и на брюки, и на жилет»...

То, что женщины питают слабость к военным оркестрам, – факт широко известный, но кто бы мог подумать, что здесь, в чинном десятигектарном саду, забыв «двухсотлетнюю» историю болезни и живя минутой мудрости, они пустятся в пляс с первыми звуками «Хавы Нагилы», будут притопывать и плечами вести под гимн Израиля...

А потом «А-Тикву» сменили попури. Начали с ухающей «Дубинушки» и «Подмосковных вечеров», а кончали уже сердцем, «которому не хочется покоя»...

Толпа все ближе и ближе надвигалась на оркестр, корректно сдерживаемая израильскими спецслужбами.

От Москвы до Тель-Авива четыре часа лета, но если лететь со скоростью звуков оркестра Армии обороны Израиля, дирижируемого Мишей, получается совсем ничего.

РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Ḥāšō ēāī à Ōāī ābōī ī

Анну Моисеевну уволили с работы. Она работала в библиотеке Исторического музея в отделе каталогизации и перепутала какие-то карточки: поместила карточки из закрытого фонда в основной, и ее выгнали за профнепригодность. Она утверждает, что это не ее вина, – ей нарочно подсунули не те карточки. Что она, не знает грифа закрытого фонда? Слава Б-гу, пятнадцать лет проработала в этой библиотеке, только последний дурак может не знать!

Но из-за работы она не расстраивается – устроилась гардеробщицей на трикотажную базу, которая в нашем доме – в подвале под четвертым и пятым подъездами, – и довольна. Говорит: тьфу! Пускай они там подавятся своими фондами! Как вам это нравится? Закрытый фонд! Почему человек не должен читать книгу? Раз написано, надо читать. Я лично ни одного дня не могу прожить без книги. Ничего, теперь мне, по крайней мере, не надо тратить деньги на троллейбус. Две минуты, и я уже на работе.

– В этом смысле вы, может, и правы, – вздыхает мама. – Вообще, я вам скажу, сегодня чем меньше значишь, тем меньше рискуешь. Вот Блатин... Слышали? Наш сосед из шестнадцатой квартиры. На прошлой неделе еще значился главным редактором «Комсомольской правды», и вдруг сняли без всякого предупреждения. Единым махом лишили всего – и распределителя, и персональной машины...

– Нинусенька, ты как сорока разносишь на хвосте досужие сплетни, – хмурится папа.

– Какие сплетни? Мне Валя сама сказала. Прибежала вся в слезах. В один и тот же день исключили из партии и сняли с работы. Якобы из-за его знакомств с кем-то из ленинградцев.

– Вот почему! – восклицает Анна Моисеевна. – Я заметила: всегда иду – машина стоит, и вдруг нету.

– А как, простите, можно быть незнакомым с людьми, с которыми ты работаешь? – удивляется мама.

– С людьми, с которыми работаешь, действительно трудно быть незнакомым, – соглашается папа, – но с соседями, которые завтра будут объявлены врагами народа, общаться совершенно не обязательно.

– Да, – хмыкает мама, – ты уже знаешь, что будет завтра. Премудрый пескарь... Посмотрела бы я на тебя...

– Павел Александрович прав, – объявляет Анна Моисеевна. – Зачем собирать чужие несчастья, когда своих хватает? Нет, из-за работы я не буду плакать, пускай не радуются. Если кто-то думает, что это так уж страшно – из каталога попасть в гардероб, так он ошибается. Да, утром и вечером успевай подхватывать: пальто, всякие шапки-шляпки, кашне... Кашне постоянно вылетают из рукавов, им нет сил засунуть как следует. Плюс галоши, ботики, – большой объем. Действительно, приходится покрутиться. Зато весь день сижу и читаю книгу. Можно сказать, отдыхаю как в настоящем санатории. Если бы не то, что у меня умер муж... Это уже, я вам скажу, серьезная неприятность, когда умирает муж.

– Как? – не понимает мама. – У вас умер муж? И вы ничего не сказали? То-то я смотрю, его совершенно не видно.

– Как его может быть видно, когда он взял и умер? Хотя я его абсолютно к этому не толкала. Причем это уже пятый муж. Когда у меня умер первый муж, я не расстраивалась, – признается Анна Моисеевна. – Я знала, что долго не засижусь во вдовах. Ха, все мужчины заглядывались на меня. Не только евреи, но и многие русские. Я была блондинка с голубыми глазами и без всяких этих болезней, которые потом вылезли.

Вылезли у нее не болезни, а глаза.

– И когда то же самое случилось со вторым мужем, я тоже, знаете, не особенно волновалась: мне было двадцать восемь лет, и я была исключительно привлекательная.

– Можно представить себе... – произносит папа, глядя в окно.

– Да, у меня была большая грудь, – сообщает Анна Моисеевна. – Пока женщина молодая, ей совершенно не о чем беспокоиться. Я всегда имела очень приличных мужей. Но теперь я уже не уверена. Конечно, я не из тех, которые привыкли сорить деньгами. Я всегда была бережливой, даже если муж прилично зарабатывал. Дело не в деньгах, но вы сами понимаете: женщине трудно быть одной. Одинокая женщина, я вам скажу, это как левая нога без правой.

– Да, – вздыхает мама, – вот именно. Бедная Валя: трое детей. Никогда не знаешь, где тебя прихлопнет. Если его арестуют, могут и квартиру отнять...

Ирина Васильевна, жена Поздняева, родила еще одного мальчика. Он лежит на кровати, завернутый в одеяльце. Мы привезли ему подарки: пеленки, подгузники, распашонки и вязаный шерстяной костюмчик. Костюмчик Анна Моисеевна достала для мамы на своей трикотажной базе.

– Я так решила, что пеленки никогда не бывают лишними, – объясняет мама. – Ну, расскажите, расскажите, как прошли роды, как все обошлось?

Я чувствую, что ей самой ужасно хочется рассказать про свои роды – как у нее не было сил тужиться и как ребенка уже хотели тащить щипцами.

– Роды-то прошли, – хмурится Ирина Васильевна, – живой родился. А потом забрали в инкубатор – дескать, слабенький, недоношенный. Ну, я сначала ничего не понимала, а потом мне женщины в палате говорят: «Ты что, с ума сошла? Зачем отдала? Больше и не увидишь его. Специально забрали, чтобы уморить». И действительно, день прошел, второй – не несут ребенка. Всем приносят, а мне нет. Нельзя, говорят, это для него опасно. Сцеживайте пока молоко. А как его сцеживать? Легко сказать... Кинулась к заведующему: пустите, говорю, хочу видеть своего сына. А заведующий тоже еврей – все врачи евреи, – нельзя, говорит, не положено, у нас там все стерильно, для ослабленных детей опасна инфекция. Ну, я такой скандал устроила, говорю, знаю я, как у вас стерильно, у меня муж журналист, ответственный работник, я вас всех разоблачу, убийцы проклятые! Еле вырвала на пятый день. Спасла из их когтей.

– Да что вы, Ирина Васильевна, – пугается мама, – что вы такое придумываете! Как это врачи могут уморить младенца? Зачем? С какой стати?

– С какой стати? – усмехается Поздняев. – Убрать тех, кто им мешает, и посадить своих людей.

– Помилуйте, убрать грудных младенцев? Каким же образом грудные младенцы могут кому-то мешать? – недоумевают мама.

– Ослабить нашу оборонную мощь. Не будет солдат, кто воевать станет?

– О чем вы говорите?.. – бормочет мама.

– У них инструкции от «Джойнта»! – объявляет Ирина Васильевна.

– Ирина Васильевна, дорогая, вот уж никогда бы не поверила, что интеллигентный человек может поддаться этой дешевой пропаганде...

– Вы, Нина Владимировна, верно с луны свалились, – говорит Ирина Васильевна. – Вы что, газет не читаете?

– Ну как вам сказать... Просматриваю иногда.

– Да они же сами во всем сознались!

– Но не все же поголовно...

– Не все поголовно? А это вы видели? – Ирина Васильевна берет с тумбочки какие-то листки и принимается зачитывать: – Вот, пожалуйста. «Мой старший сын погиб в одном из родильных домов Москвы два года назад – в апреле пятьдесят первого года. За сутки до выписки у него началось заражение через пуповину, и на следующий день его не стало. Другие мальчики заражались через глаза, уши и другие органы. Многие матери посидели почти в одно время, хотя им не было и двадцати пяти. Одна из аптек на Арбате выдавала отравленные лекарства населению, в частности беременным женщинам».

– Нет, я не спорю, – говорит мама, – бывают врачебные ошибки, халатность, но чтобы преднамеренное вредительство...

– «В настоящее время многие врачи роддомов и фармацевты арестованы. Следственными органами установлено, что немалое число врачей еврейской национальности выполняли задания иностранных разведок». Дальше тут... – Ирина Васильевна перелистывает страницу. – Вот: «Дело было весной, приближалась русская Пасха. В Минске евреи убивали русских детей и на их крови замешивали мацу. Это сущая правда, и ее подтвердили ответственные партийные работники».

– Что за бред? – возмущается мама. – Откуда эта чушь?

– Это из показаний пострадавшего, – говорит Ирина Васильевна.

– Ненормальный какой-то... – вздыхает мама.

– То, что изуверы-врачи были связаны с посольствами США и Израиля в Москве, в частности с Голдой Меир и Моше Даяном, полностью подтверждено и доказано, – сообщает Поздняев.

– Константин Иванович, вас послушать, так прямо страшно становится – какой-то вселенский заговор.

– Вот именно, вот именно, что заговор. А вы как думали? Мы живем в эпоху острой классовой и идеологической борьбы.

– Не знаю, не знаю... – вздыхает мама.

– Вот уж, Нина Владимировна, нашли кого защищать, – говорит Константин Иванович. – Врагов наших.

– Жданова умертвили, Щербакова, маршала Василевского чуть на тот свет не отправили, маршала Говорова, Конева, – перечисляет Ирина Васильевна, – а вы говорите!

– Да, между прочим, сегодня скончался этот бес Мехлис, – сообщает Константин Иванович. – Тоже немало русской кровушки попил... В одном только Крыму сотни тысяч уложил.

Младенчик на кровати начинает пищать, Ирина Васильевна кладет его на стол и разворачивает одеяльце. Какой он страшненький! Голова еще ладно, куда ни шло, но тельце ни на что не похоже: крохотное, сморщенное, ужасного фиолетового цвета, ножки кривые, тонюсенькие, а ступни огромные. И весь как-то бессмысленно дергается. Неужели все дети бывают такие? Фу, даже смотреть не хочется.

– Негодяи! – плачет Алла Вольфсон. – Неужели они не понимают, что они всех нас подставили под удар!

Значит, она верит, что врачи действительно вредители и отравители. Мама не верит, а я не знаю, верить или нет. Не хочется в это верить.

– Чего им не хватало, чего?! – плачет Алла.

Вот именно – чего им не хватало? Зачем им было кого-то неправильно лечить? Лучшие в стране врачи, в Кремле работали. Получается, что они всю жизнь учились и набирались опыта только для того, чтобы кого-то отравить. Как какая-то сеньора Тофана. Может, все-таки еще выяснится, что они не виноваты.

– Подожди, не плачь, – говорю я, – может, это все неправда...

– Как – неправда? – не понимает Алла. – Их же арестовали!

Мама возвращается из гастронома вся в слезах.

– Что такое, Нинусенька, что случилось? – спрашивает папа.

– Меня... Меня вышвырнули из очереди, – с трудом выговаривает мама. – В молочном отделе... Подошла моя очередь, а я стою, не знаю, что взять, – сметана кончилась, и кефир, оказывается, тоже закончился, остался ацидофилин, но он же сладковатый, в щи абсолютно не годится. Творога третий день не завозят. Я, собственно, из-за сметаны и встала. Ладно, решила – нет так нет, хотя бы масла возьму, по двести граммов дают, и бутылку ацидофилина, что делать, не уходить же с пустыми руками, такую очередь отстояла... Сыра, подумала, еще надо взять, граммов сто или двести, сыр может и полежать, ничего не случится. Ну, наверно, замешкалась на секунду. И представь себе, накинулись как бешеные, принялись толкать, орать, какая-то баба закричала: мы с работы, а тебе, видно, делать нечего, жидовка проклятая! Да, так и сказала, без малейшего стыда, и вся очередь, вместо того, чтобы унять ее, меня же и обругала. Форменным образом вытеснили – с таким остервенением... Всякие оскорбления...

Представляю себе: мама топчется возле застекленного прилавка с поднятым в тяжких размышлениях пальчиком, а очередь напирает и бесится.

– И никто, ни один человек не вступился ... – рыдает она. – Дикое хамство... Хуже, чем хамство. Невозможно поверить...

Интересно: когда меня выгнали из очереди в булочной, мама и не подумала вступить за меня. Наоборот, набросилась и всячески обругала. А теперь плачет и ищет сочувствия.

– Это вы, Нина Владимировна, считайте, легко отделались, – утешает Елизавета Николаевна. – У нас, тут вот, возле стадиона, – она придвигается к маме поближе и переходит на громкий испуганный шепот, – напротив проходной... Мужчину на всем ходу из трамвая выкинули – из-за еврейской внешности, – и никто даже не подошел. Так и валялся, как собака, с переломанными ногами!

– Я в молодости абсолютно не была похожа, – объясняет мама, – а теперь часто говорят. И не только русские, евреи тоже – принимают за свою. Видимо, с годами что-то такое проявилось. Но, поверьте, мне больно не то, что меня посчитали за еврейку, а вот это отношение: ни один человек...

Анну Моисеевну опять выгнали с работы. Какой-то хулиган стал кричать, что она выдала ему чужое пальто. Тогда она сказала – просто так, чтобы он успокоился: «Что вы волнуетесь? Это пальто намного лучше вашего. С барашковым воротником». Но он начал орать, что ему не нужно лучше, ему нужно его пальто. Она пошла искать его пальто, и нашла, и подала ему, а он при всех сотрудниках обозвал ее старой жидовкой. И тогда Анна Моисеевна плюнула ему прямо в его поганую морду.

– А что, я должна была молчать, когда он говорит мне такие вещи? Что я жидовка, это я, допустим, и без него знаю. Это уже не новость. Между прочим, я никогда не скрывала, что я еврейка.

– Хм, полагаю, было бы затруднительно скрыть сей факт, – замечает папа.

– Но я терпеть не могу, когда указывают на мой возраст!

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
 О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ ДОВИНА ВРАЧА
 ТИМАШУХ Л.Ф.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
 О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ ДОВИНА ВРАЧА
 ТИМАШУХ Л.Ф.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденом Довина врача
 Тимаших Л.Ф.

За помощь, оказанную Правительству, в деле
 разоблачения врачей-убийц наградить врача ТИМАШУХ
 Лидию Федосеевну орденом ДОВИНА.

Председатель Президиума
 Верховного Совета СССР -
 (Н.Взрняк)

Секретарь Президиума
 Верховного Совета СССР -
 (А.Горкина)

Москва, Кремль.
 20 января 1953 г.
 д.л 180.

Теперь в «Литературке» и других газетах много пишут про роман Василия Гроссмана «За правое дело», вскрывают крупные недостатки этого ущербного сочинения и осуждают тех, кто не принял во внимание справедливую критику, выраженную в обсуждении романа до его напечатания писателями Бубновым, Агаповым, Катаевым, Кожевниковым и Грибачевым. А совсем еще недавно в той же «Литературке» писали, что этот роман крупное произведение, и зачисляли в ряд наиболее значительных достижений минувшего года. Я собиралась прочесть его, но теперь не буду.

С дочкой Катаева Женей я дружила в Переделкино. Катаев написал хорошие книги: «Белеет парус одинокий», «Сын полка», «За власть Советов», «Квадратура круга». А Кожевниковы живут в нашем доме, в четвертом подъезде, Ира Кожевникова учится в нашей школе. Вообще-то, по-настоящему она не Кожевникова, а Мазурук. Мазурук, Ирин отец, полярный летчик и герой Советского Союза, но Ирина мама почему-то развелась с ним и вышла замуж за Кожевникова. У них есть собака.

— Черт их знает, за ними не уследишь – сегодня одно, завтра другое, – вздыхает мама.

Папа молчит, но я вижу, что все это очень беспокоит его. Целыми днями сидит за машинкой, но ничего не пишет, только смотрит в окно и курит. Может быть, он сам успел сказать в Союзе писателей что-нибудь положительное по поводу этого ущербного романа.

Написано, что ряд критиков и писателей при обсуждении романа Василия Гроссмана в московской секции прозы встали на вредные позиции безудержного захваливания. Наверно, он боится теперь, как бы его не обвинили в утрате бдительности и профнепригодности.

– Павел, ты слышал? – волнуется мама. – Анна Моисеевна говорит, будто бы евреев намечено выселять из Москвы.

– Угу, – тянет папа, не открываясь от машинки.

– Нина Ильинична тоже подтвердила, сказала, что в «Правде» только об этом и шушукуются по углам, рассказывают всякие ужасы.

– Ну, если и Нина Ильинична...

– Да, будто бы уже подогнали к Москве составы. Якобы собираются вывозить в Биробиджан.

– Вот как? А что еще сказала Анна Моисеевна? – интересуется папа.

– Не знаю... По-моему, и этого достаточно. Будто бы надеются таким образом решить жилищную проблему.

– Чью? – спрашивает папа. – Нины Ильиничны или Анны Моисеевны?

– Перестань, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Тут уже совершенно не до шуток. Она в отчаянии, ты же знаешь: Юлин отец – еврей.

– Юлин отец Нине Ильиничне – нашему забору двоюродный плетень. Женат и имеет троих собственных детей.

– Нет, не говори, он очень порядочный человек: все время помогает ей материально. Между прочим, Нагач тоже был наполовину еврей – у него мать еврейка. В те годы это было модно – жениться на еврейках.

– Нинусенька, – говорит папа, – надеюсь, ты помнишь указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за распространение в военное время ложных слухов.

– При чем тут военное время? – удивляется мама. – Война, слава Б-гу, давно кончилась.

– Война кончилась, но мы находимся в состоянии неослабевающей глобальной идеологической конфронтации с Соединенными Штатами и их союзниками, – объясняет папа.

– Не понимаю, о чем ты. Никаких ложных слухов я не распространяю, – защищается мама. – Отец Ногача был белорус, а мать еврейка, это общеизвестно. Не исключено, что еще и сейчас жива. Во всяком случае, до войны приезжала посмотреть на внуков. Не старая еще женщина. Юлю, конечно, нельзя считать ее внучкой, поскольку она от другого мужчины...

– Распространение ложных слухов... – повторяет папа, – возбуждающих тревогу среди населения.

– Да, – говорит мама, – кому тревога, а кому, как посмотришь, и праздник. Пляска на чужих костях. Конечно, не хочется верить... А что же будет с такими семьями, в которых, допустим, мать русская, а отец еврей?

– Действительно, тут решение жилищной проблемы наталкивается на определенные трудности, – соглашается папа.

– Прекрати, ради Б-га! Вечное скоморошничество. Я серьезно спрашиваю: дети остаются или тоже подлежат выселению?

– Теоретически дети остаются с матерью.

– Что значит – теоретически?..

– Поскольку на практике абсолютно ничего не происходит и не может произойти.

– А если, допустим, как у Корабельских – отец русский, а мать еврейка?

– Дети отправляются с матерью.

– Но это же ужас! Как она сможет прокормить двоих детей?

– Извини, Нинусенька, мне кажется, пора прекратить этот нелепый разговор, как ты могла бы догадаться, никакого удовольствия он мне не доставляет. Тем более что нельзя знать, кто сейчас стоит за нашей дверью и слушает твои недалновидные разглагольствования.

– Недалновидные разглагольствования! Можешь поверить, мне это тоже не доставляет ни малейшего удовольствия. Но ты сам согласился, когда я сказала, что уже подготовлены составы.

– Не фантазируй, мой дорогой Кисик, я не согласился и не мог согласиться с провокационными измышлениями твоих взбесившихся от безделья приятельниц. Весьма сомневаюсь, чтобы милейшая Анна Моисеевна собственными глазами наблюдала эти составы.

– Не наблюдала, но она говорит, что ее брата вызывали куда следует и убеждали подписать письмо.

– Мерзкая бесстыжая сплетница! Ее брат никому не нужен и не интересен. Мелкая, незначительная сошка. Надувает щеки! Пытается придать себе весу путем распространения лживых слухов.

– Не такая уж незначительная. Как-никак профессор, преподает в институте.

– Если кто-то и будет подписывать подобные письма, то академики и видные деятели искусства, а не жалкие институтские профессора, которым несть числа.

– Она говорит, что уже связала узел с самыми необходимыми вещами, у нее все готово. Смешно, конечно, неужели она надеется перенести такую дорогу, в ее-то возрасте?.. Б-же мой! Как вспомню, как мы сорок дней тащились до этого проклятого Красноуфимска... – Мама начинает всхлипывать. – Почему судьба не сжалилась надо мной, зачем я не сдохла там, к чему все эти мучения!.. Отделалась бы раз и навсегда!..

– Прекрати, Нинусенька, устраивать нелепую истерику. Ничего абсолютно не случилось.

– Нет, объясни мне, что же это творится? Ведь должен быть какой-то предел издевательствам!..

– Нинусенька, я сказал и повторяю: эти вздорные слухи абсолютно безосновательны. У тебя нет никакой причины рыдать и сокрушаться.

– Лера Сергеевна утверждает, что это делается для защиты еврейского населения от всякого рода погромщиков. Хороша защита!

– Совершенно верно, если что-то и будет предпринято, то исключительно ради спасения Анны Моисеевны от справедливого народного гнева, – кивает папа. – Гуманная политика правительства.

– Хоть бы уже не дожить до торжества этого гуманизма!.. – стонет мама. – Пусть уж лучше сразу сгонят всех в кучу и скинут с моста в реку!

– Как я догадываюсь, главным источником этой ценной информации является Елизавета Николаевна, – объявляет папа. – Почерпнула ее на рынке в Немчиновке или у Зины на Филях. Отвратительнейшая паникерша! Ее-то безусловно давно пора выслать либо в Биробиджан, либо на Соловки.

– Елизавета Николаевна, кстати, ничего по этому поводу не говорила... – припоминает мама. – Действительно, нужно будет расспросить ее, как-никак она тоже работает в «Правде», варится в том же котле. Может, знает что-то конкретное...

Книгоноша принес книги. Опускает четыре тяжелых пачки на пол, распутывает бечевки.

– Первым делом, конечно, товарищ Сталин, – сообщает он почтительно и откладывает книгу в сторону. – Восьмой том. Между прочим, знаете, я сегодня обратил внимание: особое издание, печатается по постановлению Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков... Далее у нас: «Записки сумасшедшего», «Невский проспект», «Нос»... Гоголь, третий том. «Нос», я вам скажу, исключительно замечательное произведение, я еще у себя в Барановичах успел ознакомиться, так живо все описано. Очень правдоподобно. В некоторых местах, конечно, можно было бы чуть-чуть сократить... Вы понимаете, про что я думаю...

– Не имею намерения отгадывать ваши мысли, – объявляет папа.

– Ну, неважно... Толстой Лев Николаевич. «Воскресенье»... Такое название. Быстро издают, тринадцатый том уже.

– Чертова дюжина, – замечает мама.

– Нет, вы знаете, – возражает книгоноша, – у нас, у евреев, – тринадцать считается даже счастливым числом.

– Да? Странно. Большого счастья я что-то в последнее время не наблюдаю, – хмыкает мама.

– Ну, как посмотреть...

– Да уж с какой стороны ни смотри, один сплошной кошмар, – постановляет мама.

– Ничего – день так, день эдак...

– Бросьте, и так и эдак – в страшном сне не привидится, – упорствует мама.

– Нет, я потому, что у нас тринадцать лет считается у мальчиков совершеннолетие, – объясняет книгоноша, – большой праздник. То есть сейчас, конечно, нет – избави Б-г! – сейчас все пионеры, но раньше было. Я для вас специально захватил еще кое-что из разрозненного, – обращается он к папе, – если вдруг пожелаете. Помимо подписки. Вот, Леонардо да Винчи. Великий изобретатель. Исключительно богатое издание. С золотым тиснением. Иллюстрации...

– Отложите, я подумаю, – говорит папа.

– Еще раз товарищ Сталин – «Экономические проблемы социализма»...

– «Экономические проблемы» у меня есть, – отказывается папа.

– Ну, есть так есть... Вилис Лацис никак не интересует?

– Вилис Лацис не интересует.

– Я так и предполагал. Павел Бажов, «Малахитовая шкатулка», тоже приличные иллюстрации.

Папа кивает, книгоноша кладет «Малахитовую шкатулку» на Толстого.

– «Внешняя политика Русского централизованного государства».

– Не нужно, – говорит папа.

– С портретом автора и четырьмя картами?..

– Я сказал: не нужно!

– Пожалуйста, пожалуйста, как скажете, – уступает книгоноша. – Я только показываю. Вот – Джеймс Фенимор Купер, «Следопыт».

– Купера давайте.

– «Памятники народного зодчества».

- Не нужно.
- Более ста иллюстраций?..
- Я сказал: нет! – взвывается папа. – Вы что, русского языка не понимаете?
- Нет, что же? Я разве настаиваю? Немирович-Данченко, в двух томах. «Театральное наследие».
- Не нужно.
- Арсеньев, «В дебрях Уссурийского края»...
- Арсеньева давайте.
- Огарев. Я, знаете, однажды читал, так он был лучший друг Герцена.
- Покажите, – говорит папа и принимается листать Огарева. – Хорошо, положите.
- Сытин, «Из истории московских улиц»...
- Положите.
- Павел, у нас же есть Гиляровский, – напоминает мама.

Папа хмурится и ничего не отвечает.

- Виктор Гюго, исключительно захватывающие произведения. Конечно, «Художественная литература» – «Художественная литература» плохо не сделает. «Собор Парижской Богоматери», «Человек, который смеется». Потом будет еще второй том.
- Хорошо, – говорит папа, – присоедините.
- Павел, куда ты все это набираешь? – пугается мама. – И так уже продохнуть невозможно от книг!

Книгоноша замирает с Виктором Гюго в руках и смотрит на папу. Папа угрюмо молчит.

- Семен Бабаевский? – произносит книгоноша неуверенно. – «Кавалер Золотой Звезды»...
- Не требуется.
- Да, я сам удивляюсь, зачем они включают, – подхватывает книгоноша. – Бабаевского в свободной продаже более чем необходимо, включают еще в Писательскую лавку... Может, Кисилев, «Декоративные многолетние растения»?
- Это я как раз хотела бы иметь, – оживляется мама.

– Положите, – разрешает папа.

– С иллюстрациями, – продолжает нахваливать книгоноша. – Очень красивая книга, получите большое удовольствие.

– Хотя с другой стороны... – мрачнеет мама, – если все эти разговоры имеют под собой какую-то почву, то зачем книги? Тут уже будет не до книг...

– Нинусенька! – обрывает ее папа. – Оставь, пожалуйста, свои размышления до более подходящего времени.

– Вот именно: более подходящего... – Мама поджимает губы и выходит из комнаты.

– Что же у нас тут набежало? – бормочет книгоноша и записывает цены на клочке бумаги. – Товарищ Сталин пять рублей семьдесят пять копеек, Гоголь восемь рублей, Толстой десять, Леонардо да Винчи... Леонардо да Винчи – вы как, желаете или нет?..

– Нет, – говорит папа.

– Леонардо да Винчи – нет... – Книгоноша со вздохом возвращает книгу в большую стопку. – «Малахитовая шкатулка» одиннадцать рублей пятьдесят копеек... – Всего... Проверю наоборот... Девяносто два рубля пятьдесят пять копеек – это Книжной лавке и мне, так сказать, за доставку... Девять книг по пять рублей – сорок пять. Вместе сто тридцать семь рублей пятьдесят пять копеек.

Мама возвращается в комнату.

– Что же вы стоите? Присаживайтесь, отдохните, сейчас будет чай, я поставила.

Книгоноша топчется возле стола и не знает, что ему делать. Чаю ему, конечно, хочется выпить, но смущает папино хмурое настроение.

– Садитесь, садитесь, на улице мороз, – прибавляет мама.

– Да, уважаемая, вы абсолютно верно заметили, – шутит книгоноша, – на улице мороз, а в спине остеопороз... Да, такой диагноз. Доктор сказал, так это теперь называется. Доктору виднее – ученый человек... У него ученость, у нас хворобы. Что делать – возраст...

– Не возраст, а таскаете неподъемные тяжести. Какая спина это выдержит?

– Должна выдержать, – вздыхает книгоноша, – куда ей от меня деваться? Нет, я не жалуюсь, крихчу, но не жалуюсь – пока еще, слава Б-гу, на своих ногах. Тяжесть на тяжесть, я вам скажу, тоже не сходится. Я так про себя понимаю, лучше таскать книги, чем булыжники. Книга – источник знаний...

– Хрен редьки не слаще, – мама вытаскивает из шкафа чашку, заварной чайничек, сахарницу.

Книгоноша, потоптавшись у стола, хочет сесть, совсем уже приседает над стулом, но вдруг спохватывается:

– Ой, что же это я? Не девять, а десять! Всего десять. Совсем старый осел! Так что не сорок пять, а пятьдесят.

Папа как будто не слышит его.

– Я в том смысле, что мне пятьдесят рублей... За десять книг...

– Вы только что сказали – девять, – злится папа.

– Да, извините, ошибся – случается! – теперь подсчитал – десять.

– Не пытайтесь выжать из меня еще какие-то деньги! – выпаливает папа. – Вы уже получили все, что вам причитается!

– Как... получил? – бледнеет книгоноша, веснушки у него на лице становятся еще более рыжими. – Вы пока ничего мне не выплатили... Вот же они, книги...

Мама в растерянности смотрит то на книгоношу, то на папу.

– Вы мерзкий, лживый, корыстный старикашка! – заходится папа. – Вознамерились обдурить и обобрать меня! Специально ходите по квартирам, чтобы обманывать людей!..

– Павел, ты с ума сошел?.. – бормочет мама. – Белены объелся?

– Я не желаю видеть вас в своем доме!

– Можете проверить меня, пожалуйста, – предлагает книгоноша испуганно и раскидывает руки в стороны, – на мне нет никаких денег – может, два или три рубля – жена на дорогу дала. Самое наибольшее... Я к вам к первому, потому что вы в первом подъезде...

– Успокойтесь, ради Б-га, – упрасивает мама. – Я вам верю, вы не волнуйтесь, присядьте. Сейчас во всем разберемся. Можно же спокойно во всем разобраться.

Мама выходила из комнаты и не видела, но я-то все время была здесь, я точно знаю, что папа не давал книгоноше никаких денег. Точно знаю, но не смею сказать – зажимаю рот обеими руками, боюсь, что папа еще хуже взбесится, если я скажу. Как стыдно... Что он ему сделал, этот книгоноша?

– И ведь это не мои деньги, это для Книжной лавки, мне выдают по списку, – чуть не плачет старик. – Я только доставляю. Это у вас есть такое счастье, что вы можете получать все эти замечательные книги... А я только доставляю...

– Вот вам двести рублей, и убирайтесь отсюда! – папа швыряет на стол две сотенные бумажки.

– У меня нету сдачи, – бормочет книгоноша, – я к вам к первому, потому что в первом подъезде, на мне нет никаких денег...

– Я сейчас посмотрю, – мама направляется к шкафу, – может, у меня найдутся мелкие...

– Не нужно сдачи! – постановляет папа. – Чтобы ноги вашей больше не было здесь!

– Павел, что с тобой? – окончательно теряется мама. – Ты не в себе. Ты сошел с ума...

Книгоноша горестно вздыхает, прячет деньги и торопливо связывает оставшиеся книги.

– Ничего, ничего... – бормочет он. – Я не обижаюсь. Зачем обижаться? Вы ошиблись. Я тоже ошибся. Случается...

– Боже мой, чайник! – спохватывается мама. – Светлана, беги выключи чайник! Наверно, уже весь выкипел.

– Да, уважаемая, – книгоноша перекидывает две связанные бечевкой пачки через плечо, – я вижу, мне уже не придется попивать тут вашего чаю. Желаю вам долгого здоровья. Может, кто-нибудь другой будет носить вам книги, что делать...

– Объясни мне, что это значит? – спрашивает мама, когда дверь за ним закрывается. Не заламывает, как обычно, руки и не рыдает, просто спрашивает упавшим голосом. Глаза у нее печальные, застывшие, и мне становится ее жалко. – Что за дикая выходка? Ты уже совершенно не владеешь собой...

– Я прекрасно владею собой! – объявляет папа. – Но я не желаю видеть в своем доме этого гнусного отвратительного жулика! Вот именно из-за таких омерзительных типов, прибывших из различных Барановичей, и страдают порядочные люди.

МАЙ

Ī ēāā P dīāā

1.

...Лет тому тридцать пять – да, примерно! – назад, когда я был ленинградский пионер и школьник в роговых очках набекрень (не иначе, из кривого рога) и в алом галстуке, с обоих концов обсосанном и с них же по-телячьи и обжеванном, как-то уж очень я интересовался индейцами. Понятное дело, ничего сверхъестественного: будь ты хоть пионер ленинградский, хоть бомбейский бойскаут, а даже если и берлинский пфадфиндер! – индейская болезнь тебя почти наверняка не минует, как краснуха или свинка. Иmunны к ней, по всей вероятности, одни лишь индейские дети, да и те вряд ли (с тех пор, самое позднее, как в вигвамы к ним были поставлены телевизоры с Джоном Уэйном в шейном платке, удивительно напоминающем мой пионерский галстук – особенно узлом и обжеванностью/обсосанностью).

Приверженность к краснокожим быстро приобрела у меня – в соответствии с прочими наклонностями и свойствами – энциклопедическое по преимуществу направление. Что просто-напросто означает: все, что можно было прочитать «про индейцев», я прочитал, т. е. Джеймса Фенимора Купера, капитана Майн Рида и... Джеймса Фенимора Купера и капитана Майн Рида. Ну, и еще «Сыновей Большой Медведицы» Лизелотты Вельскопф-Хенрих, по неизвестным причинам переведенных советской властью с немецкого языка и несколько презрительно выданных мне школьной библиотекаршей Беллой Израилевной (по ее мнению, умные еврейские дети в криво сидящих очечках и обсосанно-обжеванных пионерских галстуках спокойно уже могли бы и Юрия Трифонова пойти почитать вместо всякой ерунды; что же, пришлось и того взять в нагрузку; тоже в своем роде про индейцев, но про каких-то малосимпатичных – советских, в шляпах; так и не увлекся я ими до сих пор). Вот, собственно, и всё. Советские дети, в очках или без, жевали они концы своих галстуков или только сосали, романами про индейцев, как известно, перекормлены не были. В «Библиотеку приключений пионера и школьника» – кажется, так она называлась? – затесался маловразумительный какой-то еще француз из мексиканской жизни, по имени Густав Эмар. Его по предъявлении чистых рук бережно выдавали в читальном зале детской районной Куйбышевского района г. Ленинграда (или в Библиотеке им. Маяковского?), но команчи у него были представлены без должной симпатии: кровожадные какие-то бестии, а не благородные воины – мастера томагавка и виртуозы скальпировального ножа. Может, по мелочи и еще что-то могло обнаружиться в джунглях советского книгоиздания, но не повезло мне, значит, – так и не подвернулось ничего, кроме Джеймса Фенимора Купера и капитана Майн Рида. Ну и Лизелотты Вельскопф-Хенрих.

2.

Само собой разумеется, на все фильмы про индейцев производства киностудии «ДЕФА» ходил я неуклонно и неизбежно – Гойко Митич с его переразвитыми жевательными мускулами (хотя жевать-то ему, угнетенному колонизаторами сыну прерий, было вроде как нечего – галстука у него не имелось) стал моим лучшим другом. И однажды великий день настал: как ни спешили неразборчивые титры сыпаться с потресканного экрана на затоптанную эстраду кинотеатра «Молодежный» на Садовой улице, рядом с рестораном «Баку» (под подскакивающую финальную музыку и стук подскакивающих при народном вставании сидений), но я все же успел заметить – и не мог не успеть! – таинственные пять слов: «по мотивам романов Карла Мая!» Так я узнал о существовании Карла Мая – «немецкого Майн Рида», пояснила интеллигентная билетерша на выходе. Этого было достаточно. Все во мне сжалось, разжалось и запылало тревожно и ровно – я понял: вот-вот обнаружится третий член святого индейского троекнижия Фенимор Купер – Майн Рид – Карл Май? Лизеллота Вельскопф-Хенрих по многим причинам на эту роль не годилась.

Но никакого Карла Мая не было. В школьной библиотеке его не было (Белла Израилевна глядела на меня иронически и разводила руками в бухгалтерских нарукавниках, надетых на лилово-сатиновый, какой-то завхозный халат), детская районная и имени Маяковского им тоже не располагали, у родственников и знакомых его отродясь не водилось, и даже у соседа по коммунальной квартире, у Абрама Исакыча Лифшица, его не стояло. А уж у того в комнате, кажется, были все книги, и даже дореволюционные, с ятями – а среди последних порнографический декадент Пшибышевский и исторические романы Генрика Сенкевича, отчасти напоминавшие мне неправильного писателя Эмара: как у того симпатичные краснокожие борцы с бледнолицыми колонизаторами оборачивались неприятными дикарями-головорезами, так и у этого героические гайдамаки, известные мне с самой положительной стороны по «Тарасу Бульбе» Николая Гоголя и «Переяславской раде» Натана Рыбака, оказывались обыкновенными бандитами, препятствующими малахольным польским рыцарям и ихним бледным паннам цивилизовать бесхозные пространства Востока. Не говоря уже о ксендзах. Не знаю, откуда у Абрама Исакыча взялась такая склонность к второстепенной польской классике, сам он был из Кривого Рога; но Карла Мая не было и у него. Что не означает, что он оставил меня безо всякой помощи, не такой он был человек. По всей видимости, он-то и рассказал мне, что Мая переводили только до революции, а потом не переводили вовсе, в отличие даже от Сенкевича, а почему, он сейчас точно сказать не может, не знает. Наклоняя ко мне свое ласковое, белое, лисье лицо, он все советовал обратиться в Публичную библиотеку, где наверняка «есть всё». Нет ничего, чего не было бы в Публичной библиотеке, полагал Абрам Исакыч. Вскоре он умер. Я вспоминаю его иногда с печалью и жалостью и с легким стыдом, но это другая история...

...А может, ему просто хотелось поскорее меня выставить из своей длинной-предлинной комнаты, где вместо стен были книжные шкафы из мореного дуба, а вместо потолка какой-то заштукатуренный салат, из чьей середины росла вниз головой хрустальная люстра – потому что на бордовую бархатную скатерть стоящего посередине длинного-предлинного стола (от самой двери и до самого окна, как и все почти столы в нашей коммунальной квартире) уже была выставлена красного дерева пирамидка, из ступенек которой росли столбики разноцветных пластмассовых фишек: скоро должны были прийти друзья Абрама Исакыча, все директора универмагов, как и он. Вообще-то, они писали пулю по-крупному, но баловались и покерком имени Джона Уэйна под армянский КВВК-коньячок имени Уинстона Черчилля.

3.

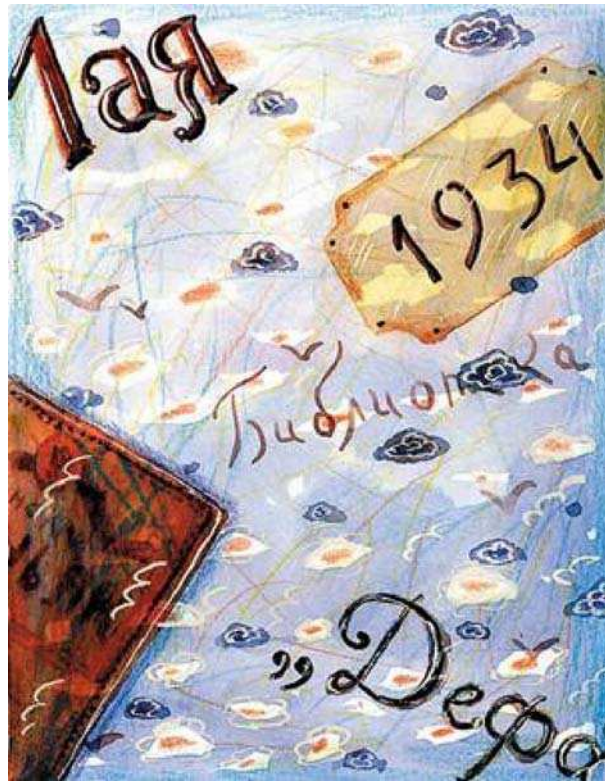
...Точно, теперь я вспоминаю точно: был как раз май месяц 1972 года, когда я в первый (и последний) раз переступил порог большого темного здания на набережной великой русской реки Фонтанки, неподалеку от Фонтанного дома. Естественно, это была не сама Публичная библиотека, а ее детский отдел – туда только я и мог тогда записаться, будучи, напоминаю, пионером и школьником в форменном мышинном пиджачке и того же оттенка двухмешковых штанах. Любезная библиотекарша не менее часа рылась в каталоге и все не могла поверить своим устало растопыренным веснушчатым очам: и она была уверена, что в Публичной библиотеке есть всё, и уж по крайней мере Карл Май, про которого она тоже когда-то что-то слыхала («что-то про индейцев, да, солнышко?»). Сокрушенно вздыхая и влажно сверкая в полуденном полумраке молочным лицом и млечным вырезом, она наконец вылезла из-за стойки, со скрипом одернула на круглых боках суконную юбку, цветом и фактурой напоминавшую материал моей школьной формы, и, как милая гусочка, пошла-пошла-пошла к гигантскому темному шкафу (точно такими была обставлена и комната Абрама Исакыча) с энциклопедиями и справочниками – перекачиваясь и изнутри себя подвигивая капроновыми чулками один об другой. Дважды клацнул замок, библиотекарша («солнышко, не библиотекарь, а библиограф!») пошуршала и потрещала и прочла мне вслух, кивая гладкой хвостатой головой и наморщенным треугольным лбом – как бы удивляясь на мою и свою глупость:

«Май – типичный выразитель настроений и идеологии той части немецкого бюргерства, которая, находясь под сильным влиянием католической партии центра, всемерно поддерживала политику широкой экономической и колониальной экспансии. В соответствии с этим у мелкой и средней буржуазии возникает потребность в произведениях,

восхваляющих силу и непобедимость немецкой “нации”. Эту назревшую потребность и сумел удовлетворить Май – бывший учитель, мелкий воришка и мошенник, неоднократно привлекавшийся к суду за преступные проделки. На протяжении 40 тт. его романов, изображающих подвиги “белого” немца во всех частях света, совершаются убийства, причем убитые главным образом – “цветные” туземцы. Бульварные произведения М. оказались как нельзя более по вкусу “широкой” немецкой мещанской аудитории 80–90-х годов, когда германская буржуазия впервые вступала на путь широкой колониальной экспансии».

Закрывает с глухим стуком и желтоватым – в луче из окна – облаком «Литературную энциклопедию» 1934 года издания и посмотрела на меня окончательно-укоризненно, как бы без слов говоря, что умный еврейский ребенок в криво сползающих с носа очках и пионерском галстуке, высосанном с обоих концов до розовой прозрачности, мог бы и сам сообразить, что такому «типичному выразителю настроений и идеологии немецкого бюргерства», да еще и «в части, находящейся под влиянием католической партии центра», в советской библиотеке, тем более детской, делать совершенно нечего. Даже и в каталоге. Да и мне, похоже, тоже. Подобным же бесконечно-укоризненным взором одарила меня через несколько лет Белла Израилевна, когда я сдуру попросил у нее одиннадцатый за 1962 год номер «Нового мира». Белла Израилевна вздохнула, переделала все свои дела (я пока посидел, полистал только что вышедшего синего Мандельштама, полученного благодаря ее особым отношениям с библиоколлектором), а потом, вздыхая и шаркая, повела меня в журнальную кладовку нашей (точнее, своей) знаменитой на весь город (см. «особые отношения с коллектором») библиотеки. Долго копалась в шкафу с «Новым миром», бормотала: «Ничего не понимаю, черт знает что такое» и поинтересовалась наконец, что мне, собственно, там такое понадобилось. «Один день Ивана Денисовича», – невинно объяснил я, и Белла Израилевна, разозленная потерей времени, но не без облегчения (из подшивки «Нового мира» ничего не исчезло необъяснимо) захлопнула шкаф, повертела себе пальцем у фиолетово-седого крылатого виска и сказала, что такой умный подросток в криво сидящих очках и даже уже Юрия Трифонова читавший, мог бы и сам понимать, что номер давным-давно изъят. Не сомневаюсь, впрочем, что изъят он был к Белле Израилевне домой, вряд ли советская власть оказалось в данном случае расторопнее ее.

«Один день Ивана Денисовича» – оно бы и черт с ним. В конце концов, он был в почти каждой интеллигентской тумбочке, я его потом вообще дома нашел, на антресолях в пачке старых «Роман-газет», а вот путь к Карлу Маю советская власть мне перерезала со всей решительностью. Мандельштам – только налетай (если руки чистые), Пруст – пожалуйста, двадцатник сверху в подворотне на Литейном. Кафка – битте шон. Джойс – сколько влезет (несколько позже). Но только не Карл Май, он – нет. Так что попытки свои я после визита в Публичную библиотеку полностью оставил, но в каждом мае меня по двойной ассоциации начинали обуревать думы о Карле Мае. Печальные, конечно. Сначала в каждом мае, потом реже. Потом – перестали обуревать. Потом прекратились совсем.

4.

...Ровно через двадцать лет, в мае 1992 года, я неожиданно обнаружил себя сидящим в мансарде замка Солигюд под или, точнее говоря, над Штутгартом и читающим маевского «Виннету», извлеченного из небольшой, но скверно подобранной библиотеки этого замка, где я в качестве молодого драматурга «в засыпанных какою-то дрянью очках» поселился на полгода, которые занял в основном сочинением книги «Прогулки при полой луне», цитатой откуда и являются предпредыдущие кавычки. И чтением Карла Мая. Между прочим, «Виннету» был первой книгой на немецком языке, которую я прочитал полностью – с начала и до конца, и даже ничего особенно не пропуская.

Последнее оказалось не так просто. После первых же десяти страниц стало совершенно ясно: это не просто плохая книга. Это очень плохая книга, беспомощная и нелепая. Все было рассказано в «Литературной энциклопедии» 1934 года о Карле Мае – и про мелкую и среднюю буржуазию, и про преступные проделки, и про широкую колониальную экспансию. Вот только об одном позабыла она сообщить: Карл Май вообще был не в состоянии писать прозу. Никаких способностей к этому делу у него не наблюдалось. Но «Виннету» я все же дочитал. Из принципа. Хоть и подшептывал время от времени «О боги! За что мне это, такому нежному?» (заимствуясь, кажется, у шуйского поэта Бальмонта). Единственной более или менее любопытной вещью, которую в результате удалось из этого занятия выудить, было вполне праздное наблюдение, что «Виннету», судя по всему, является первым гомозротическим романом европейской бульварной литературы. Отношения между стариной Шаттерхэндом и зефирным апачским принцем (и его «заместительницей», сестричкой Ншо-Чи, которую, правда, приходится в конце концов умертвить, поскольку никто не знает, что с ней, собственно, делать) выглядели довольно-таки однозначно. Это меня развеселило: у Джеймса Фенимора Купера и капитана Майн Рида ничего такого не наблюдалось, не говоря уже о Лизелотте Вельскопф-Хенрих.

Свое наблюдение я за небольшие деньги продал одной русскоговорящей радиостанции, до того растерявшейся от своей недавней победы, что на некоторое время

(года на четыре, не больше) она вдруг стала отчасти соответствовать своему названию. И напрочь обо всем об этом позабыл, лет так на десять, – пока по немецким экранам не покати́лась со страшным успехом и шумом (12 млн зрителей!) «голубая пародия» на фильмы о Виннету, но не восточно-, а западногерманские, не с Гойко Митичем, а с неизвестным мне до этого душечкой-французом Пьером Брисом в заглавной роли. Называлась она так: «Ботинок Маниту». Мое маленькое открытие, как выяснилось, было известно всем и каждому. В России, говорят, «Ботинок» этот с треском провалился – что и неудивительно: как уже упоминалось, в кинотеатре «Молодежный» нам показывали ширококостного югослава Гойко, а не тонкого-звонкого мсье Пьера.

5.

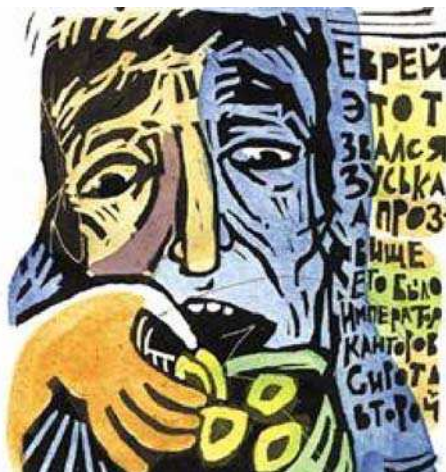
Прошло еще пятнадцать лет. И вот, в мае получаемого сложением года, я – так уж оно получилось и сложилось – снова сижу в мансарде замка Солитюд и заканчиваю написанием роман – не про Винне́ту, а про Винэ́ту, легендарный славянский город на Балтийском море, уничтоженный в XII веке датчанами, поляками и немцами. Академия замка Солитюд снова позвала своего старого стипендиата – русского писателя в поцарапанных кривоватых очечках и с италийской мшистой бородкой во всю щеку. Зефирные облака стоят в барочном небе. Замок на все стороны симметричен, как ад. И, как рай, прекрасен. Таково было желание вюртембергского герцога Карла Евгения. В библиотеке, не ставшей лучше, но почему-то не ставшей и больше, я случайно беру в руки – ну, понятное дело, ту же самую книгу, что пятнадцать лет назад брал в руки, – первый том Карла Мая, красный, как пионерский галстук, с маленькой лаковой картинкой в центре обложки. Мою первую немецкую книгу (прочитанную, а не опубликованную; первая опубликованная под названием «Leningrader Geschichten» – «Ленинградские рассказы» стоит тут же, в отдельном шкафчике с изданиями Академии). И оттуда выскальзывает пожелтевший блокнотный листок с кривой записью по-русски – моим почерком. Только одна фраза: «О боги! Оказывается, некоторые книги бывают так плохи, что становятся уже даже хороши!» – вероятно, заготовка для радиопередачи. Тогда, в 1992 году, я еще не знал, что такие книги называются «культовыми» и что с каждым годом их становится все больше и больше. Скоро уже никаких других производиться не будет.

И тут я внезапно понимаю, что почему-то все же радуюсь: вот как, оказывается! моя первая немецкая книга (прочитанная) была все же хорошая! Просто я смотрел на нее под неправильным углом. Сквозь наклонное окно мансарды я улыбаюсь в барочное небо с зефирными облаками на нем и знаю: теперь в каждом мае я буду снова думать о Карле Мае, бывшем учителе, мелком воришке и мошеннике, неоднократно привлекавшемся к суду за преступные проделки. И в барочном небе будут вечно сиять зефирные облака. И на площади на брусчатой на скамью у автобусной остановки устало опустится краснорожий Джон Уэйн, блаженно распустит по коленям живот в клетчатой рубахе под кожаным жилетом, расслабит узел шейного платка с обкусанными концами и скажет кому-то слева за кадром: «Дайте этому краснокожему стакан виски, и пусть возвращается в свою резервацию». И толстый индеец с черной липкой косой из-под клеенчатой шляпы поднимется с корточек, хитроумно сложит короткие пальцы в железных и медных кольцах у рта и отчаянно закричит коростелем в нежно лиловеющие дали дичающих на глазах вюртембергских аллей.

БЕДНЯКИ ВОКРУГ ПЕЧКИ

בְּעֵי אֲדָמָה

С каждым днем ветер дул все холоднее, а снег шел все чаще, и все больше оборванных евреев приходило в Немой миньян погреться у печки. Когда такой гость входил и Эльокум Пап замечал его из угла, где занимался резьбой, он вставал и стоял, похожий на тощее огородное пугало, с которого ветер сорвал тряпки и которое больше не пугает слетевшихся черных птиц. Эльокум Пап узнавал в пришедших евреях с глиняными физиономиями и жидкими соломенными бородками городских водоносов. Один из них, низенький, подволакивал ногу и раскачивался при ходьбе, словно нес два полных ведра. Другой, с перекошенной физиономией и длиннющими ногами, ходил как на ходулях. Третий, с беззубым ртом, все время придурковато улыбался. Водоносы были обуты в большие тяжелые башмаки и подпоясаны веревками. Из их пальто торчали куски ватной подкладки, а за пазухой они носили все свое имущество: черствый хлеб, жестяные кружки для кипятка, грязные тряпки.

Заходили и чтецы псалмов, бороды которых сваялись в колтуны, а глаза свидетельствовали о постоянном недосыпании, вызванном тем, что они целыми ночами сидели рядом с покойниками. Они носили зимние шапки с опущенными ушами, похожими на большие уши лесных зверей. «Тут не хватает только могильщика», – пробормотал Эльокум Пап, и словно нечистая сила его подслушала: появился могильщик с трясущейся от старости головой и дрожащими руками. Но хотя он больше не мог копать могил, он мог еще пить водку и балагурить. К собранию присоединился и лавочник-сиделец в плоской шапке с помятым козырьком. Стоя у печи, он беспрерывно смеялся и махал руками, чтобы показать, как у него радостно на душе, хотя все знали, что гуртовщики больше не доверяют ему ни гроша.

Подошли и такие евреи, в присутствии которых Эльокум Пап не усматривал оскорбления для миньяна, но тоже не из лучших. Какой-то маленький еврейчик в больших валенках, с маленькой бородкой и добренькими глазками, останавливался у каждого пюпитра, за которым изучающий Тору раскачивался над священной книгой, и задавал один и тот же вопрос:

– Доброе утро вам, ребе. Я не хочу вас отрывать от изучения Торы. Я бы хотел только узнать закон: годовщина смерти считается по дню кончины или по дню погребения?

Другой еврей, высокий, со светлым лицом и серебристой бородой, страшно стучал башмаками. Он ходил по молельне от попитра к попитру и искал свои очки, которые задвинул высоко на лоб. Когда-то этот обыватель крутил большие дела, курил сигары и давал самые щедрые пожертвования. Однако в последнее время он выжил из ума, и дети не раз приходили искать его на Синагогальном дворе, потому что он забывал дорогу домой и мог заблудиться.

– Добро пожаловать! Только его здесь не хватало! – проворчал Эльюкум Пап, увидев входящего еврея лет за пятьдесят, с наглыми глазами потрепанного бонвивана. Еврей это звался Зуська, а прозвище его было «Император канторов, Сирота[1] Второй». Прежде он сживал в других синагогах и рассказывал изучавшим там Тору, что он был в Лондоне кантором в самой большой синагоге. Внезапно он потерял голос и потому вернулся домой. И пусть не жалуются на него те тысячи евреев, которые его знали и слушали. Но Эльюкум Пап слышал, как говорили, что эта знаменитость была за границей певцом в забегаловке, шутом и картежником. Ему взбрело в голову съездить в Польшу, а теперь его не пускают назад, потому что у него нет тамошнего паспорта. Он рассказывает, что живет за счет своих капиталов, лежащих в заморских банках. Но Эльюкум Пап слышал, что и это вранье. Этого Зуську материально поддерживает родственница, засидевшаяся в девицах. Да Эльюкум Пап и сам однажды подглядел, как этот якобы всемирно известный кантор глотал из бумажного кулька сахарное печенье с замороженной сметаной сверху, омен-таши[2] и куски халвы. Собравшимся вокруг печки он не дал ни кусочка, даже, как сказано, размером с оливку. Кто-то из этой банды нашептал столяру, что Зуська тратит на сладости все деньги, которые посылает ему родственница, а потом ходит голодный. «Так, значит, для него и для других побирушек я разукрасил священный ковчег резьбой?» – спросил себя столяр.

Вержбеловский аскет, реб Довид-Арон, дожил-таки до сладкой мести. Его лицо даже сморщилось и покрылось множеством морщинок от скрытого злорадства, хотя говорил он деликатно:

– Я же просил у вас, реб Эльюкум, милосердия, чтобы вы не ремонтировали и не украшали Немой миньян. Тогда бы сюда не совались все эти неучи с улицы и с Синагогального двора.

Но резчик вылупил на него пару злых глазищ и пробурчал:

– Блюдолиз! Вы мне тоже приелись, как горькая луковица.

Элюкум Пап направился за биму и подумал, что если у восточной стены и вокруг священного ковчега с резьбой еще полдень, то у западной стены и у печки уже полночь, такой мрак несет с собой эта компания побирушек. Когда Эльюкум Пап подошел, Зуська был посреди рассказа о своих свершениях в Нью-Йорке, где он пел в опере.

– Минуту назад вы сказали, что в Америке вы были императором канторов, вторым после Сироты. Теперь вы рассказываете сказки о том, как пели в опере, – прервал его могильщик, у которого тряслась голова и подрагивали руки.

– Вот вы и похоронных дел мастер, и помощник синагогального служки, а на праздник Кушей вы еще носите по синагоге цитрон и лулав[3] для благословения. Но женщины больше не хотят их брать из ваших рук, потому что вы возитесь с мертвецами. А вот в Америке любят, чтобы кантор еще и пел в опере, – ответил Зуська, и собравшиеся вокруг печки развеселились, начали смеяться и пихать друг друга локтями.

Столяру показалось, что печка падает на него. Молельня крутилась у него перед глазами. Он принялся ругаться и проклинать:

– Злой год на вас всех! Тут вам не шинок и не ночлежка, тут святое место. Посмотрите, сколько снега и грязи вы нанесли. Вы же весь пол загадили! – Эльокум Пап бил себя кулаком в грудь. – Я здесь хозяин! Я здесь староста! Я отремонтировал и украсил Немой миньян. Прочь отсюда, голодранцы!

На минуту нищие растерялись и замолчали. Но вскоре пришли в себя, и каждый принялся оправдываться: даже в синагоге Виленского гаона и в Старой синагоге греются у печки. Так почему же этого не должно быть в Немом миньяне? Молельня – это не Содом, куда чужакам входа не было. Пусть столяр-недотепа снимет со священного ковчега своих деревянных зверюшек и продаст их в магазины, торгующие детскими игрушками. Жаль дерева, которое он переводит, строгая свои цацки. В печи от этого дерева было бы больше пользы. Он староста? Нет, он собака! И лавочник-сиделец рассмеялся ему в лицо:

– Я имел дело и с большими командирами. Ты кто такой, маршал Юзеф Пилсудский?

– Со мной ты не повоюешь, – крикнул ему могильщик. – Я людей получше тебя хоронил, и назад они не выкарабкивались.

– Может быть, ты меня ударишь? – пропихивался к нему старый попрошайка. – Гвалд, еврей, карау-ул!

Эльокум Пап начал отступать назад, пока не натолкнулся на попитр ширвинтского меламеда реб Тевеле Агреса, который был весь погружен в священную книгу, но вдруг ожил и успел поймать падающий попитр. Столяр выглядел так, словно спасся из болота, где на него напали черти, или убежал с чердака, где его исцарапали одичавшие кошки.

– Не топите больше печку, реб Тевеле! Слышите, реб Тевеле? Надо запереть дрова до тех пор, пока мы не избавимся от этой банды проходимцев вокруг печки.

Но реб Тевеле Агрес так не считал:

– Молельня – это не хоральная синагога и не церковь, не рядом будь упомянута. Молельня служит и для того, чтобы бедняки могли погреться. А если не будут топить, то я

тоже буду мерзнуть. Все ученые, изучающие Тору, будут мерзнуть, – рассердился старый меламед.

«Сплошные напасти!» – подумал Эльюкум, отходя и от реб Тевеле Агреса. Матля проклинает его за то, что она и их дочери голодают и мерзнут, так как он не хочет работать и зарабатывать, а возводит себе надгробие при жизни, чтобы этот Немой миньян назывался молельней Эльюкума Папа. «Да разве нужна мне такая молельня, носящая мое имя?» – И столяр посмотрел на сделанные им резные украшения над священным ковчегом, словно прощаясь с ними.

Не только столяр, но и изучающие в молельне Тору и даже беднейшие из обывателей избегали веселой компании, собиравшейся вокруг печки. Один реб Тевеле Агрес вел себя с этими людьми по-свойски и даже предлагал им покупать у него лотерейные билеты. Изучающие Тору буквально остолбенели и онемели, обыватели не верили собственным глазам. Никто не знал раньше, что старый ширвинтский меламед приторговывает лотерейными билетами. Реб Тевеле Агрес жил у детей и не нуждался в деньгах. Но торговля лотерейными билетами была его тайной страстью. Он ждал, что на его номер выпадет большой выигрыш так же, как ждал, что именитые евреи Вильны еще придут к нему и признают его правоту в старом споре с меламедами реформированного хедера. Изучающим Тору и другим завсегдатаям Немого миньяна он лотерейных билетов никогда не предлагал – он считал их неудачниками, нищими. Но Зуська, этот Император канторов, Сирота Второй, заверил его, что у него есть капиталы в заморских банках. И реб Тевеле вообразил, что каждый из этой компании имеет что-то в заглазнике, как поговаривают на Синагогальном дворе о многих попрошайках, выклянчивающих подаяние и у живых, и у мертвых.

– Это не одурачивание, это не обман, – размахивал старик пачкой лотерейных билетов.

Евреи щупали эти бумажки, пытались прочесть, что там написано, и сразу же прятали руки за спину, чтобы согреть их о печку. Кто со вздохом, а кто и со смешком – все ответили одно и то же: на такую роскошь у них денег не хватит. Только один из них, всемирно известный кантор Зуська, пообещал купить лотерейный билет, как только получит процент со своих капиталов в иностранных банках. Пока там что-то застряло.

Реб Тевеле Агрес затопал назад к своему пюпитру, обиженный и огорченный. Без покупателя лотерейных билетов он чувствовал себя, как меламед без указки, или как в бане в пятницу днем, когда вокруг нет никого, кто мог бы попарить ему спину веником. Тут к нему подсел гадатель Борух-Лейб и принялся набожно, словно молясь, внушать: эти нищие вокруг печки – сборище насмешников. Они не учат Тору сами и своей болтовней и громким смехом не дают учить другим. Если им сказать слово поучения, они лезут драться. Единственный из ученых молельни, кого они уважают, это он, реб Тевеле. Так почему бы ему не учить с этими евреями каждый день по главе из книги «Источник Яакова», закон из Кицур Шульхан арух, вместо того чтобы уговаривать их купить лотерейные билеты?

– Тоже мне мудрец из притчи о четырех сыновьях! С лотерейного билета я ведь получаю процент, а если покупатель выигрывает, я получаю свою долю от выигрыша. Это не одурачивание, это не обман. А кто мне заплатит за изучение Торы с этими бездельниками? – бушевал реб Тевеле.

Но тем не менее слова хироманта ему понравились, потому что уже через минуту он стоял у печки и кричал нищим хриплым голосом:

– Бездельники! Если бы не я, вас бы уже выгнали отсюда на мороз. Чтобы вы не устраивали тут сборище насмешников, я между предвечерней и вечерней молитвами буду учить вас за столом. Вам это копейки не будет стоить. Может быть, вы откажетесь?

Только всемирно известный кантор Сирота Второй имел наглость отказаться. Голова у него для этого не годится, утверждал Зуська. Вместе с бедняками, собиравшимися вокруг печки, за столом сидели и все остальные завсегдатаи Немого миньяна. Самым прилежным из учеников реб Тевеле оказался тот маленький еврейчик в больших валенках, что обходил изучающих Тору и спрашивал их всех, как, согласно Закону, отсчитывается годовщина смерти – по дню кончины или по дню похорон? За столом он тоже задавал вопросы, но реб Тевеле рассердился на него: просто докучливый неуч! Реб Тевеле оглядывался – не идет ли его прежний ученик Элиёу-Алтер Клойнимус.

– Нет Алтерки? Нет? Все, что ему надо, – это лишь бы я подумал, что он вернулся к вере. Давайте учиться! – кричал реб Тевеле, и его слушатели за столом удивлялись: чтобы старик, которому скоро девяносто, мог издавать такой львиный рык? Не сглазить бы. Главное, чтобы это ему не повредило.

Перевод с идиша Велвля Чернина

В серии «Проза еврейской жизни» издательство «Книжники» в ближайшее время готовит к выпуску первое русское издание «Немого миньяна» Хаима Граде.

[1] Имеется в виду всемирно известный кантор Гершон Сирота (1874–1943).

[2] Треугольные печенья, выпекаемые обычно на праздник Пурим.

[3] Атрибуты осеннего праздника Суккот (Кущи): цитрон (этрог) и соединенные вместе ветви пальмы, мирта и ивы (лулав).

ПУТТЕРМЕССЕР И МОСКОВСКАЯ РОДСТВЕННИЦА

לַיְיִ ׁוֹיִ יִצְעֵ

1. История

Повсюду это было время крушения. Могучие рушились один за другим. В Канаде, на краю леса два древних дуба (молодые деревца, когда Цезарь переходил Рубикон, – сказал диктор в Оттаве) повалились, опаленные с макушки до корня яростью молнии. В ближних городах несколько дней стоял запах обугленной коры и испепеленных листьев и тревожил ноздри нервных собак. В Нью-Йорке пара знаменитых редакторов, грозных и могущественных, как императоры, пала в просвертке гильотинного ножа; за ночь их имена канули в небытие. Правители молодые, правили безраздельно; старые, устарелые сдулись, были сброшены и забыты, и кто говорил о былой их славе, говорил о дыме.

На другой, дальней щеке Земли, за припятскими болотами, за Днепром и Волгой, в сердцевине Москвы, где стены холодных подвалов Лубянки проросли пустулами кровавой плесени, палаческими лишаями, трескался, рассыпался коммунизм. Советский Союз доживал свой век, чах, хирел, спотыкался, задыхался, угасал – хотя кто в девятом десятилетии XX века мог подумать о его смерти?

Но были знаки: в трещины просачивался фашизм. На Красной площади издевательски шествовали шеренги чернорубашечников. Шпана врывалась в Союз писателей, выкрикивая оскорбления евреям. Ископаемые казаки, царские погромщики, вспоминали себя, оживлялись!

Рут Путтермессер, седая, на седьмом десятке, пенсионерка, незамужняя, с причудами одинокой женщины, не предчувствовала кончины Советов; но в распад верила. Кожа на внутреннем сгибе ее локтей сползала складками, под подбородком висела, как кисет, мешки под глазами опустились, и офтальмолог, когда хотел расширить ей зрачки,

вынужден был приподнимать ее веки осторожными пальцами. Все обвисло, упругость исчезла. Время повернуло Путтермессер на своем страшном шарнире.

Теперь она была стара, как ее давно умерший отец: отец, который бежал из жестокой царской России, оставив там родителей, сестер, братьев, московских родственников, ей известных только по рассказам, теток, двоюродных, дядю-школьника, утонувших в большевистском безмолвии, ссохшихся до своих архаических имен и хрупких фотокарточек в картонных рамках. Московская бабка Путтермессер – пятнистая коричневая смутность в ящике комода: морщинистый татарский лоб, запавший беззубый рот, сломленная старуха, бесплотная, как легенда. «Больше не пишите, – попросила бабка в 30-х годах. – Зрение отказало. Я старая и слепая. Читать не могу». Это было последнее письмо из Москвы; оно лежало под старыми русскими фотографиями в конверте, облепленном грубо напечатанными марками. На всех марках был один и тот же профиль с изрядными усами. Сталин. Путтермессер знала, что поэт Осип Мандельштам сравнил его усы с тараканьими; после чего Сталин приказал его убить. Убили Бабея после месяцев пыток и имитации суда. Убили Михоэлса, актера еврейского театра. В августе 1952 года за одну ночь убили всех поэтов, писавших на идише. Расстреляли в подвалах Лубянки.

И между Москвой и Нью-Йорком – постоянный немой страх. Что скрывалось за просьбой бабушки, было ясно. Не пишите! Мы боимся писем из Америки. Нас сочтут шпионами, вы подвергаете нас опасности. Не напоминайте о себе! Среди своих детей старуха славилась острым зрением: она за сто шагов могла разглядеть настороженные ушки белочки на высоком дереве. Отец Путтермессер унаследовал ее глаза. Светлые, голубые, как вода, в которую капнули чернил. Бедный, осиротевший папа, смолоду и навсегда отрезанный от родни: от маленького брата Велвла, десятилетнего, на карточке наголо стриженного по русскому обычаю тех лет, в школьном мундирчике со стоячим воротником и пунктиром металлических пуговиц на детской груди. Семья раскололась семьдесят лет назад: первая мировая война, революция, сталинские зверства, вторая мировая война, холодная война – вот какой клин между ними. Папа Путтермессер, старик, умиравший в параличе, тосковал по матери, по Велвлу, по сестрам – Фане, Соне, Рейзл, по братьям Аарону и Мордехаю. Один в Америке без родных. Так и не услышал больше высокого, возбужденного отцовского голоса. Континенты и моря пролегли меж Москвой и Нью-Йорком – и тишина, такая глухая, что за тридцать лет, прошедших после смерти отца, Путтермессер почти забыла о том, что у нее в России родственники. Они были далеки во всех смыслах. Она никогда о них не думала.

2. Анекдот из Москвы

В середине неустойчивого периода, известного как перестройка, когда во мгле, окутывавшей Советский Союз, мир стал замечать мерцание каких-то странных дел, Путтермессер позвонили из Москвы. Полвека без единой буквы, слога, вздоха, и вдруг, как гром среди ясного неба, из пустоты, как будто из пучин времени, звонит телефон (прозаически, не волшебным) – в обычной нью-йоркской квартире на Восточных Семидесятих улицах – Москва! Запретная, запертая, угрюмая Москва. Потусторонняя Москва! Женщина с одышкой, высоким голосом, возбужденно говорит по-немецки, и Путтермессер понимает ее по большей части: как-никак читала в колледже «Марию Стюарт» Шиллера. И Гете – «Германа и Доротею». Перепуганный электрический голос принадлежит Жене, дочери покойной Сони – Сони, младшей сестры папы Путтермессер. Женя – двоюродная сестра Путтермессер! Дрожащим голосом, словно даль состоит из вибрирующих частиц, Женя объясняет, что не владеет английским, а Путтермессер, наверное, не знает русского и что она, Женя, хотя теперь пенсионерка, преподавала немецкий, но, ах, опасность нельзя назвать, о ней можно догадаться! «Rette mein Kind!»^[1] – стонет Женя, и сквозь помехи московских всхлипываний Путтермессер слышит крик папиной крови из-под земли.

И договорено: Путтермессер предстоит спасти Жениного ребенка. Ей казалось, она поняла – от чего. Старая тма расплзлась по расшатанному Союзу, кто угадает, какие злобные духи вековечной ненависти готовы проснуться? В глаза ей бросаются некоторые газетные заметки. В Киеве молодые люди проходили под окном, откуда лились страстные звуки скрипки; они ворвались в квартиру музыканта и избили его до бесчувствия. В Москве умных абитуриентов не пускают в университет из-за неумолимой квоты. Школьников обзывали жидами и разбили им в кровь носы.

И в Нью-Йорке, во время этой самой гласности, перестройки Путтермессер слышит анекдот, привезенный из Москвы. «Прошел слух, что в магазин завезут мясо, и перед дверью выстроилась длинная очередь. Через четыре часа выходит заведующий и обращается к толпе: “Мясо еще не привезли, но на всех все равно не хватит, так что евреи могут идти”. Проходит еще четыре часа, и опять заведующий: “Пока не привезли, но на всех не хватит, так что недовольные властью пусть уходят”. Еще четыре часа, и наконец он объявляет: “Извините, товарищи, мяса не будет. Все идите домой”. И в толпе раздается стон: “Ну, конечно! Евреи всегда в выигрыше!”»

Каким же эхом отозвался в ее душе этот ядовитый анекдот, его злые истины! Как переживала Путтермессер за ребенка Жени! На несколько месяцев Путтермессер засела за писание писем. Она писала в Государственный департамент, писала своему члену Конгресса, женщине, писала обоим своим сенаторам, писала в HIAS и NYANA^[2]. Она ходила по учреждениям, консультировалась с бюрократами, заполняла анкеты и заявления. Она почистила чулан, купила простыни и подушки, отодвинула стулья, передвинула книжные полки – освободила место для нового раскладного дивана. Она прислушивалась в метро к русским согласным – однажды схватила за руку изумленного пассажира и попросила рассказать историю его жизни; но он оказался поляком. Она всюду спрашивала совета, звонила незнакомым людям; ее предупреждали о черствости чиновников, о том, какие рогатки ставят эмигрантам. Каждый день она хлопотала о спасении беженки; а ночью, когда лежала опустошенная, без сна, ей казалось, что она может по желанию выхватить любой образ из прошлого – как прожектор на затемненной сцене.

В этом сухом произвольном луче она видела папу – одетый, он лежал на кровати поверх покрывала, заложив руки за голову, растопырив локти. Он совсем не разговаривал, светлые глаза смотрели в пустоту. Он не мигал. Было три часа и очень светло; по комнате

металась большая муха, стучалась о стекло, о стены, о высокое зеркало комода. Во второй половине дня папа Путтермессер лег на кровать в трауре. Умерла его мать, московская бабушка Путтермессер, известная только по хрупкому коричневому снимку в ящике. Столько их умерло: папа Путтермессер, на удивление татарская мать папы; его робкий, ученый отец, тоже сократившийся до поломанной русской фотографии (лицо больного человека, хмурое); все утраченные тетки и дяди, москвичи, военные страдальцы; Велвл в школьном мундирчике, круглоглазый, светлоглазый, как папа. Далекое, угнетенные, затмившиеся. Разбросаны по кладбищам. Папа и мама Путтермессер – на Стейтен-Айленде, а где остальные, как представить себе московские кладбища?

Беженка прибыла в час ночи, в середине октября, через десять месяцев после Жениного вопля «Rette mein Kind!» Был ночной ветер с холодным всхлестом в хвосте. Путтермессер стояла на пустой улице перед своим домом и ждала такси из аэропорта Кеннеди. Настороженно трогала кошелек в кармане кофты.

Шофер, не дожидаясь просьбы, перенес чемоданы беженки – числом полдюжины – в лифт.

– Сколько? – спросила Путтермессер.

– Ничего. Все оплачено.

– Но у нее нет долларов.

– Она мне вот что дала. Лучше всяких долларов, – сказал шофер и вынул круглый пластмассовый предмет. Под стеклышком лицо Ленина на фоне Кремля с двумя красными звездами в серебристом небе.

– Всего-навсего часы? Дешевые кварцевые часы.

– Вы что? Они же с Марса, где еще вы увидите такую вещь?

Путтермессер не могла не согласиться. Шофер был прав, часы были трофеем. И на Манхэттен вернулся бартер.

3. Советская марсианка

Ее звали Лидия. Она летела из Москвы «Аэрофлотом» через Будапешт в Прагу. В Праге пересела на «Бритиш Эйруэйс» и после двухчасовой дозаправки в Ирландии и посадки в Вашингтоне приземлилась в Нью-Йорке – билет ее был каталогом аэропортов. Виза – увенчанием выдумок: она убедила американского консула в Москве, что непременно вернется – на родине остаются ее муж и двое детей. Муж – Сергей, дети – Юлия и Володя. Но мужа у нее не было, все это было вымышленное. На самом деле Володя был ее любовником. Консул, сообщила она, противный человек. Он смотрел на нее как на противного червя. Он думал, что всякий, кто подал на визу, пытается его надуть; он подозревал, что все в Москве намерены любыми правдами и неправдами пролезть в священные ворота Америки и скрыться за ними навсегда.

– Ты сказала ему, что у тебя дети? – изумилась Путтермессер. – Тебе не надо было так говорить.

– Я хотела, чтобы он дал визу.

– Когда виза кончится, мы получим тебе вид на жительство. Я над этим работала. Если понадобится, найдем юриста по иммиграционным делам. – В Путтермессер с новой силой вспыхнул энтузиазм спасателя. – Мы попросим политического убежища.

Спаси моего ребенка! Но это был уже не голос Жени; это был голос папы Путтермессер, тоскующий по остаткам потерянного. О горькой их судьбе – большевистские перевороты, немецкая осада Москвы, голод, дело врачей, террор. Спаси моего ребенка!

– Я найду работу, – сказала беженка. – Буду убираться у женщин.

Путтермессер засомневалась.

– А Женя хотела бы, чтобы ты занималась такой работой?

– Мама? Ха! Мало ли чего хочет мама!

Смех беженки обжег Путтермессер; ее встревожила эта вспышка цинизма. Московская родственница стояла посреди ее маленькой комнаты, ставшей еще уже и теснее из-за нового дивана и нагромождения чемоданов, узлов и коробок, перевязанных лохматыми русскими веревками. Ироничная красotka тридцати трех лет, принесшая с собой клочья чужеземного воздуха – или если не воздуха, то какой-то не имеющей названия внеземной среды. Марсианка. Она оглядывалась вокруг оценивающе и безжалостно; подмечала все. Путтермессер чувствовала, что и ее саму проверяют и анализируют эти быстрые насмешливые глаза цвета кока-колы и тонкий фарфоровый нос с маленькими трепетными ноздрями. Длинноватый нос какой-нибудь месопотамской царевны.

Звали ее Лидия Гиршенгорн. Она была опытным биохимиком – eine Sportsdoctorin[3], сказала Женя, но, насколько поняла потом Путтермессер, это означало что-то вроде лаборантки. Лидия разъезжала по всему Союзу с командой, «моими ребятами», как она их называла, – рослыми, грубыми парнями из простых, малограмотными и необузданными. С легкоатлетической командой областного уровня, пробивающейся на международную арену, а пока что занятой во внутренних соревнованиях. Лидия ежедневно проверяла их мочу на наличие запрещенных стероидов... или же – Путтермессер предположила (она читала о том, как советские держат на допингах своих спортсменов), что

работа Лидии – должным образом их накачивать. Лидия избегала пить с ними, но возилась и шутила и любила поездки в далекие города – Тбилиси, Харьков, Владивосток, Самарканд; особенно ей нравилось на Кавказе, где в гостиницах есть что-то европейское. Она была на удивление современной. Помада у нее была ярко-красная, волосы ярко-рыжие, коротко остриженные на висках и прядью спадавшие на бровь. Она носила черные лосины и свитер с высоким воротом, достававший до бедер. Одетых так девиц Путтермессер часто видела в обеденный перерыв на Лексингтон-авеню около «Блумингдейла»^[4] и удивлялась про себя, насколько нормально выглядит ее молодая родственница: неужели ее не пеленали на доске, как всех младенцев в отсталой России? Только туфли на ней были несомненно иностранные. От них разило советской фабрикой.

4. Большая выставка

Утром Путтермессер подала свой обычный завтрак: тост и арахисовую пасту. Лидия с подозрением намазала тост желто-коричневой массой и скорчила гримасу.

- Как это называется?
- Ты никогда не пробовала арахисовую пасту?
- Нет, – сказала Лидия, и Путтермессер повела ее в супермаркет.

Без четверти девять там было почти пусто.

- Бери все, что тебе приглянулось, – предложила Путтермессер.

Но Лидия, явно в трансе, глядела на ряды холодильников с заиндеветыми стеклянными дверьми, за которыми лежали горки шпината и брокколи, а в соблазнительно пухлых пакетах – стручковая фасоль, горох, перцы. С трепещущими ноздрями она шла мимо красочных коробок с хлопьями, блестящих рядов банок с оливками, пикулями, горчицами, мимо ягодных и дынных садов. Когда Путтермессер протянула руку к упаковке сыра, Лидия свистящим шепотом произнесла:

- Нет! Нельзя брать!
- Почему? Это «ярлсберг», он тебе может понравиться.
- Они увидят!
- Г-споди, за нами никто не следит, мы пришли за покупками, ты что, не понимаешь?

Как выяснилось, Лидия Гиршенгорн решила, что это выставка. В Москве, объяснила она, тоже бывают такие изумительные ярмарки и выставки в больших помещениях, где демонстрируется раблезианское изобилие снеди – в основном иностранной и строго охраняемой. Сотни людей приходят смотреть и изумляться. За кражу даже пустяка можно угодить в тюрьму.

У беженки были и другие ложные представления. Она думала, что телефон прослушивается: где-то непременно дежурит специальный «слухач». Она была не знакома с полиэстером и удивлялась тому, что простыни никто не гладит. Она полагала, что всякое дело должно сопровождаться «подарком». Из ее коробок и чемоданов, как из рога изобилия,

вываливались платки, шарфы, пестрые тряпицы всех размеров, лакированные красно-черные ложки и ложечки, вручную вырезанные из дерева и украшенные цветами, некрасивые, но искусно отлитые из пластмассы уточки и коровки и пустотелые яйцеобразные куклы без рук и ног: в каждой помещалась кукла поменьше, в этой – еще поменьше, и так до самой маленькой, дюймовочки. У каждой на щеках были красные кружки румянца, а на голове – косынка. Путтермессер была очарована их веселыми деревянными лицами, исходившим от них ароматом старых волшебных сказок: заснеженные леса, серебристый птичий щебет, душистые стога, мрачные прихоти Бабы-яги в глухой избушке.

Но Лидия сразу дала своим тюкам коммерческое название: русское народное искусство, сказала она с коммивояжерским задором в голосе.

Голос у нее был глубокий и с хитрецей, почти мужской. Путтермессер снова ощутила, что этот голос прочитывает ее, прощелкивает, как на счетах. Лидия, следя за тем, как Путтермессер наблюдает за ее распаковкой, подняла раскрашенную яйцевидную куколку.

– Нравится? – спросила она. – Возьми.

И подала пустотелую куклу со всем выводком. Деловой жест. В некотором роде плата.

На уме у Лидии было дело.

– Я уже говорила: хочу убираться у женщин, – объяснила она.

– Но ты можешь найти занятие получше. В лаборатории... Такое, чтобы могло стать постоянной работой...

– Ну, прямо как мама! – Лидия рассмеялась.

Она вынула папку с фотографиями – многие с обломанными уголками, хрупкие. Их прислала Женя – показать двоюродной сестре. Тут была и она сама, Женя, печальная, под летним солнцем, с черной тенью под носом и нижней губой. Расплывшаяся пожилая женщина в цветастом платье с большим воротником. Плоское лицо, монголоидные глаза. Невыразительный рот крепко сжат – щель. Нельзя представить себе, какие мысли, какие желания за этим ртом. Двоюродная сестра, родная папина племянница! Но женщину на снимке как будто разделяло с ними несколько поколений. Она выглядела старомодной. Выглядела... советской. Другие – папины братья и сестры, по которым он тосковал, покинутые – так не выглядели. Другие вызывали у Путтермессер горячее чувство – они были вечные. Она словно погружалась в папино сознание. Фаня, Соня, Рейзл, Аарон, Мордехай! И светлые глаза Велвла, его школьный мундир с металлическими пуговицами – та же самая карточка, которая была с ней всю жизнь. Сонин сын, сказала Лидия, служил на корабле в Великую Отечественную войну, ему был двадцать один год, когда их потопила немецкая торпеда. А что Велвл? Попал под московский трамвай в 1951 году. Детей не оставил, его вдова вышла за грузина. Счастливых историй не было на этих фото. Столько знакомых круглых светлых глаз. Сестры были рыжие; Велвл – совсем блондин.

Горько стало Путтермессер. Горько за горе отца.

5. Еще немного истории

Каждую весну, сказала Лидия, Женя ездила на могилу бабушки. Когда пришли большевики, у бабушки отобрали галантерейную лавочку. Лавочка была маленькая – одна комнатка, и ее конфисковали у классового врага советского народа. Зимой был повсюду голод, и бабушка в рваных башмаках покойного мужа стала торговать на улицах.

– Чем она торговала? – спросила Путтермессер.

Лидия пожала плечами. Она знала только, что торговать частным образом было незаконно; это называлось спекуляцией. Бабушка стояла в сумерках на улице и брэнчала копейками в кармане, чтобы привлечь последнего за день покупателя. Подошел человек в официальной фуражке с кокардой. Он схватил ее за руку, приковал к своей наручниками и потащил за собой по утоптанному снегу – но по дороге она оцупала свободной рукой карман с зашитой дыркой, разорвала нитки и в открывшуюся дырку высыпала одну за другой свои несколько копеек. Ее привели в страшный дом, весь в черном камне снаружи и потрескавшимся линолеумом внутри; там, на высокой скамье, сидел человек с синим в золоте воротником – должно быть, какой-то военный – и грозно смотрел на нее. «Спекулянтка! Капиталистка! Ты продавала вещи, я видел!» – закричал человек в фуражке. Военный на скамье потребовал, чтобы она предъявила выручку. Но карманы были пусты. «Дураком меня выставляешь?» – крикнул человек в фуражке. Он залепил бабушке пощечину и отпустил.

Лидия рассказывала эту историю равнодушно. Это был один из Жениных секретов, один из тех, что рассказывают шепотом у плиты; дело было давнее. Но Путтермессер пронзила жалость: вот что выпало на долю матери ее папы. Голодным привидением на восьмом десятке, в разбитых башмаках торговать на снегу. (Папа, отделенный от нее десятилетиями, океанами и континентами, ничего об этом не знал. Скорбя, он лег в постель среди бела дня. Большая муха рвалась на волю и билась в зеркало. Билась и билась. Пути на волю не было.)

6. Собеседования

На всякий пожарный случай Лидия привезла с собой русско-английский словарь. И никогда в него не заглядывала. Казалось, она все понимает и на своем отрывочном английском может почти все объяснить. Этим куцым фразам она научилась на вечерних курсах, но бросила курсы через пять недель – помимо разъездов с командой в Москве морозными зимними вечерами находилось множество куда более интересных занятий. Пойти, например, к кому-нибудь в гости и согреться чем-нибудь крепким. Или на вечеринку к незнакомым, где надо заплатить за вход. То есть, если хочешь выпить, принеси водку. На такой вечеринке она и познакомилась со своим другом – в большой комнате коммунальной квартиры, с грязными гипсовыми розами на высоких потолках; до революции этот богатый дом принадлежал аристократу. Друг, сказала Лидия, просто вцепился в нее – все время пристает, чтобы она за него вышла.

– Ты уверена, что он не просто ищет способ выехать из страны? – спросила Путтермессер.

Лидия улыбнулась; зубы у нее были изумительные.

– Он хочет в Австралию, – сказала она, и ее разобрал смех.

Иногда телефон звонил в четыре утра, и Лидия вскакивала с кровати, чтобы схватить трубку, пока он не разбудил Путтермессер. Но Путтермессер всегда просыпалась, и звонил всегда – Володя.

– Он что, считать не умеет? – раздраженно спрашивала Путтермессер. – Он не знает, в каком он часовом поясе?

– Он боится, что я останусь в Америке, – сказала Лидия. – Боится, что я не вернусь.

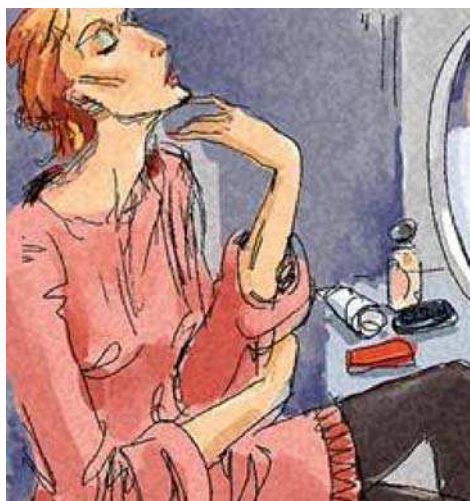
– А разве это не так?

– Ну, прямо как мама!

Мама, как уяснила Путтермессер, ничего не смыслит. Быть похожей на маму – вовсе не почетно.

– Пожалуйста, поговорим о деле, – попросила Лидия. – Я хочу убираться у женщин.

Начались собеседования. Путтермессер повесила в лифте объявление:

Γάλλοι ἀπέμειναν ἀπὸ τὴν γῆν ἐπειδὴ οὐκ ἔβρισαν τὸν ἀπὸ τὴν γῆν ἀπέμειναν ἀπὸ τὴν γῆν, ἀπὸ τὴν γῆν ἀπέμειναν ἀπὸ τὴν γῆν, ἀπὸ τὴν γῆν ἀπέμειναν ἀπὸ τὴν γῆν,

ἀπὸ τὴν γῆν ἀπέμειναν ἀπὸ τὴν γῆν ἀπὸ τὴν γῆν ἀπέμειναν ἀπὸ τὴν γῆν ἀπὸ τὴν γῆν ἀπέμειναν ἀπὸ τὴν γῆν.

Ὀδὸς ἀπὸ τὴν γῆν ἀπὸ τὴν γῆν ἀπὸ τὴν γῆν ἀπὸ τὴν γῆν ἀπὸ τὴν γῆν ἀπὸ τὴν γῆν ἀπὸ τὴν γῆν ἀπὸ τὴν γῆν.

Потом она забелила «русскую эмигрантку» – выглядело слишком литературно, пахло Парижем и Берлином 1920-х годов (она подумала о Набокове) – и написала «приезжая из Советского Союза». Потянулись соседи; кое-кого из них Путтермессер знала. Пришла пара, принесли маленькую девочку в пижаме и попросили кастрюльку, чтобы согреть молоко, пока они будут знакомиться с русской. Ребенок поднял крик и не унимался, и Лидия им грубо отказала: этого ей не нужно. Холостой журналист из квартиры 7-G, при встрече кивавший Путтермессер в вестибюле, сказал, что прислуга у него есть и вполне его устраивает, а он хотел бы услышать, что думают простые люди о Горбачеве.

– Горбачев! – фыркнула Лидия. – Все терпеть не могут Горбачева, только глупые американцы любят Горбачева. – И раскрыла основательный чемоданчик, которым занималась каждый вечер.

Чемоданчик был набит всевозможной косметикой – карандашами для бровей, румянами, тушью, тенями разных оттенков, десятком губных помад, сетками для волос, кисточками, лаками и притираниями в тубиках и баночках. Некоторые из эмульсий Путтермессер могла узнать, но по большей части это были вещества неведомые. (А вот же – в их пуританском социалистическом государстве, оказывается, не чужды таких ухищрений!)

Обиженный журналист возразил, что Горбачев – это безусловно прогресс по сравнению, например, с Брежневым, но Лидия продолжала втирать крем в свой острый подбородочек.

Путтермессер вертелась как кошка в клетке. В ее собственной комнате негде было присесть. На диване Лидии развалилась пара молодых людей с верхнего этажа. Один из них спросил, умеет ли она пользоваться пылесосом. Лидия по обыкновению ответила презрительным смехом – думают, она, что, из пещеры? – и спросила, сколько они намерены платить в час.

Трудно было сказать, кто кого принимает на работу. У Лидии был арифметический талант. Она соображала быстро, она мгновенно переводила в голове доллары в рубли. Коротко говоря, интересовали ее здесь деньги. Изю дня в день Путтермессер пыталась выманить племянницу в город – в музей, на вершину Эмпайр-стейт-билдинга. Какое оттуда зрелище! Лидия равнодушно поднимала плечо: она любила вещи, а не картины. А нью-йоркский пейзаж с птичьего полета она видела в кино. Она ждала вечера, когда возобновятся собеседования о найме. Звонок заливался до полуночи. У нее была цель: убираться в квартире и получать доллары.

В конце концов она остановила свой выбор на семье из квартиры 5–D. В квартире было три спальни и трое детей. Муж занимался компьютерами, а жена четыре раза в неделю ездила в больницу «Бейт Исраэль» и работала там добровольной помощницей в детском отделении. Они были социально ответственными, противниками насилия; детей воспитывали в свободном духе, не ограничивали, однако игрушечное оружие было под запретом, телевизор контролировался и нормировался; поощрялось чтение и шахматы. Двое детей брали уроки фортепьяно, третий учился на скрипке. «Зовите меня Барбарой», – сказала Лидии жена и добавила, что для ее семьи большая честь – предоставить работу беженке. Жена пообещала, что они станут друзьями и что скоро Лидия будет чувствовать себя в их квартире как дома, – а если у нее будут какие-то сомнения или жалобы, то немедленно их высказывать: нет ничего такого, чего нельзя было бы разрешить при помощи переговоров. Лидию раздосадовала эта натужная человечность и добродетельный пыл. Она предпочла Блаушильдов только потому, что они предложили больше долларов, чем другие.

– Варвара, ха! – брякнула она после первого дня. – Глупая женщина; ходит учительница музыки, а дети ненавидят.

А в другой раз:

– Грязный дом! В детской грязь!

Никогда в жизни не видела она такого беспорядка: туфли, рубашки, игрушки кучами валяются на полу, все поверхности липкие, в раковине гора невымытых кастрюль и

тарелок, всюду разбросаны газеты. Варвару она решительно не одобряла – с какой стати ездить на работу задаром? И бросать такую огромную квартиру, столько комнат, и всё – на одну семью; они живут как министры! Только в грязи! Хаос, неряхи!

– Ты не обязана этим заниматься, – сказала Путтермессер. – Не для того же ты приехала в Америку, чтобы стать уборщицей. Давай повидаем людей в агентстве. Пора подумать о том, как нам с тобой быть после окончания визы.

Миндалевидные карие глаза Лидии лениво скользнули в сторону. Она приподняла плечо и опустила.

7. Еще одно собеседование

Путтермессер была рада в душе, что Лидия ежедневно проводит четыре часа наверху, в квартире 5–D: можно было отдохнуть от непрерывных разговоров. Иногда Лидия говорила о Б-ге и Его ангелах, иногда – о великолепных древних церквях, уничтоженных революцией; время от времени вытаскивала какой-то сонник – если читать его сосредоточенно, с молитвенным чувством, можно узнать будущее. Лидия веровала в возвышенное. Ее трогали иконы, святая матушка Русь. Она рассказала, что часто плакала в Пасху и что Христос однажды явился ей во сне, точно такой, как на одной старинной святой иконе. В такие моменты несчастной старухе Путтермессер с ее легким облаком седых волос Лидия представлялась нескладным чеховским персонажем, нечаянно попавшим в нью-йоркскую квартиру: «Хорошо у вас здесь, – сказала Ольга, крестясь на церковь»^[5].

– Но есть в этом и другая сторона, правда? – сказала Путтермессер. – Ну, хотя бы дело Бейлиса.

Лидия никогда не слышала о деле Бейлиса.

Путтермессер, любительница истории, объяснила:

– Якобы ритуальное убийство. Чистый средневековый бред. Еврея Менделя Бейлиса обвинили в том, что он убил христианского ребенка, чтобы забрать его кровь. Представь себе – это в наше время, в тысяча девятьсот тринадцатом году! Церковь даже не вмешалась. Вот она, твоя святая матушка Русь.

Лидия ответила своей всегдашней критической улыбкой, полупрезрительной.

– Теперь такого не бывает.

– А нападение на Союз писателей? Оно было в этом году!

Путтермессер знала, что думает Лидия: прямо как мать.

Дождливым вечером в середине ноября они поехали на метро в Бронкс. Путтермессер записалась в агентстве на семь часов, чтобы племянница успела закончить у Блаушильдов. Лидия нервничала и выглядела недовольной.

– Платить надо? – спросила она.

– Нет. Это организация для помощи. Там есть служащие, но большинство – добровольцы.

– Как Варвара, работают задаром, глупые!

В тесном кабинетике, уставленном картотечными шкафами, Лидия сидела угрюмо и беззвучно щелкала пальцами с алыми ногтями. У женщины за письменным столом были манеры врача: ее цель – поставить диагноз, а затем выдать рекомендации. Она тоже, по ее словам, приехала из Советского Союза. Приехала пять лет назад, сын у нее старшеклассник; сейчас он в математической команде школы имени Стайвесанта[6]. Ее муж в прошлом инженер, работает продавцом в магазине одежды. Адаптация сначала шла трудно, но теперь они хорошо устроены. Они даже ходят в синагогу – в Киеве это было немыслимо.

Лидия смотрела в сторону; говорилось это для Путтермессер. Речь искусственного профессионала. Если не считать невесомого акцента, в женщине не было ничего от иностранки. Она даже выглядела стильно – по крайней мере, по нью-йоркски, если и не вполне по-манхэттенски – на ней был шарф, тщательно завязанный и задрапированный на груди и заколотый серебряной брошью в виде ягненка. Она достала несколько анкет с русским шрифтом и начала быстро по пунктам ее расспрашивать. Несмотря на заученную манеру кивать, ничего недоброго в ней не было. Путтермессер заметила, что племянница как замороженная смотрит на серебряную брошь; вид у нее был невнимательный, сонный. В ее недовольном ответном бурчании Путтермессер слышался налет цинизма, который она в последнее время стала замечать. Он слышался ей даже в непривычных слогах русской речи.

А потом московская племянница встала. Глаза ее метали молнии. Ее красивые зубы блестели. Русский рев вырвался из ее разинутого рта. Маленький кабинетик мигом превратился в Колизей, и в воздухе запахло кровью.

– Г-споди Б-же! Из-за чего ты там? – спросила Путтермессер; она терпела почти до самого дома.

В метро Лидия была недоступна. Она дергала брови. Рот ее вытянулся в тугую щель, как у Жени на карточке.

– Комиссарша! – сказала она.

На станции «Семьдесят седьмая улица» они поднялись по лестнице, провонявшей мочой, и чуть не споткнулись о бездомного, который спал на бетоне. Косой дождь поливал его неподвижное лицо и шею. У грязной ноги валялась бутылка в бумажном пакете. Лидия остановилась; лицо ее внезапно посветлело.

– Как у нас! – воскликнула она, и Путтермессер подумала, что больше всего ее племянница любит насмехаться.

Лидия кинулась на диван-кровать, скомкала бумаги, которые дала ей женщина в агентстве и швырнула на пол.

– Она хотела только помочь, – сказала Путтермессер.

– Правила. Сплошные правила.

– Наверное, они оправдываются. Она, кажется, вполне счастлива здесь.

– Ну и баба, – сказала Лидия. – Мои ребята в команде и то умнее.

Гостиная была теперь безраздельным владением Лидии. Путтермессер почти никогда туда не заходила. Это была свалка, дебри, джунгли: коробки, узлы, чемоданы и пластиковые сумки Лидии вываливали на пол свое содержимое. Диван всегда был разложен, и постель не убрана – ворох одеял и подушек. На телевизоре теснились банки из-под колы. На книжной полке лежали ногтечистки и пилка для ногтей. У плинтусов сутками томилась чашка с недопитым кофе. Было ли это влиянием Блаушильдов? Хаос порождает хаос, 5-D лишаем сползала вниз, в Путтермессерову строгую, ученую 3-С?

Но у Путтермессер была другая теория: виновата она сама. Она была слишком заботлива с молодой родственницей, слишком предупредительна, слишком с ней церемонилась к месту и не к месту. Нет-нет, ничего, не думай об этом. Оставь как есть, я уберу. Не беспокойся – правда – и так хорошо. Из таких строф состояла литания Путтермессер. Это были заклинания, это были «манеры», она обращалась с Лидией как с почетным гостем, она пала к ее ногам, потому что Лидия символизировала заживление страшного разрыва, и было правильно, что потоки нежности, родственного чувства заливают пустыню разлуки. Столько лет – и вдруг счастье, новая родственница.

В первую неделю Лидия угрюмо брала щетку – этого от нее ждут? своего рода платы за жилье? – и подметала после еды. «О, пожалуйста, не утруждайся», – всякий раз говорила Путтермессер. И Лидия перестала. Крышки от своих баночек с кремами она оставляла на краю ванны. Свои грязные тарелки – на кухонном столе. Мокрые полотенца – на буфете в гостиной. Путтермессер пришла к выводу, что Лидия, с презрением отвергая атеизм, во всех остальных отношениях была законченной советской аватарой: она не делала ничего, что от нее не требовали. Освободившись, она устремлялась к телевизору и его многообразным чарам: автомобилям, стиральным порошкам, зубным пастам, чизбургерам, круизам. К выставке, гораздо более богатой, чем в больших залах Москвы, и сверхъестественно яркой (зелень зеленей зеленого, красное краснее красного и т. д.), на фоне манящих лугов, холмов, коров, фонтанов, замков, чертовых колес. На телевизоре банки из-под колы множились. Китайский политес Путтермессер не встречал взаимности.

– Что такого сказала женщина в агентстве, – спросила Путтермессер, – что ты так вспыхнула?

– Сказала, что надо отправить Ленина на помойку.

– Ленина? Г-споди, надеюсь, вы не обсуждали советскую историю?

– Значки я привезла, значки.

Лидия высыпала их: целый зеленый пакет жестяных изображений маленького мальчика. На пластиковом мешке была надпись: «Фотография».

– Ленин в детстве, понимаешь? Комсомольская награда для детей. Ерунда! Никому не нужна! Я купила сотню за копейки. – С сардоническим смехом: – Она говорит, не разрешается делать бизнес, важный закон о налоге. Комиссарша!

Перевод с английского Виктора Гольшева

Окончание следует

[1] Спаси моего ребенка (нем.).

[2] HIAS (The Hebrew Immigrant Aid Society) – Международная еврейская организация для помощи мигрантам. NYANA (New York Association for New Americans) – Нью-йоркская организация для помощи в обустройстве иммигрантов.

[3] Спортивный врач (нем.).

[4] Крупный универсальный магазин в Нью-Йорке, в 1960–1980-х годах во многом задавал тон моде.

[5] А.П. Чехов. «Мужики».

[6] Научно-математическая школа в Манхэттене, одна из самых сильных в США.

ЗИШЕ ЛАНДАУ

Ààèàèé Áúì øèö

Зише Ландау (1889–1937) родился в Плоцке (Царство Польское) в семье торговца. Отец поэта был человеком небогатым, но родовитым, его дедом был хасидский цадик ребе Волф Ландау из Стрикова. (см. стихотворение «Стриковский ребе» в этой подборке). Будущий поэт получил традиционное религиозное образование, кроме того, изучал иврит, польский, несколько лет учился в гимназии. Семья обеднела. Зише был вынужден торговать в лавке, в 14 лет он переехал в Вильно к своему дяде и вместе с его семьей в 1906 году эмигрировал в США. В Нью-Йорке, где прошли последующие годы жизни поэта, он длительное время работал маляром и только незадолго до смерти получил должность представителя по связям с общественностью в одной из благотворительных еврейских организаций.

Приехав в Америку, Зише Ландау почти сразу начал печатать свои стихи в «Форвертс», но по-настоящему его поэтический талант раскрылся только в 1909 году, после встречи с Мани Лейбом и Рувном Айсландом, после того, как все три поэта вошли в группу «Ди Юнге» («Молодые»). Ландау был самым ярким из этой троицы и в то же время наименее замеченным и оцененным еврейским читателем. Слишком бескомпромиссным был его эстетизм, слишком сложными – многочисленные культурные ассоциации. Творческий путь Ландау как поэта вел его от символизма к экспрессионизму и абсурду. Собственная версия «театра абсурда» отчетливо присутствует в его поздних поэтических комедиях. Ландау также много переводил на идиш с различных европейских языков: переводил как авторскую поэзию, так и фольклор.

В сущности, несмотря на формальную принадлежность к группе «Ди Юнге», творчество Зише Ландау стоит вне групп и направлений. В этом он похож на одного из величайших поэтов русского Серебряного века – Михаила Кузмина, который сам себе был и группой и направлением. Поэзия Ландау созвучна поэзии Кузмина. Недаром, когда Кузмин умер в 1936 году в Ленинграде, Ландау написал стихотворение «На смерть русского поэта» (см. в настоящей подборке). Поразительным образом это стихотворение оказалось единственным поэтическим некрологом над могилой всеми забытого поэта. Можно, конечно, иронизировать по поводу того, что единственным откликом на смерть Кузмина, эстета и декадента, к тому же одно время (правда, недолго) состоявшего в «Союзе русского народа», стали стихи на еврейском языке, написанные маляром из Нью-Йорка. Но правильней увидеть в этом те глубинные нити, которые связывали еврейскую литературу с русской. Стихотворение «На смерть русского поэта», в котором точно угадана атмосфера поэзии позднего, «советского» Кузмина, стало невольным некрологом и самому Ландау. Это было последнее опубликованное им стихотворение.

С Кузминым Ландау сближает интерес к религиозному фольклору. Кузмина, как известно, интересовали хлысты и хлыстовские духовные песни. В поэзии Ландау присутствуют и простодушно-ироническая обработка одной из житийных хасидских историй, и стихи о Соре Бас-Тойвим (оба стихотворения в настоящей подборке). Соре Бас-Тойвим (букв. «дочь добрых», то есть добропорядочных, благочестивых родителей) жила в XVII веке на Украине. Ей приписано авторство наиболее известных тхинес (женских молитв на идише). Широкое бытование сборников тхинес делало ее фигуру связанной с культурой простонародья, с идишем и еврейским фольклором.

В начале своего творческого пути Мани Лейб посвятил Зише Ландау программное стихотворение «Тише» и как будто предсказал его судьбу. Голос этого замечательного поэта остался почти не услышанным.

Стриковский ребе

(р. Волф Ландау)

Волф, Стриковский ребе, стоит замерев
Средь комнаты, чутко дыша, что ни миг,
И зайцем, что обмер от страха в полях,
Застыл на лице, исказив его, тик.
Усмешкою губы его сведены,
Ладонь его сомкнута под бородой.
Глядится рука волосатым сукном:
Торчит между пальцев по косме седой.

И вдруг заболит у него голова,
И пустится шаркать нога, и лица
Раскроется в воздухе темный бутон:
Он понял желанья свои до конца.
«О мать моя милость, сколь сладостна ты.
О мудрость, ты сердцу сладка моему,
И все-таки слаще обоих вас власть
И сила, чтоб шаркнуть ногой по всему».
Перевод Валерия Шубинского

Преудивительная повесть
о ребе реб Элимейлехе
из Лиженска и ребе
реб Нафтоле из Ропшиц

Об этом знает целый свет,
А кто не знал – пускай узнает:
Как только в небе над Лиженском
Звезда приветно замерцает,
Так реб Элимейлех в особый покой
Идет, и едва в нем замкнется,
Как слышно его бормотание: оно
Сладчайшею радостью льется.
Замкнувшись, там ребе молитву творит,
Замкнувшись, творит ребе майрев.
И не был еще удостоен никто
Узреть, как творит ребе майрев.
Кто ж слышит его бормотание, тот
Внезапно светлеет душою:
Он думает, я – этот вечер и я
Звезда, что горит надо мною,
Я – ветер вечерний, я – лес и в лесу
Я птица и песня той птицы,
И песнею рвется душа из груди
Достичь мироздания границы.
А также известно повсюду и всем,
Что ребе Нафтоле из Ропшиц
Уж годы и годы стремится

В покой тот особый пробиться.
Влеком этой страстью, Нафтоле не раз
На всякие штуки пускался.
И как-то под вечер в особый покой
Он к ребе без спросу забрался^[1].

Залез реб Нафтоле тотчас под кровать.
Сидит, и чем дале, тем боле,
Он чувствует: сердце сжимает тоска,
И ужас пробрал реб Нафтоле.
Вот дверь отворилась, и ребе вошел,
Легонько скрипят половицы,
А реб Нафтоле лежит, и дрожит,
И думает: как бы мне скрыться.
Прошелся по комнате взад и вперед
Ребе реб Элимейлех,
Немного потом постоял у окна
Ребе реб Элимейлех.
Но вот с бормотаньем он пояс берет,
Тяжелый свой, шелковый пояс берет,
В руках его перебирает.
Едва только в первый раз он
Тем поясом препоясался,
Такой светлый свет осветил
Светло тот покой, аж в глазах
Померк свет у ребе Нафтоле.
Едва во второй только раз
Тем поясом препоясался,
Такой свет великий в покое разлился,
Что чувств реб Нафтоле едва не лишился,
И вскрикнул он криком столь громким,
Что небо над ним расколосось.
Подходит хозяин к кровати,
Сгибается он пополам
И тихо глаголет: Нафтоле,
Давай, вылезай лучше сам.
Едва третий раз этот пояс
По бедрам своим обовью,
Прольется такой свет великий,
Что вместе с тем светом твоя
Душа отлетит, Нафтоле.

А что реб Нафтоле ответил,
И что реб Нафтоле соделал,
О том не скажу – я не знаю.
Лишь знаю: великое благо
В том есть мне, и вам, и всем нам.
Я знаю: преизбран Израиль,
Поскольку меж нами когда-то
Столь праведны жили мужи.
И да удостоимся все мы,
Чтоб в радости дал нам Всеблагий,
Дожить до того дня, как повесть
Поведаем мы до конца
В Сионе, в Земле Праотцов.
Кто ж будет заканчивать повесть,
Тот упомянуть не преминь,

Того, кто поведал ту повесть,
Зато и воздаст Б-г. Аминь.
Перевод Валерия Дымшица
На что Соре Бас-Тойвим
тратит свои дни

Что делает Соре Бас-Тойвим весь день?
Чем занята, чем?
Соре Бас-Тойвим свободна весь день.
Чем занята? Да ничем.

Служанок тысячу шлет на базар,
У каждой бутылка, у каждой мешок.
И каждая тащит, сходяв на базар,
Бутылку с маслом, с мукой мешок.

Три тысячи куриц несется с утра,
Забиты склады яйцом.
Мешают-взбивают весь день повара
Масло с мукой и яйцом.
Печь электрическая стоит
Посередине двора,
И вот уже рядом с нею лежит
Печенья большая гора.

Но кто же печенье относит потом
В каждый еврейский дом?
Не знаю. Молчат. Должно быть, секрет.
И не говорят мне о том.
Перевод Валерия Дымшица

Я песенно живу

Я шел по переулку,
Но путь передо мной
Как будто загорожен
Был серою стеной.
И вдруг стена исчезла,
И виден путь вдали –
А все дома и люди
Растаяли в пыли.

И я уже не плачу,
Что свой растратил свет,
Переболевшей боли
Ни капли в сердце нет.

И все, что я изведаль,
Все, что услышал я, –
Услышать и изведать
Была судьба моя.

И бег горячей крови –
Стежок без узелка –
Один на много тысяч,
На многие века.

Сказал бы я о многом –
Но речь я оборву.
Вы – дельно жизнь живете.
Я – песенно живу.
Перевод Валерия Шубинского

Баллада про мутное стекло

Ночей восточных полумгла
(Пески, Шахерезада, Нил)
С дымком, когда он закурил,
Сквозь ноздри чуткие вошла.

Увы, чутья-то больше нет:
Слова, что он сказал, над ним
Сплелись плетением сплошным,
Как свод сукки, закрывши свет.

Теперь не виден небосвод:
Порой лишь слабый свет луны
Сюда пробьется с вышины,
Но и луна здесь чуть живет.

Глаза – из мутного стекла.
Так тяжело дышит, нервно так,
И только сердце бьется в такт
Красоткам, в чьи тела стекла

Ночей восточных полумгла...

Перевод Валерия Шубинского

Печальная песня

Моих стихов осеннюю дремоту,
Лиловой залило волной.
(Чего ж ты плачешь? –
Так... плачу что-то,
Невеста плачет под хупой.)

У губ моих живых пределом
Стоит лиловая вода.
(Жених мой в белом! –
Невеста в белом!
– Любила, да? – Любила, да.)

Землистый взор мой будет снова
Сквозь голубую мглу глядеть.
(– Ты задрожала? – Нет, это слово
Дрожит и хочет с губ взлететь.)

Перевод Валерия Дымшица

За семью морями

За семью морями праздного обмана,
Там, где рвется легкой жизни полоса,
Снова наш кораблик вышел из тумана,
Снова забирают ветер паруса.

Как вино слепые речи шелестели,
Стекленея взором, пялился народ.

Я сегодня ночью задохнусь в постели,
Или пулю выпущу сам себе я в рот.

Перевод Валерия Дымшица

Строфы

1.

...Наш голос едва-едва слышен,
Но будем мы тише всего,
Будем воды мы тише,
Песни запев для Него.

2.

Детям малым шлет Всесильный,
День, и ночь, и дождь обильный.
Он им дарит все на свете,
Дарит снег, и дарит ветер.
Так за их заслуги, Б-же
Дай нам луч надежды тоже.

3.

Мы идем навстречу Б-гу,
Боль и страх сбивают с ног,
Не найдем никак дорогу,
Обошедши сто дорог.

Мы во все стучали двери,
Но закрыты сто дверей.
Как от страха, от потери
До Тебя дойти скорей?

4.

Я слаб, я не могу уже,
Дай отдохнуть больной душе.
И смерти страх давно со мной,
Хотя бы от него укрой.

Куда мне самому, но Ты
Дай мне достигнуть чистоты,
А сам-то я – едва-едва,
А сам я ниже, чем трава.

5.

Айлю-лю-лю, сердце
Проклято давно,
Сальные гардины,
Грязно и темно.

Я, дрожа, с тобою
По миру хожу.
Разве я воришка?
Что же я дрожу?

Под кривым забором
Подыхать свалою

Проклятое сердце,
Айлю-айлю-лю.

6.

Мир слезами добродетель
Заливает, и вполне
Обыватель, Б-г свидетель,
Верен Б-гу и жене.

Только я забот не знаю,
Я, назло им, не такой,
Камни целый день считаю
На нью-йоркской мостовой.

7.

Праздник отменили вы,
Пусть все буднично идет,
Грусть не клонит головы,
Сердце больше слез не льет.

В муке тихой и немой,
В серой мгле проходит день.
И уже в проем дверной
К нам скользнула наша тень.

8.

Покоя, страх и мука,
Дай Б-г вам обрести –
Подмога и порука
Уставшему брести.

Все глуше, все глупее,
Все беспросветней муть.
Печаль, проснись скорее
И освети мой путь.
Перевод Валерия Дымшица

* * *

Ἰ ἀδῆσ ἄεδοσ ἄερί ο

Не слышен наш тихий шаг,
Безвучно глаголет рот.
Все также – ветер в ушах,
Все также цветок цветет.

От века мертва душа,
Когда о грядущем поет.

Не слышен наш тихий шаг,
Беззвучно глаголет рот.

Перевод Валерия Дымшица

Мой завет

1.

Ревя как «Р», прибоя злее,
Жизнь бьет в береговой уступ.
Мне губы красные милее
Бесплотных, плотно сжатых губ.

2.

Ты все слова соделал, Б-же,
Но не твоя рука на них.
Поэт ведет слова на ложе,
Он их властитель и жених.

3.

У Б-га слово как вдовица,
В стихах – невестою опять,
Когда поэт не побоится
Любить и в губы целовать.

4.

Еще когда-то, в 23-м,
Я возвестил в своих стихах:
Все, как покинутые дети,
У всех в глазах тоска и страх.

5.

А значит: глазки – на просушку!
Теперь мы о любви поем.
А значит: на одну подушку
Склоняйте головы вдвоем.

6.

Но не послушались, хоть тресни!
К чему тогда был мой запал?
И аромат чудесной песни
Зазря, без отзыва пропал.

7.

И губы стонут точно трубы:
Возьми и съешь нас! – голос губ.
Мне не нецелованные губы
Страшней, чем плящущийся труп.

8.

Закройте очи им. Ужасно
Слепое зренье мертвецов.
Губ губы ждущие напрасно –
Позор и горе для певцов.

9.

Певцы, целуйте в губы слово,
Оно и манит, и горит.
От слов рождается песня снова
И ароматом одарит.
Перевод Валерия Дымшица

На смерть русского поэта

Зачем ты умер, Михаил Кузмин, поэт?
Пьеро, глупышка, взял – и тотчас удавился,
Но только мрак ночной на землю опустился –
Куда-то убежал – пропал его и след.

А дама (знаешь кто), вбежав ко мне с рассветом,
На шею бросилась – и сразу же в кровать.
Да, горько женщинам, актерам и поэтам
Узнать, что больше их не станут покупать.

У Гоцци я гостил. Рассеянно макал
В солонку тонкую он ломтик помидора.
Надвинуть маски вновь – таков (он повторял)
Сегодня выход для поэта и актера.

Я долго размышлял об этом в кабачке,
Где с зельцерскою шнапс плясал в бокале танго,
Где всхлипывал твой нос, все чующий
так тонко,
Товарищ Сирано.

И день угас в тоске,
И на часы во сне распался, задыхаясь.
А старый кавалер наскучил мне слегка.
Он кланялся тебе; и я ему, признаюсь,
Ответный передал привет издалека.

Чуть-чуть зеленого подлили в желтизну,
И плавать, как лимон, пустили в нем луну.

Перевод Валерия Шубинского

Эпилог

Поскольку обо мне молчит, как рыба, пресса,
И не вопит о том, что ел я на обед, –
Не представляю я для женщин интереса,
И на счету моем сейчас ни цента нет.

Сижу себе в кафе в любой из дней недели,
Но к меценатам тщетно тянется рука.
Добро, коль хватит мне на порцию мартела
И за пять центов кофеек без молока.

Ах, кофе вздорожал? Так петлю я на шею!
А я ведь так писал! А я ведь был велик!
Но он не вздорожал – и песенкой своею

Чуть-чуть порадую еще родной язык.

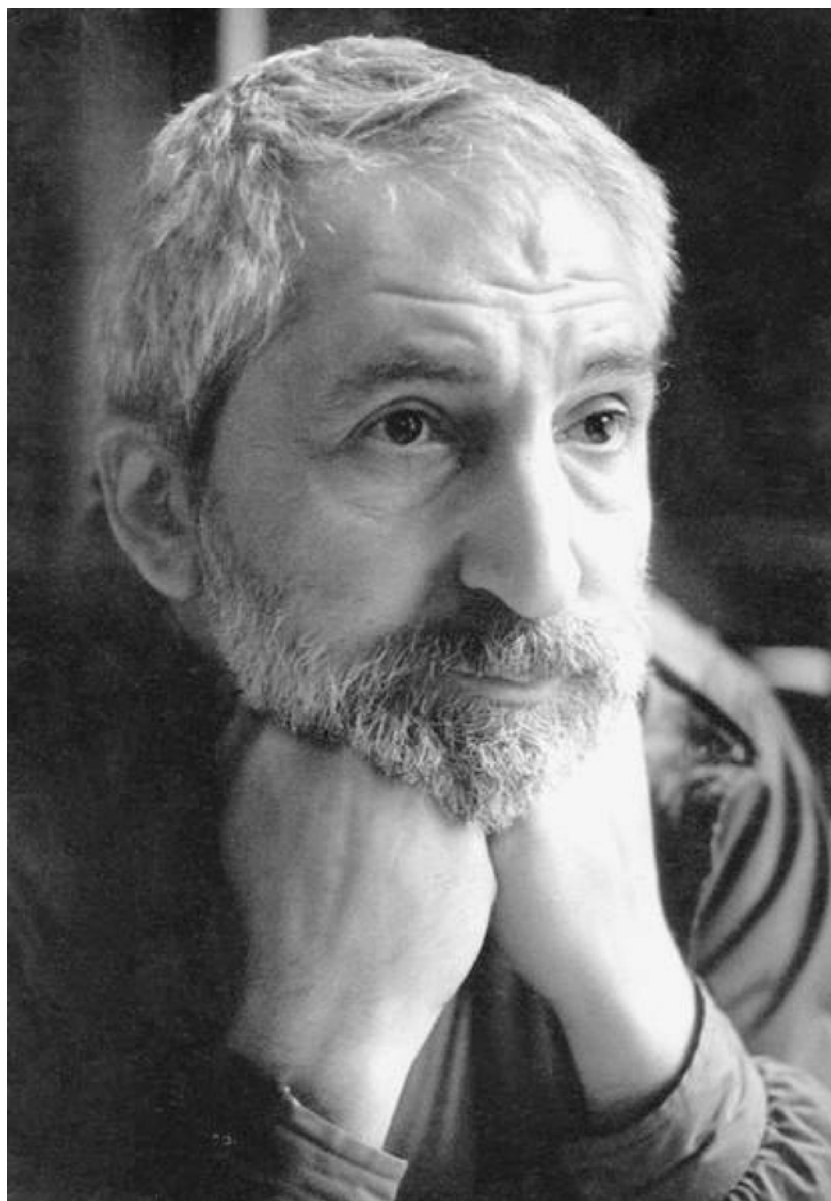
Перевод Валерия Шубинского

[1] Увы, заведет легкомысленный шаг
Тебя далеко, реб Нафтоле:
И в жизни, и в жизни грядущей, боюсь,
Не дай Б-г, лишишься ты доли. – З. Л.

ПАРЕНЬ С СИВЦЕВА ВРАЖКА

Àëàèíàé Ñèì òòà

В издательстве «Новой газеты» выходит в свет автобиографическая книга Алексея Симонова «Парень с Сивцева Вражка», в которой известный режиссер-документалист, журналист, правозащитник рассказывает о себе самом, о своих близких, об отце, Константине Симонове, и матери, Евгении Ласкиной. 8 августа Алексею Симонову исполнилось 70 лет. «Лехаим» поздравляет Алексея Кирилловича с юбилеем и в нынешнем выпуске предлагает вниманию читателей две главы из его новой книги и интервью с автором.

Алексей Симонов

Б-же, дай справиться с тем потоком людей и деталей, который обрушивается на меня, когда я вспоминаю Сивцев. Начну с главного. Главным на Сивцевом Вражке был

воскресный обед. Раздвигался на две вставные доски стоящий в центре комнаты квадратный дубовый стол, появлялся праздничный сервиз, с темно-золотым узором по наружному ребристому краю, хрустальные рюмки и бокалы, и вокруг садились почитатели бабкиной стряпни.

Бабка Берта была выдающейся кулинаркой, и все, что она готовила, было не просто вкусно, а Б-жественно, а все, что она пекла, принесло ей звание «мать-пирогиня», и я хорошо помню, как в 1948 году, в Алуште, на мой день рождения, и с тех пор навсегда в этот день, где бы я ни был, получал лекех (даже жалко, что по сути это медовая коврижка из темной муки) или ореховый штрудель. Участвовавший в поедании лекеха молодой драматург, мамин приятель Александр Аркадьевич Галич, сочинил тогда телеграмму, немедленно посланную в Москву, Сивцев Вражек, дом 14:

Òíèùèí àí èé, òíèùèí Á-ã

Ì íãñçäòü òàéíé íèðíã

Áíñè áòí íí àíñèùáí üè

Æáòò àòíðíã áíý ðíæááí üý.

Фокус не в том, что я это запомнил, а в том, что по сей день помню любые зарифмованные мелочи моего детства.

Но пироги – это потом, а пока на столе, во-первых, селедка. Нет-нет, это совсем не то, что вы думаете или можете себе вообразить. Это – СЕЛЕДКА!!!!!!!!!!

Дед мой со времен черты оседлости был и остался экспертом по рыбе. И селедка на праздничном столе всегда была королевой, с таким нежно-соленым вкусом, что уже и не помню, был ли это залом, каспийская или какая-то еще, но всегда ослепительно-вкусная, тающая во рту селедка. Подавалась она, как и положено, на продолговатой сервизной селедочнице и ничем, кроме легкого сдабривания слабым уксусом и кружками лука, не сопровождалась.

В круглой розетке подавался печеночный паштет. Но упаси вас Б-г подумать, что купленный в арбатской «Диете», он просто переваливался на тарелку. Нет-нет, паштет сначала пережаривался с добавлением жареного лука и капли масла на сковородке, а на розетке обкладывался по периметру кружками соленого огурца.

Могу про себя сказать словами песни Юлика Кима: «...где я только не был, чего я не отведал...», но до сих пор паштет я ем только с солеными огурцами, а селедку – с луком, и никак иначе.

Ну, в-третьих – обязательная фаршированная еврейская рыба-фиш. Увы, с ней мой роман был более витиеват, чем с селедкой или паштетом: я ее не ел года до шестидесятого, настолько решительно, что меня уже перестали уговаривать. А когда спохватился и полюбил, досталось мне значительно меньше: всякий раз, нежа кусочек фаршированной рыбы с обязательным красным хреном, непременно собственного бабкиного приготовления, я с грустью понимал, как много я упустил, приступив к этому занятию с таким чудовищным опозданием. Главный принцип бабкиной кулинарии – это отсутствие лени у кулинара. В данном случае весь рыбный фарш пропускался через мясорубку не меньше трех раз.

Винегрет или салат. Ну что, спрашивается, можно усмотреть особенного в бабкином винегрете? Я вам скажу: он всегда был сухой, то есть не давал соку, и всегда был мелко, очень мелко, так мелко, как редко кто режет, нарезан. Не знаю, сумел ли я сформулировать причину превосходства бабкиного винегрета над всеми остальными винегретами, которыми меня потчевали во всех уголках нашей великой родины, но нигде и никогда не пробовал я этого популярного блюда, равного бабкиному. Хотите верить, хотите нет, это был царственный винегрет. Ну вот, я уже запел-заговорил стихами. Пора переходить к первому блюду.

Вам когда-нибудь в юношеских снах снилась блондинка со светло-золотистыми волосами? Вот такого цвета и был бабкин бульон. И никаких кружек – в глубоких сервизных тарелках. И наливался бульон прямо из кастрюли, потому что в супнице подавалось к бульону то, чего больше нигде я не видел и что придавало для меня особую ему ценность, – бебелах. Я – точно – не специалист по еврейскому языку идиш, но спросить уже больше не у кого: единственная живая сестра мамы уже не помнит, точно ли это называлось бебелах. Зато я точно помню, как это изготавливалось. Делали слоеное тесто, как для хвороста, но пресное, раскатывали его в большую, очень тонкую лепешку, потом наперстком из этой лепешки нарезали крохотные белые кружочки, остатки лепешки снова сваливали и снова раскатывали и снова нарезали, пока тесто не кончалось. Эти кружочки сыпали в кипящее масло и как только из них вырастали темно-желтые и коричневые – что? – затрудняюсь назвать – вынимали шумовкой. Больше всего это было похоже на воздушные пузыри, обтянутые хрустящей корочкой. Вот они-то и подавались к бульону. Кто сыпал в тарелку, кто закусывал, запивая – это уж как вам хочется.

Еще бывал фасолевый суп. Но не суп с фасолью, а именно фасолевый, непременно из красной, хорошо и заранее размоченной фасоли с мучнисто-туманным, серо-малиновым шлейфом от каждого разварившегося фасолевого боба.

Не буду вас мучить описанием второго, тем более что вариантов было не так уж много: кисло-сладкие голубцы, вкус которых до сих пор помню, потому что он был именно кисло-сладкий, с большим количеством придававшей этот вкус подливки, или кисло-сладкое мясо с черносливом, цимес – тушенная по-еврейски морковь, или, наконец, что-нибудь совсем простое: тушенная курица со сваренным зеленым горошком, все искусство приготовления которого заключалось в том, чтобы точно угадать время, когда его надо снять с огня, чтобы горохи перестали существовать по отдельности, но еще не стали гороховой кашей.

И такая деталь. По-молодости я ужасно не любил кожу с тушеной курицы. И дед, как по ритуалу, забирал с моей тарелки ободранные с курицы шкурки и с удовольствием доедал их, нисколько мною не возмущаясь и никак меня не осуждая. А вспомнилось это, когда я первый раз собрал такие же куриные ошметки с тарелки младшего и позднего сына и демонстративно съел их в воспитательных целях. Может, и деду они не так уж и нравились?! Но еду надо доедать – так было и так я оказался к этому приучен.

За исключением бебелах все вещи простые, широко известные и в большинстве – ничего ни особенного, ни специфически еврейского. Обед не сулил неожиданностей, зато прелесть ожиданности, его аппетитная предвкушаемость делали любой обед праздничным.

Да, я забыл про обязательную белую, хрустящую скатерть – не бывало иначе. Не помню ни разу. Ну и еще одно: не знаю, специфически еврейское или как, но мое самое любимое лакомство – вот оно было не всегда, изредка подавалось к бульону вместо бебелах и такое вкусное, что от меня его до обеда приходилось прятать. Потому что если я его до

времени находил... тут только две вещи меня спасали: всепобеждающая любовь деда с бабкой и наглядное подтверждение качества продукта. Это называлось «грибенки». Я даже с подачи деда Мули выучил еврейское: «а шмек грибенки на штык брейт». Что на идиш означало: «лишь бы хлеб белый, а икру можно и черную», а буквально в переводе: «на кусочек хлеба гусиных шкварок – пригоршню». Ну вот, разрушилось обаяние таинственности. Вообще никогда не обращали внимания, что не названное или названное своим, отдельным, таинственным словом, оно, что бы оно ни было, красивее, вкуснее, забористей, чем равнодушно обозванное подходящим, но случайным для этого словом?

Ну что такое шкварки?! А грибенки – это кусочки жира и кожи с курицы, утки или гуся, зажаренные в собственном соку с большим количеством жарено хрустящего лука. Посмотрел в Интернет и обнаружил, что куриные шкварки на идише называются трибенкес. Не поправляю задним числом, привожу только истины для.

И еще один важный, а может быть, и самый важный компонент обеда – бабка Берта Павловна. Глядя на эту полноватую, когда-то очень красивую женщину, празднично одетую, с прямой по-королевски спиной, невозможно было предположить, что целый субботний день она не отходила от плиты и разделочного стола. Обед готов и – никаких следов потной забегавшейся кухарки в ней не оставалось. Она была – хозяйка. А что у этой хозяйки она же сама была и кухаркой, и разделщицей, и пекарем – это уже ее, бабки, секрет, не выносимый на всеобщее осмотрение ни за что и никогда. Дочки допускались только смотреть и после обеда – мыть посуду. Горячая вода шла от газовой колонки в ванной, а раковина была столь мала, что, дабы не разбрызгивать воду, на кран всегда была надета длинная виниловая трубка – за этим следил дед, не допускавший в остальное время на кухню ни при каких обстоятельствах.

А после обеда из «чуда» – металлического складного круглого футляра с дыркой посередине, чтобы пирог прогревался со всех сторон – доставался очередной бабкин шедевр и под абсолютно искренние, сколько себя и гостей помню, крики восторга поедался к чаю.

Кстати, бабкины пироги отличались одним общим свойством: непечатые они не черствели. На мой день рождения – на полюсе холода в 240 км от Оймякона или на Клухорском перевале, в общежитии комсостава в городе Джакарта (Индонезия) или на Черноморском побережье Кавказа – пирог извлекался из упаковки и, всегда волшебносвежий, возглавлял организуемое застолье.

Я вообще-то не склонен скрывать или занюхивать свой день рождения, но с бабкиным пирогом это вообще было невозможно. Вы спросите: а как он к тебе попадал? Один раз он прошагал в моем рюкзаке пол-Кавказа, другой – его привез летчик, которому нельзя было перевозить чужие неподцензурные письма за границу, а про пирог в инструкциях не было ни слова, – словом, это уже был не столько бабкин, сколько мамин секрет. И традиция эта поддерживалась больше двадцати лет подряд. Каждый год 8 августа, с 1948 года начиная.

**Самуил Моисеевич и Берта Павловна Ласкины.
Цхалгубо. 1947 год**

Кто собирался на эти праздничные обеды? Давайте посчитаем: дед Самуил Моисеевич и бабка Берта Павловна – так сказать, «основоположники», сестры Ласкины, все трое, – старшая, Фаина, 1909 года рождения, средняя, Софья, 1911 года рождения (она, впрочем, с 1950 по 1955 год за столом не присутствовала по уважительной причине – тянула срок в Воркуте), и младшая, Евгения, она же Женя, Женечка и Женюра, моя мама. От младшего поколения присутствовал один внук – я, второй, Вовка, после окончания школы № 59, где он, в отличие от меня, отбыл все десять классов, был отправлен в Тульское оружейно-техническое имени Тульского пролетариата училище, а потом тянул лямку военной службы вдалеке от Москвы и только в конце семидесятых, когда уже ни деда, ни бабки не было в живых, вернулся дослуживать в одну из московских военных приемок. Так что вся любовь и все попустительство к внукам были все эти годы направлены в основном на меня.

За стол садились в 4 часа пополудни. За пять минут до назначенного срока раздавался звонок в дверь, и появлялся отчим отца, деда Саша, со словами: «Аля, как всегда опаздывает». И действительно, минут через 15–20 влетала запыхавшаяся бабка Аля, которую, надо сказать, даже в эти минуты житейской неловкости иначе как Алинькой, кроме деда, звавшего ее Алей всегда и при любых обстоятельствах, не звали.

Присутствовали мужья дочерей: у старшей их было последовательно три, причем и первый, и второй рано умерли, а третьего из дома попросили, и попросили из-за меня. Но об этом чуть позже, а вот мамин послесимоновский муж, Лазарь Хволковский, появившийся в нашем доме во время моего пребывания в экспедиции в 1957-м, он, пока до конца

шестидесятых был мужем, бывал по воскресеньям на Сивцевом обязательно. А когда перестал, все равно бывал на этих обедах регулярно.

Одно из главных правил этого дома: у тебя могут быть с человеком разные отношения, но если он приведен тобою в дом, то его отношения с этим домом и другими его обитателями сохраняются даже в том случае, когда ты свои личные с ним отношения изменил или прекратил, если... Вот это «если» объяснить сложнее. Попробую с другого конца: имя моего отца, ушедшего от матери в 40-м году и редко – на моей памяти раза три-четыре, не больше – приходившего на Сивцев в гости, было окружено в доме атмосферой любви и почитания, несмотря ни на что. И отец до самой смерти моих деда и бабки сохранял какую-то необычную для него теплоту в отношении к ним. И дело не в том, что, и уйдя от матери, он оставался моим отцом, сыном принятых душой этого дома вторых моих бабки и деда, то есть членом семьи, присутствующим в жизни, мыслях и чувствах этого дома, просто человек, принятый душой этого дома, был для него больше, чем муж, приятель, друг, любовник. Переставая быть всем вышеперечисленным, но сохранив в себе то, за что его полюбили и приняли, он оставался любимым. Он мог меняться, но если сохранялось в нем то, за что полюбил его этот дом, он был охраняем его стенами и в любой момент мог войти и без старанья или напряжения почувствовать, что он – свой.

Когда в феврале 1971 года умер деда Муля и возникла проблема, как захоронить его прах в крематорском колумбарии на Донском, без тени сомнения моя тетка Соня поехала к отцу и – пулей – получила от него документ, за который немалые деньги заплатили бы антисемиты: «Прошу... близкого моего родственника, Ласкина Самуила Моисеевича...»

Так что не только все одиннадцать лет, что Лазарь Израильевич Хволковский был мужем моей матери, но и перестав им быть, принят был на Сивцевом с той же мерой заботливой сердечности даже тогда, когда приводил на Сивцев новую свою жену.

Это может показаться равнодушием, всепрощением, синдромом второй щеки, но не было ни тем, ни другим, ни третьим. Душа этого дома либо принимала людей, либо нет. И, приняв, не мелочилась, на разменивала «роскошь общения» на мелкие пятаки сведения счетов или подсчета итогов.

И уж расскажу заодно, как лишилась третьего мужа моя старшая тетка. Было это осенью 1958-го. Мы с мамой к тому времени заимели свою квартиру: в первом писательском кооперативе возле метро «Аэропорт». Я только что поступил в институт, и школьный роман, помноженный на взбесившиеся за почти два года экспедиции гормоны, подтолкнул меня. Я решил жениться.

А баба Берта и деда Муля решили, что рано. И взялись меня от женитьбы отговорить. Воскресенье. До обеда еще пара часов. Последнее солнышко осени, и мои любимые предки пытаются с помощью резонов заставить меня отказаться от матримониального безумства. Ну о чем они? О том, что у нас с мамой только-только появился свой дом. Что мамин муж моложе ее на 13 лет и ей нелегко. Что в девятнадцать можно себе позволить проверить чувства и потратить на это еще годик-другой. Что я ни разу не привел до сих пор свою невесту на Сивцев – и что это значит? Разговариваем мы в большой комнате: слева, в ближнем левом углу, бабкина тахта, справа – в дальнем, возле окон, дедова. Все уже готовится к обеду, то есть обретает воскресную праздничность. Мы сидим за еще не раздвинутым столом и довольно мирно (я вообще не помню случая, чтобы деда Муля на кого-то поднял голос, не то что крикнул), но не понижая голосов, спорим, тем более напряженно, что полной веры в свою правоту у меня нет и ее приходится слегка в себе раздувать, как гаснущую печку. Если кто-то есть в доме, все наши препирательства слышны

отчетливо. Чуть позднее, когда у бабы Берты стало не так хорошо со слухом, весь дом стал говорить на пару децибел громче, но сейчас это еще не нужно. Взволнованная беседа любящих, но никак не могущих внушить свои резоны друг другу близких людей. И тут открывается дверь меньшей из комнат и появляется Владимир Викторович, теткин муж, – приймак, ушедший к красавице тетке от семьи и уже года два обретающийся на Сивцевом Вражке. Он крупный, красивый, породистый, ему чуть за пятьдесят, кандидат, преподаватель Бауманского института, и без паузы врывается в наш спор, как соседская дрель за стеной в тихий выходной, резко и чужеродно.

Впечатление дрели не от голоса – от содержания и манеры речи. Они хотят мне добра, он жаждет меня поставить на место, они стараются думать вместе со мной, он заведомо обладает истиной и готов мне ее вдолбить: «И ты собираешься вместе с женой сесть на шею матери на все время вашей учебы?!!» – на нем уже брюки и еще пижамный верх. Он уверен в своей бестрепетной правоте. Он живет в этом доме уже два года и так и не может попасть в тон этому дому. Теперь – как ему кажется – попал, и его устами глаголет несомненная истина, наконец-то понятная и этому дому.

Сивцев Вражек, 14. Семья в сборе, нет только Сони (она в лагере). 1951 год

Житейское в этом доме всегда было одухотворено, а здесь оно, прямое и негнущееся, выдавалось за истину в последней инстанции. По принципу «я не знаю, что вам возразить, но то, что вы говорите, мне отвратительно». Как этот человек мог жить в этом доме столько времени – не знаю, наверное, срабатывал вечный предохранитель: старшая дочь и два ее умерших мужа... и лучше стерпеться с этим чужаком... и любимой дочке с ним жить. Но он переступил какую-то невидимую черту и тем опошлил, опростил и обезобразил все их самозабвенное движение души. Это было столь резко и неожиданно, что я, видимо, тоже взволнованный предыдущей неприятной для меня беседой с бабкой и дедом, вдруг зарыдал и вылетел из дома на улицу.

И тогда из второй, ранее закрытой комнаты вышла моя средняя тетка и полагерному резко (чего никогда, ни до, ни после, мы от нее не слышали) сказала: «Вы – червяк, сколько времени вы живете в этом доме и так ничего и не поняли. Выметайтесь, чтобы духу вашего здесь к вечеру не было. С Дусей я поговорю сама».

Они еще с Дусенькой встречались, но ноги его в доме больше не было. Так оно и сошло на нет, Дусенькино третье замужество, и не помню с ее стороны ни единого упрека. Видимо, и ей нелегко давалась эта очевидная несовместимость мужа и дома. И, поставленная

перед выбором, она выбрала дом. Слова же я услышал потом, от матери, которая среднюю сестру понимала и оправдывала.

А я через пару месяцев женился. А еще через полгода – развелся. Кстати, оставленные наедине в нашей с мамой квартире в первую брачную ночь, мы обнаружили на прикроватной тумбочке бутылку моей любимой «Хванчкары» от мамы и коробку любимого печенья моей жены – «Суворовского», – наполовину облитого шоколадом, от моей тетки Сони. Мне в доме больше никто не сказал ни единого слова. И когда спустя полгода развелся – тоже.

ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Áààèä Áàðò

Из Постановления Верховного раввината Соединенных Штатов Америки от **-го ***бря 20** года

...Áàèäò àííà àíøàèçéíæáííã, à èì áíí: çà èéààðó è íàíèðáíðáí, çà ñçäíèä íàíííáííí èíæííã è èíèèð-èòàèííí íòòàèèèààðíáã íàðàçà íàðíãã Èçðàèèý, ííááííí ííííá Èçðàèèý, èçíàðíæàáí ùò èðáíí è æàèèèè è, ñèàáíí è, áàçí ðàáíðòááííí è, ñ íáííçíà:íí íðááèèèðòèè æèáíòííí íà:àèíí, çà íðíòáíáòèð Á-æííã èì áíè, íàèèèííí ííííáòàèýáí òð íòòáí í:áðíáíèý èçàðáííã Èì íàðíãã, Áàððíáííè ðàáèíáò ÑÇÀ íííòáííæýáò: íæíæèðú ðáðáí íà ñ:èíèðàèý Õèèèá Íèèðíá Ðíòà, òðáèèðàòííã èàððáòà íðáí èè Õèèýííà Õíèèíáðà, áàèèðàòííã èàððáòà íðáí èè áíííòèàòèè èèðáðáòòííú èèèèèéíá è Íàèèíáèíííè èíèæííè íðáí èè, èàððáòà Íòèèòáííèèè íðáí èè è íðáí èè Ñíèà Áàèèíó çà áííðèæáíèý á àí àðèèáííèèè áàèèáòðèíðèèá; òàèæá íæíæèðú ðáðáí íà áã áíííá è áííííðíòèáííá ñ:èíáíèý, èàèíáíá íí áíçí íæíííðè íðááòòúíææáíèèð.

Да-да-да, все это чистая неправда, хотя бы потому, что в США, стране победившего конгрегационализма, нет и никогда не было Верховного раввината. Однако добропорядочная еврейская общественность, каковая там, безусловно, есть, не могла не осуждать самого прославленного еврейского беллетриста Америки за его романы последних лет, в которых некогда украшенные юмором сенсуализм и эпатажность Александра Портного и Натана Цукермана превратились в совершенно неприглядную навязчивую старческую эротоманию Дэвида Кипеша и Морриса Шаббата[1].

«ПЛОТСКИЙ ИЗРАИЛЬ», ИЛИ HAIL THE SEXUAL REVOLUTION

С легкой руки «апостола языков» («Посмотрите на Израиля по плоти», 1 Кор., 10:18) и развившего его мысль Блаженного Августина в христианской ментальности утвердился топос «плотского Израиля». В разных дискурсах он раскрывался по-разному: от «Израиля по крови» – лже-Израиля в отличие от истинного «Израиля по духу», христиан, – в теологической и полемической литературе до пресловутой еврейской карнальности, сладострастия, потакания материально-телесному низу (опять же, в отличие от аскетических христианских идеалов) – в обыденном сознании. Филип Рот, живой классик еврейско-американской литературы, начиная с «Болезни Портного» (1969)[2], вышедшей в разгар

сексуальной революции, чуть ли не каждым своим опусом плодит громкие литературные подтверждения этого топоса или, если угодно, мифа. Из недавно переведенных на русский таковы романы: «Профессор желания» (1977), «Театр Шаббата» (1995)[3], «Умирающее животное» (2001)[4]; в меньшей степени – «Обычный человек» (2006)[5] и «Возмущение» (2008).

Оные романы изобилуют пассажами, явно смакуемыми автором и явно утомительными для читателя, если только последний не намеревался получить от чтения Рота результат, извлекаемый обычно из просмотра журналов и сайтов «для взрослых». Сии пассажи суть детальнейшие описания плотских утех ярко выраженных еврейских персонажей, утех, казалось бы, разнообразных, но при этом не выходящих за рамки базового каталога порнопродукции: секс анальный, оральный и мануальный, вуайеризм и фетишизм, *ménage à trois*, эксгибиционизм, секс по телефону, секс со студенткой, секс с проституткой, секс за деньги, BDSM, некрофильские, геронтофильские и умеренно педофильские фантазии. Как говорится, *enjoy it*. Если сможете.

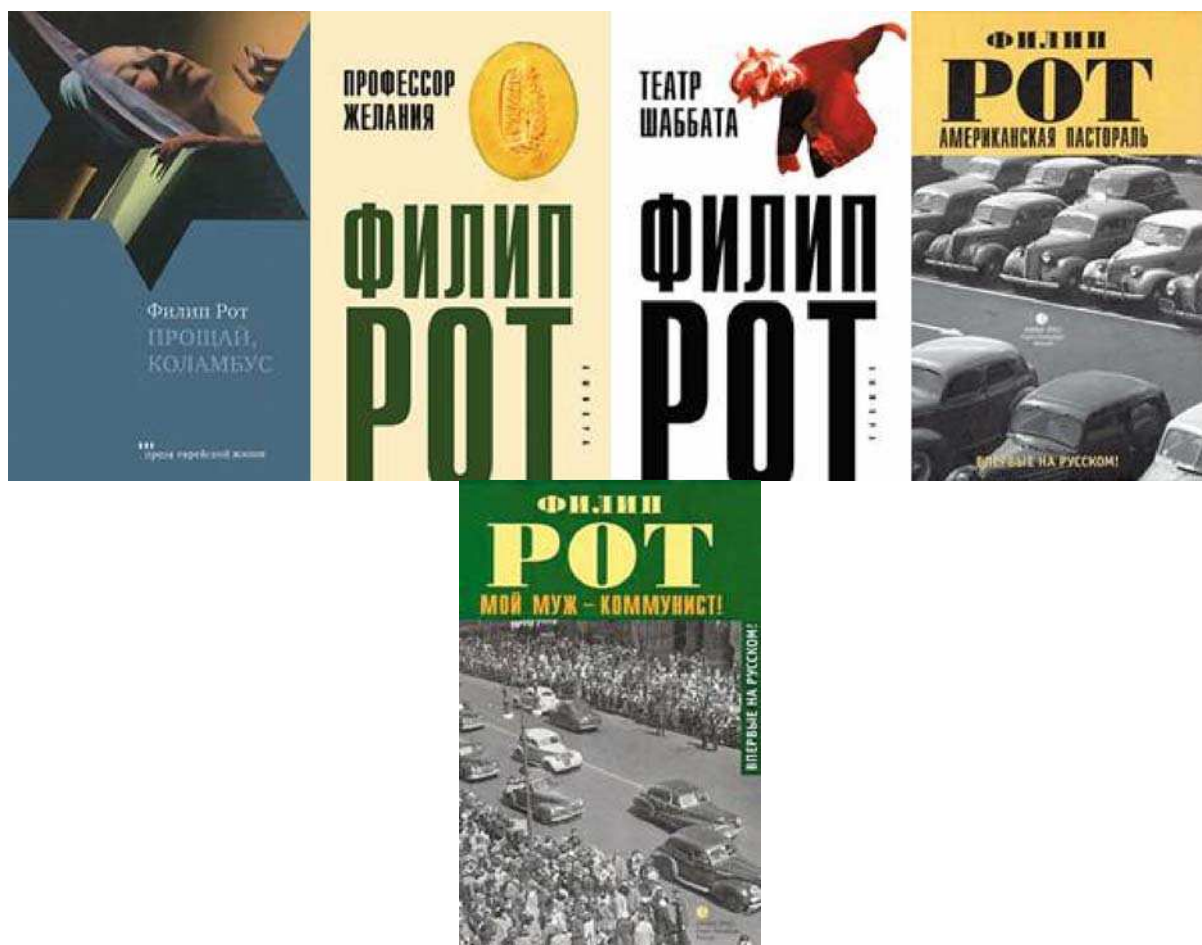
Одна из излюбленных Ротом ролевых ситуаций – интеллеktуал, сожительствующий с женщиной гораздо моложе себя и более низкого социального круга, эксплуатирующий ее сексуальную привлекательность и презирающий или, по крайней мере, равнодушный к ее духовным и душевным качествам, – в его изложении выглядит набоковской «Лолитой», окарикатуренной профессионалами из «Der Stu.lmer». Почти целомудренный гумбертовский «жестр страсти» (над которым уж как только не потешались) превращается здесь в хрестоматийный фаллоцентризм, долбящий по читательскому восприятию с упорством отбойного молотка, гумбертовская тонкая ирония и богатая литературная игра – в плоский юмор ловеласа и ни к селу ни к городу всплывающие цитаты из Шекспира, фрагменты биографии Кафки или перечни музыкальных шедевров и киноклассиков, призванные, очевидно, время от времени напоминать о профессорском статусе и недюжинной эрудиции героя. Не будем судить строго – с выхода «грязной книжонки», «ничем не сдерживаемой порнографии», не принятой к публикации ни одним американским издательством, прошли годы, стандарты литературной порнографии изменились, да и Виквахикская средняя школа – это вам не Тенишевское училище.

Из романа в роман повторяются мотивы и сюжеты, сцены и персонажи. Рано или поздно главного героя осчастлививляет какая-нибудь Биргитта, Дренка, Кэролайн или Оливия – раскрепощенная женщина, «одна на миллион», не уступающая ему в сексуальной смелости и предприимчивости. Однако, пестуя свой промискуитет, он и ей не может хранить верность, и ее рано или поздно бросает, о чем потом сожалеет – долго и занудно.

В историях сексуального становления главного героя – мальчика из еврейской семьи, стеснительного и неискушенного, который лишь в колледже, а то и после зарабатывает себе опыт, неотразимость и маниакальность, – обычно присутствует и антигерой, воплощение ненависти и страхов стандартного мачистского дискурса – одиозный «гомик», сосед по общежитию или даже преподаватель, человек талантливый, но крайне неприятный и глубоко несчастный, непрерывно занимающийся рукоблудием, ибо других путей удовлетворить свои потребности у него, естественно, нет, и неспособный даже признаться главному герою в своем влечении к нему (до любви у Рота слово и дело доходит редко, но вот без влечения к смазливому, наглому и болтливому еврейчику 18–70 лет обойтись, кажется, не может никто).

Эрос, как и положено, уравнивается танатосом, а также геронтосом и нозосом. Женские персонажи умирают от смертельных болезней или же пытаются покончить с собой, мужские – сидят на колесах от депрессии, оплакивают свое старение и

неустанно проверяют сохранность потенции. В общем, скучно жить на этом свете в ротовском мире, господа. Однообразно, грязно, нервно, противно. Да, изредка еще бывает смешно.

АИДИШЕ КТО-НИБУДЬ, ИЛИ ТОЖЕ МНЕ «АННА КАРЕНИНА»

Смешное в ротовском мире, как правило, связано с семьей и детством. В ранних произведениях – от повести «Прощай, Коламбус» (1959)^[6] до «Болезни Портного» и даже позже – с комическим началом все в порядке; в романах последних десятилетий сохраняются те же топоры и архетипы, но сентиментальная ирония теряется, и нервничность многочисленной еврейской родни не веселит и не умиляет, а лишь наводит на псевдопсихоаналитические спекуляции о влиянии гиперопеки на дальнейшую судьбу ребенка.

Детство героев Рота обыкновенно проходит в Ньюарке, городке в штате Нью-Джерси, в середине века заселенном еврейской и итальянской общинами, которые со временем были вытеснены черными. Отцы героев Рота обыкновенно ведут какой-нибудь мелкий бизнес (продают масло и яйца, держат кошерную мясную лавку) или служат в невысокой должности (страхового агента, например), а также исполняют роль аидише маме, впадая в истерику, если взрослый сын возвращается домой на двадцать минут позже обычного, и так и не обретая веру в то, что он способен самостоятельно перейти улицу. В том же амплуа может выступать тетя, ежедневно готовящая по несколько ужинов – на каждого из членов семьи – и беспокоящаяся, что у взрослого племянника не хватает носков, а также другие родственники, включая собственно маму, которая и после смерти оставляет сыну пластиковые контейнеры с едой.

Эти аидише кто-нибудь воспитывают отпрыска, всю жизнь демонстрирующего специ-фическую еврейскую маскулинность, маскулинность феминизированную, высмеянную в XIX веке европейскими сексологами и иными наблюдательными авторами антисемитского толка («евреи, в лучшем случае, полумужчины, полуженщины»), а затем возведенную к раввинистическим литературным образцам и тем самым легитимированную наукой в лице, прежде всего, Дэниела Боярина с его нашумевшей монографией «Негероическое поведение: Утверждение гетеросексуальности и изобретение еврейского мужчины».

Не беря на себя труд сравнения гендерных особенностей персонажей Рота и мудрецов Талмуда, а также бессмысленную смелость характеризовать какие-либо из них как фемининные, просто опишем homo rothus. Он сексуально интересен и неизменно взаимно заинтересован, если не сказать – озабочен. Рефлексивен, чувствителен и раним. Слабохарактерен, неуверен в себе или недоволен собой и истеричен. Эгоцентричен и эгоистичен, но не способен полностью утолить свой эгоцентризм и вообще не самодостаточен. Неудовлетворенный отцовским примером, его сомнительной еврейской маскулинностью, юный герой находит себе некий внесемейный авторитет – учителя, соседа, блудного кузена – и чтит в нем недостижимый для себя мужской идеал.

Воспитываемый с детства в категориях морали и человеческого достоинства, ежедневно призываемый «быть человеком» (за а менч), что, по мнению Рут Вайс, является константой еврейского воспитания и квинтэссенцией позиции еврейского народа по отношению к окружающему миру[7], homo rothus вырастает, тем не менее, свинья свиньей. Он может декларативно и эпатажно бунтовать против еврейских семейных нравов: «Давай не будем про жидовню и ее жидовские азохенвейчики. Неужели тебе и впрямь было бы интересно прочесть про еще одного папочку, и еще одну мамочку, и еще одного сыночка, и еще одну дочурку – и про то, как они затрачивают друг дружке мозги? Все эти приторные признания в любви, все эти страшные, но пустые проклятья, все эти блюда жидовской кухни...»[8] – но при этом, скорее всего, сохраняет внедренные принципы в сфере теоретической рефлексии. Сохраняет, кроме того, если не практическую семейность, то, по крайней мере, ориентацию на семью. Несмотря на возведенный в принцип промискуитет, герои Рота то и дело ищут себе постоянную пару, женятся и разводятся.

Развод или, шире, постепенный распад брака – один из самых частотных и важных у Рота сюжетов. Совсем центральное место он занимает в книге «Мой муж – коммунист!» (1998)[9], романе-мести, вышедшем через два года после публикации скандальных мемуаров актрисы Клэр Блум, бывшей жены писателя. Мемуары были озаглавлены «Покидая кукольный домик», но – как ретроспективно заметили остроумцы – могли бы называться «Мой муж – депрессивный нарциссист!». Как полагает рецензентка книги Блум, «даже при самом поверхностном чтении романов Филипа Рота <...> можно почувствовать, что их автор вряд ли является идеальным супругом»[10]. Как бы то ни было в реальности, творческая фантазия Рота наплодила этих неидеальных супругов в избытке; они неизменно ссорятся со своими женами, зачастую мерзко и вульгарно, затем долго и изобретательно обвиняя последних во всех грехах. Один из них, Дэвид Кипеш, герой «Профессора желания», вскользь спорит с Толстым: по его авторитетному мнению, «все несчастные семьи похожи друг на друга», – и творчество Рота с удручающим постоянством доказывает этот тезис.

ОТ ЭРОСА К ПОЛИТИИ, ОТ РУКИ МАСТЕРА К КОНВЕЙЕРУ

Известно, что у многих российских писателей в старости возникает непреодолимое желание стать ВПЗР, и они творят объемистые шедевры, проникнутые примитивным философствованием и неприкрытой дидактикой. Филип Рот, заслуженнейший

мэтр американской словесности, сам себя почитающий последним из могикан, наряду с двумя-тремя другими величинами, вроде Томаса Пинчона или Эдгара Доктороу, в новых своих романах тоже изменился, поубавив эроса в пользу социально- и историко-политической проблематики. Великих Прозрений и Учений здесь, к счастью, не наблюдается, а наблюдается лишь то, что один американский критик назвал «импульсом к документальному нарративу» и «одержимостью американской историей». Из последней Рот выбрал следующие – довольно магистральные – темы: реакция молодого поколения на войну во Вьетнаме («Американская пастораль», 1997)^[11], эпоха маккартизма и охоты на коммунистических ведьм («Мой муж – коммунист!»), расизм и борьба с расизмом вплоть до перегибов политкорректности («Людское клеймо», 2000)^[12], изоляционизм и фашизм в годы второй мировой войны («Заговор против Америки», 2004)^[13], война в Корее и борьба студенчества за секуляризацию и либерализацию колледжей («Возмущение»).

Темы, надо признать, именно что из американской истории, а не, скажем, из еврейской. Рот вообще не любит, когда его называют «еврейским писателем», относя себя исключительно к американской нации и американской культуре – по языку, во всех же словосочетаниях со словом «еврейский» видя одни ярлыки:

– *...Все это газетные клише. Еврейская литература. Черная литература. Каждый читатель, открывая книжку, погружается в текст, не замечая этих ярлыков.*

– *Но в вас видят американо-еврейского писателя. Это что-нибудь для вас значит?*

– *Эта тема меня не интересует. Я очень хорошо знаю, что значит быть евреем, и это, правда, неинтересно. Я – американец. Об этом невозможно говорить и не упереться в ужасные клише, которые вообще ничего не сообщают о людях. Америка – это в первую очередь мой язык. А все эти ярлыки, якобы обозначающие нашу идентичность, не имеют ничего общего с тем, как мы действительно проживаем нашу жизнь. <...> Я не согласен с тем, будто я пишу еврейско-американскую прозу. И я не верю аналогичной чепухе о черной литературе или феминистской литературе. Это все ярлыки, придуманные в политических целях ^[14].*

Сколь бы ни был притягателен своей бесконечностью спор о национальной лояльности и культурно-языковой идентичности, важно то, что обращение к любой историко-политической проблематике представляется в данном случае однозначным спасением, как всякое воспарение в интеллектуальную высь от сублимации навязчивых неудовлетворенных физических желаний, мучающих не только героев, но и автора:

– *Вы знаете, страсть не меняется с возрастом, но вы меняетесь – вы стареете. Тяга к женщинам становится более острой. И в сексе появляются сила и эмоции, которых не было раньше. Потребность в женском теле становится все более настоящей ^[15].*

Если в эссе 1961 года «Как писать американскую беллетристику» Рот отмечал трудности описания современной истории: «Она приводит в оцепенение, вызывает тошноту, выводит из себя и, наконец, только мешает авторскому скудному воображению», – то теперь его герои (резонеры ли?) красноречиво противопоставляют физиологию истории в пользу последней:

За окнами ваших общежитий занимается пламя мировой войны, а вы дробите на женские трусики! За окнами домиков, в которых вы живете дружными студенческими братствами, ежедневно вершится всемирная история: идут войны, происходят авианалеты,

повсеместно льется кровь, а вам на все наплевать! Но плевать вам, поверьте, осталось уже недолго! Можете быть круглыми идиотами, <...> но История в конце концов настигнет и вас[16].

Историческая проблематика стала уже одним из элементов фирменной ротовской мозаики. Пример профессионального складывания такой мозаики из наработанных и отработанных – ни единого нового – камушков являет собой роман «Возмущение»: детство в Ньюарке; аидише тате и, напротив, разумная и сдержанная мама; колледж; агрессивный гомосексуал-сосед; сексуальное становление героя при помощи более опытной и раскованной девушки; толика социально-исторической проблематики – борьба за либерализацию нравов и смягчение университетского устава, а также пацифистский пафос – главный герой 19-летним мальчиком гибнет на Корейской войне. Некоторые критики, чьи рецензии, большей частью состоящие из пересказа романа, по объему приближаются к пересказываемому объекту, восхищаются этим пафосом, равно как и мастерским умением Рота писать о современности[17]. Другие критики, отмечая, что «Возмущение» состоит из ключевых элементов типичного «кампусного романа» – «рейд за трусиками» (panty raid), злой декан, студенческий бунт, фонтанирующая эякуляция, – находят его «недостаточным», «несоразмерным подразумеваемой в нем трагедии»[18]. Последняя оценка представляется более адекватной. «Возмущение» выглядит не как целый новый роман, пусть собранный из старых деталей, а как его экспозиция. Главного героя убивают, но мы знаем, что с тем же успехом он мог бы не попасть в Корею, а закончить колледж, стать профессором английской литературы или creative writing, жениться-развестись, завести пару любовниц, поссориться с начальством и уволиться, переехать в Нью-Йорк, впасть в депрессию, и т. д.

«Возмущение» – последнее на данный момент творение мэтра, но заявлены уже романы 2009 (к юбилею писательской деятельности!) и 2010 годов – № 30-й и 31-й в

библиографии Рота – с однотипными «Возмущению» названиями: «Смирение» и «Возмездие». Оба они, насколько мы знаем, будут продолжать две центральные для прозы Рота темы – эроса/танатоса и историко-политических реконструкций: «Смирение» (еще тоньше «Возмущения» – всего 112 страниц в англоязычном издании) поведает нам о стареющем актере и его «необычных сексуальных желаниях», а «Возмездие» – об эпидемии полиомиелита в Ньюарке в 1944 году и ее воздействии на жизнь еврейской общины.

[1] Пример возмущенной рецензии на «Театр Шаббата», посвященной деградации новых героев Рота по сравнению со старыми: Michiko Kakutani. Mickey Sabbath, You're No Portnoy // The New York Times. August 22, 1995.

[2] По-русски издавался также под названием «Случай Портного»: СПб.: Лимбус Пресс, 2003.

[3] Русское издание – СПб.: Амфора, 2009 (перевод В. Капустиной).

[4] Русское издание – СПб.: Амфора, 2009 (перевод В. Топорова).

[5] См. рецензию: Лехаим. 2008. № 5.

[6] Рот Ф. Прощай, Колумбус: Повесть и рассказы / Пер. В. Гольшева, Л. Беспаловой. М.: Книжники, 2008 (серия «Проза еврейской жизни»).

[7] Вайс Р. Евреи и власть. М.: Текст/Книжники, 2009. С. 7–9.

[8] Рот Ф. Профессор желания / Пер. В. Топорова. СПб.: Амфора, 2009. С. 219–220.

[9] Русское издание – СПб.: Лимбус Пресс, 2007 (перевод В. Бошняка).

[10] Elizabeth Gleick. Claire Bloom's Complaint // Time. September 30, 1996.

[11] Русское издание – СПб.: Лимбус Пресс; Издательство К. Тублина, 2007 (перевод В. Кобец и Н. Кулаковой).

[12] Русское издание – СПб.: Амфора, 2008 (перевод Л. Мотылева).

[13] См. рецензию: Лехаим. 2008. № 5.

[14] Philip Roth: It no longer feels a great injustice that I have to die // The Guardian. December 14, 2005.

[15] Там же.

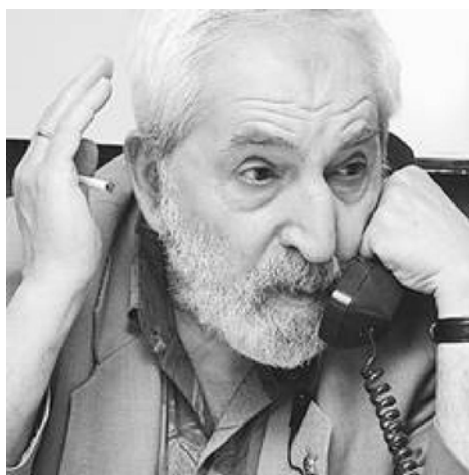
[16] Рот Ф. Возмущение / Пер. В. Топорова. СПб.: Амфора, 2008. С. 225.

[17] Charles Simic. The Nicest Boy in the World // The New York Review of Books. October 9, 2008.

[18] Molly Young. Philip Roth's Indignation // Stop Smiling Magazine. September 18, 2008.

АЛЕКСЕЙ СИМОНОВ: «СИВЦЕВ ВРАЖЕК – ЭТО ТЕПЛАЯ ВАРЕЖКА МОЕГО ДЕТСТВА»

Аהאמא אהאמא י' עוהעו יאהעיוו אהי

– Алексей Кириллович, в издательстве «Новой газеты» выходит ваша книга «Парень с Сивцева Вражка». Расскажите, пожалуйста, о ней – как она задумывалась, как создавалась, что туда вошло?

– Существует такая не мной придуманная традиция – раз в десятилетие подводить итоги. Десять лет назад я собрал всякие размышления и воспоминания и сделал книгу под названием «Частная коллекция», вышла она в нижегородском издательстве «Деком». Когда впереди замаячило семидесятилетие, я решил сделать еще одну примерно такую же книгу, тем более что в «Частную коллекцию» вошло далеко не все, и в послесловии об этом было написано.

Я должен был написать о своих двух бабках и двух дедах, каждый из которых прожил длинную жизнь, больше восьмидесяти лет, то есть на четверых 320 лет живого человеческого опыта – уже неплохо. Начал я с историй, связанных с моим собственным детством, с тем местом, где я вырос, с Сивцевым Вражком. В этот дом меня привезли из Грауэрмана, всего измазанного зеленкой, как свидетельствуют довольно многочисленные очевидцы. «Мать моя меня рожала туго», промучилась трое суток, что-то было не так, и в конечном счете меня извлекали с помощью щипцов.

На Сивцевом жила одна часть моего семейства – дед, Самуил Моисеевич Ласкин, его жена Берта Павловна, в девичестве Аншина, и три сестры, их дочери, Фаня, Соня и Женя, моя мама. Сивцев был постоянной точкой притяжения этой семьи, и даже когда большая часть вышеперечисленных людей жила уже в других местах, в доме на Сивцевом постоянно собирались. Это была такая традиция, от которой не хотелось отказываться. Сивцев умел влюбить людей друг в друга, прошедшие через него никогда не совершали подлостей – по крайней мере по отношению к самому Сивцеву Вражку.

Любимыми гостями этого дома были вторые бабка с дедом. Семья отца была военно-дворянская, бабка – княжна Оболенская, дед – подполковник царской армии, перешедший в Красную Армию и дослужившийся в ней в конечном счете тоже до чина подполковника. Это была совсем другая семья – по происхождению, по жизненным установкам, но с Ласкиными они стали ближайшими друзьями. А мостиком, по которому они друг к другу ходили, был все-таки я, и они бдительно поддерживали здоровье этого мостика, в этом смысле мне очень повезло.

Сивцев Вражек – это теплая варежка моего детства, та варежка, которую надевают на руку, чтобы почувствовать себя уютно. Это место, которому я обязан большей частью того, что я есть, – тем, чем я стал, тем, что служит основой моих взаимоотношений с людьми, с друзьями и даже с недругами.

– То есть «действие» всей книги происходит на Сивцевом Вражке?

– Не совсем. Вторая важная ее тема – история фамилии Симонов. С этой темой я столкнулся в 2005 году, когда делал двухсерийный документальный фильм об отце «Ка-Эм». Дело в том, что мой дед, Александр Григорьевич Иванишев, не был родным отцом моего отца. Константин Михайлович родился у бабки в первом браке, когда она была замужем за Михаилом Симоновым, военным, выпускником Академии Генштаба, в 1915 году получившим генерал-майора. Дальнейшая его судьба долго была неизвестна, отец в автобиографиях писал, что тот пропал без вести еще в империалистическую войну, затем и вовсе перестал его поминать. В процессе работы над фильмом я нашел письма бабки начала 20-х годов ее сестрам в Париж, где она пишет, что Михаил обнаружился в Польше и зовет ее с сыном к себе туда. У нее в это время уже был роман с Иванишевым, да, видимо, было и еще что-то в этих отношениях, что не позволило их восстановить. Но фамилию Симонов бабка все же сыну сохранила, хотя сама стала Иванишевой.

– А какие-то «несемейные» фрагменты в книге есть?

– Да, туда вошли мемуарные очерки – о Симоне Маркише, о Всеволоде Вильчек. Ненаписанным остался портрет Ярослава Смелякова. А вот очерк о Владимире Луговском я дописал и в эту книгу включил. В предыдущей книге у меня были портреты Слуцкого и Самойлова, а в новую вошли очерк о Владимире Корнилове, набросок портрета Евтушенко. Вообще, мне очень повезло в жизни. Родители мои были людьми литературными, мать с 1956 года заведовала отделом поэзии в журнале «Москва», и многие из самых замечательных русских поэтов второй половины XX века были ее друзьями, друзьями дома и, смею сказать, в какой-то степени и моими друзьями.

Вошел в книгу и мемуар, посвященный английской спецшколе № 1 в Сокольниках, где я учился. Это был советский лицей – не совсем царскосельский, скажем прямо, но тем не менее что-то лицейское там было, и об этом я постарался написать.

Когда я стал собирать из всего этого книгу, то выяснилось, что она не стоит без некоей скрепы, без нее даже переходы от одной части к другой кажутся не очень оправданными. Такой скрепой оказались мемуары о матери, которые я когда-то написал для «Огонька». Я вынул оттуда основные куски, добавил их в книгу, и они там очень органично встали.

– В жизни дома на Сивцевом еврейское как-то ощущалось?

– Вы знаете, Сивцев Вражек не был еврейским домом – это был дом, где живут евреи, которые этого совершенно не стесняются, но которые этим не бравируют, у которых начисто отсутствует то, что называется религиозным чувством. Бабка с дедом помнили идиш, дочки, кто поспособнее, понимали, но не говорила на идише уже ни одна.

Собственно, вся еврейскость этой истории стала очевидной после одного эпизода. В 1957 году наш приятель привез из Америки большой диск Теодора Бикела с песнями черты оседлости. И я увидел, как эти песни слушает дед. Вот, наверное, с Бикела началось мое пристрастие к еврейской интонации – в литературе, в музыке, в пении.

Кстати, в 1971 году я снимал фильм об Утесове и принес ему эту пластинку, думая, что на него это произведет сильное впечатление. Но Леонид Осипович только хмыкнул и сказал: «Я это пел раньше и пел лучше». Действительно, песни четыре в репертуаре Бикела и Утесова совпадали.

В самом фильме еврейская тема, разумеется, не возникла. Но мне было легко понять, что еврейского в утесовских интонациях и какое значение это имеет. Уникальность Утесова заключалась в первую очередь в абсолютно органичном сочетании юмора и пессимизма. Он, вроде бы певший самые бодрые песни своего времени, тем не менее оставался ироническим пессимистом. Это ощущение, которое мне удалось сохранить и в картине, дорогого стоит, а уловить его я смог благодаря тому, что пережил и обдумал на Сивцевом.

– **А в произведениях Константина Михайловича Сивцев присутствует?**

– В романе «Так называемая личная жизнь» есть персонаж по фамилии Гурский, за которым в известной степени стоит Александр Кривицкий, зам отца в «Новом мире», в «Литературке», снова в «Новом мире», человек разный, не сильно улучшивший отцовскую репутацию, но которому отец очень долго и истово верил. Так вот Гурский в последней части романа погибает в момент вступления наших войск в Пруссию. И главный герой, Лопатин, приезжает в Москву и должен сообщить родным Гурского о его смерти. Там есть такая сцена, где он приходит к Гурскому домой, и отец меня спросил: «Узнаешь?» Я сказал, что нет, и отец пояснил, что мама Гурского списана с Берты Павловны.

Другой эпизод. Переводим мы с ним «Цену» Артура Миллера. Сначала я начерно все перевел, а потом отец, не знавший английского, но, в отличие от меня, хорошо знавший театр, сел править. А там один из главных персонажей – 85-летний еврей, торговец подержанной мебелью. И отец спрашивает: «Почему так странно расставлены слова в

репликах Грегори Соломона?» «А ты вспомни, – отвечаю. – Это точная интонация деда». Отец подумал и согласился. Так это и осталось. Потом эту роль играл Стржельчик – замечательно. Благодаря этому ходу он мог не имитировать акцент, для передачи еврейской интонации хватало общей конструкции фразы.

– У Константина Михайловича, несмотря на военно-дворянское происхождение, в 60–70-х годах в «патриотических» кругах была стойкая репутация филосемита – то, что на их специфическом жаргоне называлось «шабес гой». По вашим ощущениям, это так?

– Ну, смотрите: первая жена отца – Ата Типот, дочь известного юмориста Виктора Типота, – еврейка, вторая – моя мама – тоже. Согласитесь, что без определенного юдофильства такое вряд ли может случиться.

Если серьезно, отец испытывал чувство вины. Никуда не денешься, он действительно принял участие в развертывании антикосмополитской кампании...

– В последнем, надиктованном, произведении Константина Михайловича, «Глазами человека моего поколения», как раз на месте рассказа об этой кампании зияет лакуна. С чем это связано?

– Это было для него самое трудное. Поэтому он оставил этот фрагмент на конец. И не успел. Так что это лакуна по обстоятельствам жизни и смерти. Есть подступы к такому рассказу, есть какие-то отцовские объяснения. Но, видимо, они казались ему недостаточными для той степени откровенности, которую он пытался вложить в эту книгу.

Ведь он диктовал ее в стол, чего никогда не делал. Первой рукописью, создававшейся им без надежды на публикацию, были воспоминания о Жукове, из которых он смог напечатать только один кусок. А потом эта книга.

Но у нее есть один смешной недостаток: она продиктована в 1979 году, а вышла в 1988-м. Представьте себе, что она появилась бы в конце 70-х, – как изменилось бы ее восприятие. Да, там есть много вещей, которые недоговорены, недодуманы, недоформулированы, но тем не менее.

– Насколько Константин Михайлович мог бы принять происходящее в стране, проживи он еще лет десять?

– У отца была способность постоянно меняться. В последние годы от него можно было услышать политические высказывания, которые раньше в его устах были совершенно непредставимы – например, как-то он сказал, что не бывает выборов, когда существует только одна партия и от нее есть только один кандидат. Не понимать этого он не мог и раньше, но произнести...

И у меня есть полное ощущение, что он готов был меняться и дальше. Не думаю, что его шокировали бы горбачевские реформы. Вот то, что началось в 90-х, – да, шокировало бы безусловно. Но до 1988–1989-го я его вполне себе представляю. Дальше – нет.

ВЕСЬ ЭТОТ ДЖАЗ

Ī eōāēē Ī āēēĭā

Проходившая со 2 по 7 сентября на ВВЦ XXII Московская международная книжная выставка-ярмарка впервые проводилась в новом павильоне. Событие это не такое внешнее, как может показаться на первый взгляд. В Аданном случае перемена места стала знаком смены концепции или, по крайней мере, шагом в новом направлении.

М. Куль

Во время презентации книги М. Куля

Б. Рукинглуз

Новый павильон, разделенный на два больших отсека, просторнее и светлее прежних, пространство в нем гораздо разреженнее, проходы между рядами шире. Акустика здесь не то чтобы лучше, но звук распространяется правильнее – вполне долетает до «ближних», не терроризируя «дальних». Пресс-залы по-прежнему лишены крыш, однако какой-нибудь круглый стол теперь не парализовал работу всех окрестных стендов. Кафе-зоны стали похожи на кафе-зоны – появились даже детские площадки, и массовикозатейники от «Ого-Города» обучали детей лепить пряники, пока родители спокойно пили

кофе. Наконец, на ярмарке впервые за много лет можно было дышать – как сформулировал директор издательства «Время» Борис Пастернак, «если раньше мы выбегали глотнуть воздух из павильона на улицу, то теперь бежим с улицы в павильон». В общем, на смену русской парной пришло почти европейское экспозиционное пространство.

Если переходить от формы к содержанию, то, прежде всего, следует отметить, что, вопреки паническим ожиданиям, на ярмарке были практически незаметны следы кризиса. По крайней мере, в том, что касается ассортимента. Не говорю уж о монстрах, вроде «АСТ» или «Эксмо», которые с каждым годом – кризис, не кризис – становятся все монстрее и монстрее, но и маленькие гуманитарные издательства, и раньше-то выпускавшие по несколько книг в год, заявили на ярмарку не с неликвидами, а вполне даже с новинками.

Не испортили общей картины и издательства, специализирующиеся на еврейской литературе. «Мосты культуры» приурочили к старту нового книжного сезона выход второго тома «Хасидских историй» Мартина Бубера и книги Марка Даймонта «Евреи, Б-г и история» – одного из главных еврейских бестселлеров в Америке и в мире, активно распространявшегося в России еще в советские времена, в самиздатском переводе. Издаваемая «Книжниками» и «Текстом» «Чейсовская коллекция» приросла научным изданием «Книги хазара» Йеуды Галеви, а «Проза еврейской жизни» – переводом романа голландки Джессики Дюрлахер «Дочь».

А вот программа околярмарочных мероприятий на сей раз заметно просела. Стенд Израильского культурного центра открывали посол Израиля в России Анна Азари и глава «Сохнута» Натан Щаранский, сказавшие все положенные слова и перерезавшие все положенные ленточки, но наличие высоких официальных лиц не могло скрыть провал собственно литературной части. Вовсе не хочу обидеть прозаика и переводчика Эфраима Бауха и журналиста и писателя Владимира Лазариса, которым ИКЦ уготовал роль «гвоздей» программы, – оба они весьма авторитетные литераторы, вполне заслужившие авторский вечер в ЦДЛ. Просто после того, как в прошлом сентябре ИКЦ организовал визит в Москву авторитетнейшего переводчика Аминадава Дикмана и крупнейшего израильского критика Ариэля Хиршфельда, то есть людей, реально определяющих литературную жизнь Израиля, от программы культурного центра и в этот раз ждали высокого уровня не только политического, но и литературного представительства. Увы.

Не спасли ситуацию и другие гости. Борис Дубсон, автор недавно вышедшей в издательстве «Крафт+» истории кибуцного движения, – писатель вполне достойный, да и Леонид Гомберг, анализирующий в своей книге «Израиль и Фараон» соответствующие разделы Танаха, тоже имеет право на презентацию. Но почему из множества книг еврейской тематики оказались отобраны именно эти две? Событиями встречи Дубсона и Гомберга с читателями стать заведомо не могли, окажись на их месте другие авторы и книги – многие ли бы это заметили? Случайное, конечно, не значит плохое, но...

Отчасти выручили джазист Михаил Куль и прозаик Дина Рубина. Последняя, только что выпустившая новый роман «Белая голубка Кордовы», стала гостем «литературного пикника», устроенного в культурном центре уже после закрытия ярмарки, и единственной настоящей «звездой» в списке гостей ИКЦ этого года. Если, конечно, не считать пианиста лучших московских диксилендов 60-х Михаила Кулля, который, впрочем, «звезда» музыкальная, а не литературная. Но – выпустил мемуарную книгу «Ступени восхождения», приехал из Израиля, где живет последние годы, собрал друзей – клавишника Всеволода Данилочкина, трубача и вокалиста Евгения Баранова, кларнетиста Игоря Тертычного, тромбониста Бориса Рукинглуза, певца Владимира Сидорковича – и порадовал публику часом традиционного джаза в исполнении профессионалов высочайшего класса. Ко

всему еще и погода поспособствовала, так что народу перед уличной сценой на ВВЦ собралось немало.

Издательство «Мосты культуры / Гешарим» за последнее время приучило своих читателей и всех интересующихся еврейской книгой к программе «Спутник ярмарки», в рамках которой проводились презентации, круглые столы и проч. На сей раз, однако, пришлось довольствоваться всего одним мероприятием – презентацией книги крупнейшего израильского интеллектуала, историка средневековой еврейской и арабской философии Шломо Пинеса «Иудаизм, христианство, ислам: парадигмы взаимовлияния», вышедшей в серии «Вид с горы Скопус». Вечер был задуман как диалог представителей трех конфессий, и место было выбрано соответствующее – Московский дом национальностей. Однако в последний момент выяснилось, что христиане и мусульмане не пришли, отчего презентация только выиграла. Вместо предсказуемых общих слов о дружбе между народами и религиями состоялась серьезная академическая дискуссия, в которой приняли участие арабист, член-корреспондент РАН Андрей Смирнов, приветствовавший выход книги Пинеса как напоминание о стандартах классического востоковедения, попорченных Эдвардом Саидом с его концепцией «ориентализма», завкафедрой иудаики ИСАА при МГУ Аркадий Ковельман, профессор РГГУ Леонид Кацис, раввин Александр Фейгин и переводчицы книги Елена Федотова и София Копелян. От имени московского правительства собравшихся приветствовал зампреда Комитета межрегиональных связей и национальной политики Евгений Чернецов.

Посол Государства Израиль А. Азари с Й. Тавором

А. Ковельман, А. Фейгин, С. Копелян и Л. Кацис

В рамках проекта «Эшколь» на ВВЦ был устроен детский утренник «Как растят аистят» – по одноименной книге идишского поэта Зиновия Телесина, переведенной Асаром Эппелем. Утренник прошел вполне успешно, но все же большего внимания – в силу оригинальности задумки – заслуживает другое «эшкольское» мероприятие, также, впрочем, связанное с именем и творчеством Эппеля: литературно-кулинарный перформанс «Останкинский крешон». Шеф-повар ресторана «Шафран», Роман Гершуни готовил блюда, описанные в эппелевских рассказах, а автор тем временем рассказывал про то, что и как ели и пили в послевоенной Москве. Разумеется, не обошлось и без завершившей перформанс дегустации.

Перформанс прошел в Центре современного искусства «Винзавод» в рамках трехдневного фестиваля «Bookmarket», который позиционировался как альтернатива «заплесневелым» ММКВЯ и «non/fiction». Ничего особо альтернативного в фестивале, слава Б-гу, не оказалось, но программа его (в которой, впрочем, было не больше полутора десятков мероприятий) получилась вполне симпатичной. Чтения Линор Горалик, встреча с Максимом Амелиным или лекция кинокритика Романа Волобуева вполне могли бы состояться на ВВЦ или в ЦДХ – но состоялись на «Винзаводе». Тоже неплохо.

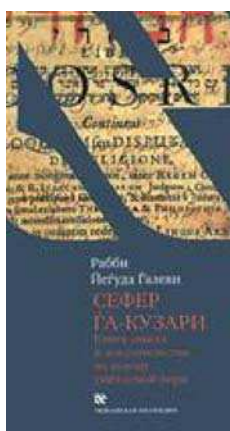
СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ, А РАЗУМ В ДАЛЕКОМ ИТИЛЕ

Рабби Йеуда Галеви

Сефер а-кузари (Книга хазара). Книга ответа и доказательства по поводу унижаемой веры

Пер. и примеч. И. Стрешинского

М.: Книжники / Текст, 2009. – 432 с. (Серия «Чейсовская коллекция».)

Несколько неожиданно в книжной серии «Чейсовская коллекция», до сего момента состоявшей из научно-популярной литературы и академической эссеистики, вышло издание памятника – знаменитой Сефер а-кузари Йеуды Галеви. Впрочем, в каком-то смысле и Кузари можно отнести к религиозно-философской эссеистике, было бы желание.

Йеуда Галеви (1075[?] – 1141), он же Абульхасан аль-Лави, один из самых ярких деятелей золотого века испано-еврейской культуры, поэт и философ, блестяще образованный интеллектual, коммерсант и придворный медик, персонаж совершенно культовый, окруженный толпой поклонников, был, ко всему прочему, фигурой глубоко трагической. Или, по крайней мере, транслировал трагическое мировоззрение в своей поэзии. Наиболее выразителен в этом отношении самый известный поэтический цикл Галеви – «Песни Сиона», или «Сиониды», – лирический герой которого разрывается конфликтом между чувством+долгом и жестокой реальностью («Сердце мое на Востоке, а сам я на крайнем Западе»). Поскольку вся диаспорная еврейская культура пронизана тоской по Земле обетованной, неудивительно, что «Сиониды» стали одним из самых переводимых сочинений Галеви. Судьба автора, в разных версиях его биографии, воплотила трагическую доминанту его творчества, подтвердив фатальную нереализуемость его заветного стремления: Галеви то ли умер в Александрии, так и не успев отплыть оттуда в Палестину, то ли, едва достигнув ворот Иерусалима, был затоптан арабским всадником.

Помимо Сиона, как известно, разрытого лисами и заселенного сарацинами, у относительно благополучных испанских евреев рубежа тысячелетий был другой восточный идеал, к которому можно было трагически стремиться, – иудейский Хазарский каганат. Основная компонента этого стремления была скорее политическая, чем религиозная, но

стремление все равно оставалось весьма возвышенным, не корысти ради. Так, видный придворный еврей X века, Хасдай Ибн-Шапрут, готов был пожертвовать своим немалым состоянием и высоким положением в халифате ради того, чтобы вкусить политической независимости, а точнее, гражданского равноправия под властью монарха-единоверца.

В Сефер а-кузари («Книге Хазара», а в авторском названии – «Книге ответа и доказательства по поводу унижаемой веры»), апологии иудаизма, изложенной в форме полемики с перипатетической философией, а также с основными конкурентными иудаизму религиями – исламом и христианством, Йеуда Галеви обращается как раз к хазарскому сюжету, на тот момент политически уже неактуальному – благодаря князю Святославу и коварным хорезмийцам. Но Галеви интересует не историческая реальность, а архетипическая модель выбора веры. В первой части Сефер а-кузари философ-аристотельянец, христианин и мусульманин излагают перед хазарским каганом свои учения; четыре же последующие части представляют собой диалог между каганом и евреем, который в конце концов убеждает царя в ложности всех прочих доктрин и истинности иудаизма.

Настоящее издание памятника призвано представить русскоязычному читателю перевод, как можно более точно передающий оригинальный текст. В отличие от предыдущего (изд-во «Шамир», 1980), новый перевод сделан с арабского оригинала книги, а не с более позднего перевода ее на иврит провансальскими переводчиками. Кроме того, новое издание содержит богатый справочный аппарат (примечания, глоссарий, библиографию и даже такие базовые справочные данные, как перечень книг Танаха и месяцев еврейского календаря), приложения, включающие фрагменты из других источников по еврейско-хазарской теме, и обширное введение, посвященное биографии Йеуды Галеви и истории создания, изданий и переводов его *opus magnum*. Таким образом, и «Чейсовская коллекция» внесла свой вклад в длинную историю переводов и изданий Кузари, призванный донести сей труд до разноязыких растерянных и заблудших, равно как и праздно любопытствующих и просто скромных исследователей иудаики.

Áààèä Áàòò

ОТ МЕРТВОГО МОРЯ ДО БРИТАНСКИХ МОРЕЙ

Владимир Гопман

Любил ли фантастику Шолом-Алейхем? Статьи о современной – и не только – фантастической литературе

Липецк: Крот, 2009. – 172 с.

Вопрос, вынесенный в название книги, является риторическим. На него вовсе не обязательно отвечать «нет». И без того понятно, что Шолом-Алейхем (как и Менделе Мойхер-Сфорим, как и Ицхак-Лейбуш Перец) к фантастическому жанру – в современном понимании этого определения – прямого отношения не имел и едва ли был прилежным читателем Жюль Верна, Герберта Уэллса и уж тем более Хьюго Гернсбека. Однако имя классика еврейской литературы упомянуто здесь все-таки не случайно: в заглавной статье, давшей название всему сборнику, известный литературовед Владимир Гопман, автор сотен публикаций на темы science fiction и fantasy, подробно анализирует роль и значение «еврейской компоненты» в мировой фантастике – от Теодора Герцля, выпустившего утопический роман «Земля старая и новая» (1902), до Даниэля Клугера и Песаха Амнуэля – русскоязычных фантастов сегодняшнего Израиля.

Перечисляя имена нынешних израильских фантастов, пишущих на иврите (Давид Меламуд, Амос Кенан, Беньямин Таммуз, Рэм Моав), критик специально оговаривается, что пока состояние ивритоязычной НФ, начавшей развиваться в стране только в конце 70-х годов, оставляет желать много лучшего – в то время как произведения многих авторов-фантастов еврейского происхождения, пишущих или писавших на английском, русском, польском и иных языках, признаны лучшими образчиками жанра. Достаточно вспомнить имена Айзека Азимова и Роберта Блоха, Сирила Корнבלата и Фредерика Пола, Нормана Спинреда и Генри Каттнера, Станислава Лема и братьев Стругацких, Дмитрия Биленкина и Георгия Гуревича, Ильи Варшавского и Геннадия Гора. И если, например, в англоязычном мире еврейские корни писателей-фантастов никоим образом не мешали продвижению их книг к читателям, то по нашу сторону «железного занавеса» ситуация была иная. Даже мировые величины чувствовали давление системы: тот же Лем, например, в недавно переведенных на русский язык письмах печально констатировал долго существовавший вокруг его текстов «заговор молчания» в родной Польше, не изжившей родовых пятен государственного антисемитизма. В этой же связи автор рецензируемой книги упоминает, например, историю московской публикации романа Евгения Войскунского и Исаея Лукодянова «Ур, сын Шама» и последовавшие вскоре обвинения создателей книги в «сионистской пропаганде».

Гопман – член британского Общества Г.Дж. Уэллса, переводчик, составитель многих антологий, признанный знаток англоязычной фантастики, специалист по творчеству Джеймса Балларда, Майкла Фрейна, Брайана Олдисса, статьи о которых также вошли в сборник. Важное место в книге занимает очерк творчества Уильяма Морриса. Этого автора принято считать создателем первой коммунистической утопии «Вести ниоткуда» – и, как правило, этим и ограничиваться. Гопман же, отдавая должное этому произведению, знакомит читателя и с иными гранями дарования писателя, полагая, что с художественной точки зрения куда больший интерес представляют семь романов Морриса в жанре фантастического эпоса, пять из которых успели выйти еще при жизни автора, а еще два – уже после его смерти. Впрочем, на русском языке поздний Моррис представлен крайне скупо – и то же самое, к сожалению, можно сказать о произведениях названных выше Балларда и Фрейна.

Несколько статей книги являют собой амальгаму литературоведения и мемуаристики, поскольку автор был знаком со своими «персонажами», а с некоторыми и близко дружен. Среди его героев – и Виталий Бугров, сумевший превратить журнал «Уральский следопыт» из заштатного издания для школьников в «центр кристаллизации» отечественной фантастики, и Сергей Снегов, выживший в сталинских лагерях и написавший первую советскую «космическую оперу» «Люди как боги», и Александр Мирер, автор не только фантастического романа «Дом скитальцев», но и оригинальных исследований творчества Михаила Булгакова, опубликованных под псевдонимом Зеркалов, и Аркадий Стругацкий. Гопман называет их «рыцарями фантастики». Выражение не кажется высокопарным. Всех этих людей, которые посвятили жизнь любимому жанру, действительно отличали высокий профессионализм в сочетании с человеческой порядочностью. «Как же мы бываем сдержанны, а то и скупы на выражение своих чувств, когда человек жив, – и так, увы, становимся словообильны, когда он уходит... – с горечью замечает автор. – Надо успеть сказать при жизни другу, что он для тебя значит, и говорить это чаще, чтобы прибавилось ему сил и бодрости, позволило – даже в случае самой тяжелой болезни – прожить еще немного...»

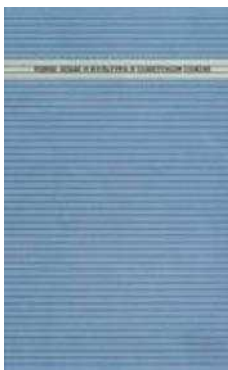
Di i ai Adae oi ai

ИДИШ КАК РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

Идиш: язык и культура в Советском Союзе

Ред. Л. Кацис, М. Каспина, Д. Фишман

М.: РГГУ, 2009. – 491 с.

В 2006 году Российско-американский центр библеистики и иудаики РГГУ провел международную научную конференцию, посвященную бытованию идиша и культуре на идише в Советском Союзе. И вот наконец-то издан сборник, в который вошли материалы конференции, а также бонус – библиографический указатель публикаций на идише в СССР в 1961–1991 годах. На конференции впервые за долгие годы прозвучали доклады на идише. Подчеркивая связь с традициями советской академической идишистики, составители посвятили сборник памяти М. Шульмана, Х. Бейдера и Ш. Сандлера, видных советских идишистов, преподававших в РГГУ в начале 1990-х годов.

Интерес к академическим исследованиям в области Yiddish Studies заметно вырос в последние десятилетия. Ученые получили доступ к архивам, появилось новое поколение российских исследователей. Центр библеистики и иудаики РГГУ предпринял немало усилий для того, чтобы такая конференция и такой сборник стали фактом научной действительности.

Сборник открывается статьей израильского ученого М. Альтшулера, посвященной основным этапам развития советской культуры на идише, таким ее аспектам, как школа, театр и литература. Именно эти стороны советского эксперимента с идишем наиболее показательны. И материалы сборника сосредоточены в основном вокруг этих тем.

В сборнике шесть тематических разделов: Идиш и советская национальная политика; Литература и драма на идише; Между русской и еврейской литературой; Школы, наука и культурная жизнь; Советский театр на идише; Фольклор и этнография.

Не имея возможности подробно останавливаться на каждой статье и каждом авторе, мы хотели бы отметить некоторые очевидные удаchi. Внимание читателя, конечно, привлечет статья М. Куповецкого об Ароне Вергелисе, главном редакторе журнала «Советиш геймланд». Автору удалось, используя уникальные архивные материалы, в том числе аудиовоспоминания самого Вергелиса, проанализировать историю становления еврейского homo soveticus (по выражению Г. Эстрайха), изучить место идиша в этом процессе, роль советской еврейской элиты и номенклатуры, к которой Вергелис имел непосредственное отношение.

Статья М. Крутикова представляет собой интереснейшее литературоведческое и культурологическое исследование романа Меира Винера «Колев Ашкенази». Замечательно показана еврейская специфика произведения и историко-литературный контекст эпохи.

Статья Г. Элиасберг посвящена жизни советских евреев, увиденной глазами «еврейских иностранцев». После революции СССР посещали многие видные зарубежные писатели и общественные деятели. Так, в 1920-х в Советском Союзе побывали И-Й. Зингер и А. Рейзен, а 1930-х – Я. Пат и Д. Пинский. В своих очерках о пребывании в СССР они зафиксировали повседневную жизнь советских евреев буквально накануне 1937 года, оценили результаты национального и культурного строительства на примерах простых людей. Их очерки – уникальный материал и свидетельство, заставившее многих зарубежных последователей Советского Союза в корне изменить свои взгляды.

Раздел о театре представлен работами А. Вайсман, А. Френкеля и М. Херсонского. Исследуя ситуацию, которая сложилась после гибели Михоэлса, авторы, каждый на своем материале, последовательно проследили путь, по которому пошел еврейский театр. Это печальная история превращения театров, еще недавно переживавших грандиозный расцвет, в скромные, часто самодеятельные драматические ансамбли. При этом авторы отмечают, что

эти ансамбли сыграли важнейшую роль в развитии еврейского национального движения, в формировании самоидентификации советских евреев.

Статьи о традиционной еврейской культуре (В. Дымшиц, М. Каспина) несколько выделяются из общей советской тематики сборника, представляя современный этнолингвистический и этнокультурологический пласты и исследуя те функции, которые сохранились за идишем сегодня. Некоторые данные полевых исследований, проведенных сотрудниками Центра библеистики и иудаики и центра «Петербургская иудаика», опубликованы впервые.

К сожалению, в сборнике почти нет фотографий, иллюстративного материала, хотя советская эпоха оставила значительное количество визуальных свидетельств и артефактов, относящихся к еврейской культуре. Явно недостаточно информации об авторах статей.

Более половины работ сборника составляют статьи американских и израильских ученых. При всех достижениях, о которых говорилось выше, идиш и культура на идише как предмет исследования все еще остаются относительно маргинальной областью для российского научного сообщества. Несмотря на предпринимаемые усилия по популяризации идиша в академической среде, несмотря на обилие тем и материала для исследования, проблема изучения истории советского еврейства в контексте и в поле культуры на идише, с помощью идиша, пока еще практически не осмыслена российскими учеными.

איִשׁ נִיִּדְשֵׁיִשׁ

ЕВРЕЙСКИЙ ВРАЧ ДЛЯ ЕВРЕЙСКОГО БОЛЬНОГО

Г.М. Позин

Общество охранения здоровья еврейского населения. Документы, факты, имена

СПб., 2007. – 228 с.

Монографию Гари Позина можно назвать образцовой для штудий подобного рода. Странность этой ситуации в том, что Гари Моисеевич куда больше известен в другой сфере – он специалист по промышленной вентиляции и строительной теплофизике сельскохозяйственных производственных зданий, автор нескольких сот научных работ,

доктор технических наук. Историей он профессионально занялся уже в зрелом возрасте, окончив Петербургский институт иудаики.

К новой специальности Позин подошел с основательностью маститого «технаря», проработав все доступные материалы по теме, в том числе архивные, не привлекавшие ранее внимания исследователей. В результате получилась довольно увесистая монография, описывающая десятилетнюю (1912–1922) историю Общества охранения здоровья еврейского населения (традиционная аббревиатура – ОЗЕ) в разных ее аспектах: биографии руководителей, издаваемая ОЗЕ периодика, съезды и конференции общества, перемены задач и тактики в зависимости от изменения политической ситуации в стране...

История общества вкратце выглядит так: в первые годы своего существования оно занималось самыми разными делами, от организации школ для глухонемых и отстающих детей до пропаганды элементарной гигиены и улучшения санитарных условий в хедерах (это помимо основной цели – создания системы земской медицины для евреев черты оседлости). Любопытный факт: наибольшее сопротивление из всех «проектов» ОЗЕ в еврейской среде вызвало... строительство детских площадок. «Место, где дети только играют, гуляют и поют, никому не импонировало, – свидетельствует заведующий одной из них. – В самой идее не было специфически еврейского духа. Учиться – это дело, но разумно и весело проводить время – это не необходимо». С 1914 года к списку первоочередных дел ОЗЕ прибавилась помощь евреям, пострадавшим от войны, в том числе беженцам. После Октябрьского переворота и развала всей системы здравоохранения (автор приводит доклад члена ОЗЕ М.М. Грана, красочно описывающего этот развал, его причины и следствия) ОЗЕ, несмотря на политику «мелочных стеснений» общественных организаций, применяемую большевиками, некоторое время все же существует и в начале 20-х даже кооперируется с «Джойнтом» для оказания помощи жертвам погромов. «Джойнт», впрочем, не проявил должной настойчивости, согласился поставить дело под контроль государства и тем фактически открыл дорогу к полному удушению ОЗЕ. Что власть, разумеется, в ближайшее время и сделала.

Все это Позин описывает, как было сказано выше, чрезвычайно дотошно и, что заслуживает особого упоминания, без избыточного пафоса, хотя, казалось бы, материал располагает к патетике, восклицаниям и публицистическим отступлениям. В книге масса деталей, цифр, дат, фамилий и прочих любезных любому настоящему историку мелочей. Написана монография сухо и очень «специально» – сейчас редко так пишут, повсеместно восторжествовал постмодернистский предрассудок, что хорошая научная работа должна быть «аранжирована» как можно популярнее, дабы заинтересовать так называемого «широкого читателя».

Тем не менее и здесь есть ряд сюжетов, которые могут быть не без интереса прочитаны и неспециалистом. Это и рассказ о переговорах представителей еврейских общественных организаций с «Джойнтом», и очень яркая, с большим количеством фактического материала, характеристика политики большевиков в отношении неправительственных объединений (казалось бы, момент общеизвестный, но на конкретном примере все выглядит понятнее).

Весьма занятен и перечень накопленных медициной к 1910-м годам данных «об особом физическом типе конституции и патологии» евреев черты оседлости. Общая слабость и физическая неразвитость – и вместе с тем повышенный иммунитет, слабая восприимчивость к туберкулезу и инфекционным заболеваниям; низкая детская смертность – и исключительная хилость детей и подростков; прочная психологическая устойчивость – и необычайная предрасположенность к нервным заболеваниям... Как все это может

совмещаться в одном человеке – понять невозможно. Стыдно сказать, даже нечто вроде национальной гордости прорезаться начинает.

יְעֹאֲבֵד יְאַעֲבֵד

КАК МОРЕ ДЕГТЯ ИСПОРТИЛО БОЧКУ МЕДА

Авраам Яков Финкель

Разгадки Торы

Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 283 с.

Подобные книги заведомо обречены на успех: любому благочестивому иудею, изучающему Тору, необходимы комментарии наших мудрецов, без которых смысл Книги книг останется непонятым или же может быть превратно истолкован. А поскольку таких комментариев оставлено неисчислимое множество, то и книг на эту тему может быть издано огромное количество – тем более что подавляющее число комментариев никогда не переводилось с иврита на европейские языки и тем более на русский.

Структура книги Финкеля отличается той простотой, которая оптимально соответствует ее задачам. Автор прилагает талмудические и иные комментарии к стихам, составляющим еженедельные главы-разделы чтения Торы. Конечно же, выбор комментариев субъективен, но иное невозможно – чтобы представить всю объемную картину истолкований мудрецами того или иного стиха, надо было бы уделить последнему отдельный том, а иногда и не один.

К большому сожалению, полезность самой книги сильно умаляется особенностями ее издания на русском языке. Кстати сказать, из выходных данных вообще следует, что она написана по-русски. На то, что это перевод с английского, и на имя переводчика никаких указаний нет. И только приложенная справка об авторе, который до 1942 года жил в Нидерландах, а ныне живет в Нью-Йорке (период жизни автора с 1942 года, когда он был заключен в концлагерь Берген-Бельзен, до переезда в Нью-Йорк русские издатели осветить не удосужились), и список благодарностей наводят на мысль о существовании английского оригинала. Может, переводчик просто постыдился указать свое имя?

Вполне возможно, если учесть, что перевод отвратительный. Иногда он пахнет абсурдом, как в русских именовании других книг Финкеля – «Сущность Маймонида», «В моей плоти я вижу Б-га». Порой он канцелярски буквален: «...несмотря на свою полную материальность, земля отреагировала на призыв Б-га с таким же энтузиазмом,

как и небо», «талмудический трактат, имеющий дело с еврейским Новым годом», «талмудический трактат, рассматривающий жертвоприношения из теста». Нередко смысл оригинала просто затемняется: «Арахин: талмудический трактат, касающийся ценностей вещей, посвященных Святилищу». Странно звучат и высказывания мудрецов Талмуда: «Отсюда мы знаем, что, если человек совершает грех сексуального распутства, он привязывается к нему, как собака, и никогда не покидает его». Кто к кому «привязывается» и кто кого «никогда не покидает», так и остается неясным.

Искренне жаль автора книги. Несмотря на то что его «дети, внуки и правнуки» «были таким огромным источником истинных надежд и <...> проявили столь живой интерес к написанию» книги, русская версия наверняка навела бы автора на печальные раздумья. Счастье Финкеля, что он не знает русского языка.

P dèé Òàààé

Вера Васильева. Без свидетелей?

Дело Невзлина: записки очевидца заочного процесса

Прага: Human Rights Publishers, 2009. – 214 с.

Хроника одного из самых поразительных судебных процессов отечественных 2000-х, по итогам которого бывший топ-менеджер «Юкоса», а ныне израильский гражданин Леонид Невзлин был приговорен к пожизненному заключению по обвинению в организации нескольких убийств. Заочно – так как суд Израиля аргументы российской прокуратуры не оценил и в экстрадиции Невзлина отказал. И немудрено: отсутствие свидетелей «преступлений», отсутствие доказательств, отказ ключевых участников процесса от своих показаний, вызов на допрос людей, заведомо не имеющих никакого отношения к существу дела, и т. д. и т. п. Из самых сильных впечатлений – сличение аудиозаписи суда с протоколами судебных заседаний (прокурор: «Из руководителей кто курировал службу безопасности “Юкоса”?»), свидетель: «Я не знаю»; согласно протоколу, ответ: «Невзлин» – и так, как в известном анекдоте, семнадцать раз подряд) и вызов на допрос Юлия Нудельмана, приговоренного израильским судом к штрафу в полмиллиона шекелей за книгу «Щаранский без маски» – один из самых строгих в истории израильского судопроизводства приговоров по делам о клевете. Поскольку Нудельман увлекся борьбой с Невзлиным и подал в Высший суд справедливости иск о лишении того израильского гражданства, но и тут потерпел неудачу. Появление Нудельмана, несмотря на его отсутствие в первоначальных свидетельских списках, на процессе Невзлина в качестве свидетеля обвинения стало логическим завершением всего происходящего – безусловно, без него этот паноптикум был бы неполон.

Михаил Зыгарь. **Война и миф**

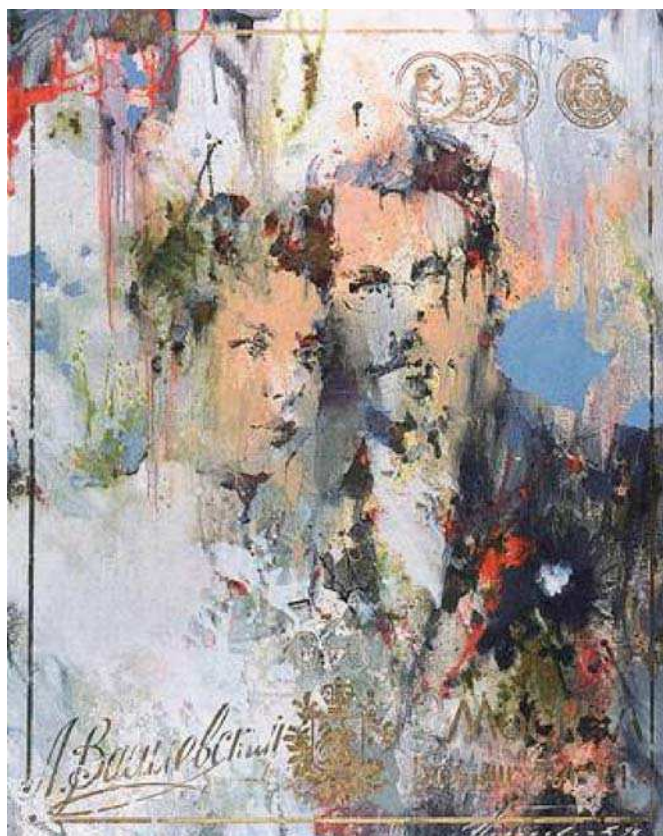
М.: ИД «Коммерсантъ»; ИД «Питер», 2007. – 416 с.

Книга спецкора «Коммерсанта» составлена из репортажей разных лет о войнах, революциях и прочих вооруженных конфликтах, свидетелями которых он был: Андижан (самая сильная часть книги), Таллин (самая умная), Бишкек (как ни странно, самая живая и увлекательная), Киев, Косово, Ирак... Разумеется, не обошлось без Израиля – есть здесь и Газа, и вторая ливанская. Главный итог ближневосточных впечатлений: «Эта война – не за мир. Это война за войну. Война сама по себе является конечной целью и ценностью. Поэтому я твердо осознал, что я не могу быть ни за тех, ни за других. Я просто против». Позиция не слишком продуктивная, но, в конце концов, Зыгарь не аналитик, а репортер. И репортер хороший. То есть он дает яркую и объективную картинку. А уж с симпатиями-антипатиями каждый читатель волен определяться самостоятельно. Вот только называть великий памфлет Орианы Фалаччи «Ярость и гордость» «злой фашистской книжкой» все же не стоит – автор не несет ответственности за неспособность читателя адекватно понять написанное.

ТАЙНАЯ СВОБОДА КОНЦЕПТУАЛИСТА

Жанна Васильева

Его работы хранятся в Третьяковской галерее и Государственном Русском музее, венском музее «Альбертино» и Еврейском музее во Франкфурте, художественном музее Зиммерли университета Ратгерс в американском Нью-Джерси и Государственном музее Дрездена, в ГМИИ имени А.С. Пушкина и токийском музее «Альфа-Кьюбик», Музее Людвига в Аахене и чешском Центре Эгона Шиле, Государственном литературном музее и Музее современного искусства в Москве... Его изображение Сталина, составленное из 2488 портретов Ленина, стало классикой соц-арта. Его называют пионером photo-based art'a в России. Он придумал особый метод для переноса фотографии на офортную доску и использовал фото для создания шелкографии и в живописи. Короче, Эдуарда Гороховского никак нельзя назвать неизвестным художником.

Улица Лубянка. 1994 год

Еще труднее, кажется, вместить его творчество, легко перешагивающее границы стран и континентов, в национальные рамки. Но не случайно его пригласили участвовать в выставке «Русские еврейские художники за век изменений. 1890–1990», которая проходила в Еврейском музее в Нью-Йорке в 1995 году. Интеллектуальность в сочетании с теплым камерным лиризмом, стремление помнить боль исторических трагедий прошлого и дар творческого развития, казалось бы, вопреки времени и обстоятельствам – индивидуальные черты личности художника. Но они легко вписываются в общий портрет еврейского интеллектуала XX столетия. Его жизнь отмечена еще одной чертой общей национальной

судьбы – переменной мест и участи. Он родился в Виннице. Как художник состоялся в Новосибирске. Известность получил в Москве. Умер во Франкфурте-на-Майне. Он покоится под памятником, эскиз которого нарисовал один из лучших его друзей и один из лучших художников Европы Виктор Пивоваров. Странная прихоть судьбы в том, что усовершенствовал это надгробие... раввин города Франкфурта. Небольшие поправки, внесенные рукой раввина в эскиз в соответствии с религиозными требованиями, сделали возможным установку камня на еврейском кладбище.

Казалось бы, все точки расставлены и судьба художника вписана в Большую историю. Тем не менее выставки Эдуарда Гороховского, теперь уже посмертные, оставляют странное ощущение, что ты встречаешься с новым художником, которого не знал. Абсолютно неизвестным Гороховским, которого знают во всем мире.

Последний раз от первого лица

Удивительно, но, по-видимому, это же ощущение переживают люди, которые знали Эдуарда Семеновича не один день. Его друг художник Иван Чуйков, который приехал к Гороховскому во Франкфурт за месяц до смерти, вспоминал: «Он очень сильно изменился, был слабым, худым, в основном лежал. Но когда я увидел целую пачку работ, которые были сделаны в последнее время, я был поражен. Это была замечательная серия, совершенно необычная, с каким-то новым поворотом. Эта столь неожиданная серия произвела на меня очень сильное впечатление и сама по себе, и тем фактом, что человек работал всю жизнь – до самого конца».

Летом в Москве галерея «Файн арт» показывала последние рисунки Гороховского. Эти рисунки на первый взгляд напоминают жанровые сценки. Пара, танцующая танго, квартет преферансистов, расписывающих пульку под вечерней лампой, профком, обличающий провинившегося члена трудового коллектива, выпивохи, соображающие на троих, вышедшие из ЗАГСа молодые, которые, прямо по Ильфу и Петрову, уже немолоды, мальчик на самокате и дяденька с сачком... На этих рисунках все бегут, летят, пируют, дерутся, кокетничают... Кажется, что они складываются в фильм, даже – в мультфильм, с персонажами острохарактерными, порой гротескными. И первая мысль, что жизнь, проносящаяся на белых листах перед тобой, – бумажная лента памяти, воскрешающая эпизоды минувшего. Но неожиданно промелькнет с тростью легкая фигура Пушкина, гуляющего под ручку с Маяковским. Силуэты бомжей, ворошащих палкой мусор, вдруг повторяют композицию брейгелевских «Слепых». И раввин заспорит с попом, указывая в небеса, пока на соседнем рисунке хмельного развеселого господина обнимает Костлявая с косою.

Очевидно, не калейдоскоп прошедшего перед нами. Не ностальгические наброски, а размышление над последними вопросами жизни на подступах к смерти. Не случайно среди избранных, званных на беседу с умирающим художником, появятся не только пирующие друзья, но и Гойя за мольбертом, и Владимир Яковлев. А слепцов Брейгеля сменят тени летящих влюбленных Шагала. Из-за жизнерадостной, подвижной, как в детском мультике, рисованной серии проглядывает ужас распада, исчезновения, небытия.

Двоящаяся оптика, отслеживающая бег отлетающих секунд и безвоздушное пространство вечности, суетливые радости жизни и смерть, создает высоковольтное напряжение рисунков. Странность, впрочем, не в этом. В этой трагической серии Гороховский не позволяет ужасу дозвучать. Встреча с ужасным предстает частенько в жанре «веселых картинок», иллюстраций то ли к детским страшилкам, то ли к страшным сказкам. Не зря несколько десятилетий художник увлеченно работал на «Детгиз». «Картинки»

пронизывают юмор, теплота, печаль (та самая, что светла). Скажите на милость, где еще можно увидеть не приличествующую моменту скорбь, а улыбку блаженства на лице персонажа, освобожденного ангелами от земного притяжения, а заодно уколов и докторов?

«Форма в искусстве и есть его содержание», – написал Гороховский в финале своей автобиографической книжки «Рейс 720. Новосибирск–Москва». Если так, то стремительность пера и карандаша, заставляющая вспомнить виртуозность книжных иллюстраций мастера, – свидетельство стоической выдержки и мужества. И еще. Рисунки – едва ли не единственный цикл (правда, есть еще замечательная серия портретов друзей и знакомых), где Гороховский позволяет себе высказаться от первого лица, из всех жанров предпочтя трагикомедию.

Очень горячо – очень холодно

Вообще-то Гороховский обычно выстраивал дистанцию. Не столько от зрителей, сколько от горячей магмы собственных неподконтрольных эмоций. Поразительно решение, которое принимает художник, начав писать воспоминания. «Рассказ о своем детстве и ранней юности я умышленно не включил, так как мое детство пришлось в основном на военные годы, и тот мрак, который их сопровождал, мог негативно окрасить все повествование». Такое заявление от мемуариста – неслыханно! Частенько мемуары служат реестром обид, жалоб и полем запоздалых разборок. Гороховский не позволяет себе унижаться не только до жалоб и нытья, но даже до проявления боли. В основе, разумеется, мужской кодекс поведения. Я бы даже сказала – рыцарский. Он не хочет говорить о слишком больном и слишком серьезном мимоходом. «Без гнева и пристрастия» – древний римский девиз ему был бы созвучен. Просто потому, что гнев – спутник неправоты. Гороховский, похоже, не хотел быть несправедливым.

В итоге самое мучительное остается исключенным из текста книги, унесенным в раму вступления. «Население западных областей, успевшее эвакуироваться на восток до прихода оккупантов, попало в ситуацию, когда жителям зауральских городов и сел пришлось потесниться, чтобы принять несчастных, потерявших все людей. Не с сочувствием и пониманием встретило местное население приезжих, в основном стариков, женщин и детей, а с неприязнью и плохо скрываемой ненавистью. <...> Не испытавший всех мытарств эвакуации не может себе представить ту меру унижения и издевательств, которую испытывали граждане Страны Советов от своих же соотечественников. Я только прикоснулся к этой больной теме и уже не могу спокойно писать. Так что, думаю, правильно сделал, исключив ее из текста».

Нетрудно заметить, что точно такой же прием Гороховский использовал в своих картинах. Исключение, искажение, затемнение старых фотоснимков в его шелкографиях и полотнах становится знаком боли. Не только боли психологической травмы, но и исторической драмы. С этой точки зрения его работы, в которых слышны то отзвуки поп-арта и оп-арта, то русского фотоавангарда, имеют мало общего с ними. И конструктивистов, и королей поп-арта фотография интересовала как плод «механистического» видения и тиражный продукт. Для одних она противостояла субъективности и избирательности человеческого взгляда, для других была символом эпохи потребления, в том числе зрелищ и информации. Для Гороховского и то и другое абсолютно чуждо. Он, напротив, только и занят тем, что возвращает старым дагерротипам с анонимными персонажами, выражаясь слогом Вальтера Беньямина, «ауру» неповторимости. У него фотография – символ не механической эры, а ушедшей жизни. Она оказывается последним свидетелем. У Гороховского ей противоположна не индивидуальность видения, а штамп, стертый лозунг («Вперед, к победе коммунизма», 1996), отпечаток шин авто («Следы времени», 1997) или

даже клишированное полотно со счастливыми демонстрантами («Спортивный парад», 1981). Фон и фигура у него охотно меняются местами, как в «Обрамленной картине» 1990 года, где орнамент вокруг дореволюционного снимка сложен из отпечатков серпов и молотов и портретов вождей. В работе «Улица Лубянка» (1994) полустертая надпись штампа с адресом старинной фотостудии оказывается важнее точности фото двух влюбленных. Съемка на Лубянке выглядит как знак неотвратимости судьбы.

Искусственность, насильственность соединения разнородных элементов, разумеется, несет вполне продуманный месседж. Гороховский, говоря о работах Франциско Инфанте, найдет для них определение: «диссонансная картина». И тут же заметит, что он по сути занимается тем же. То есть соединяет в картинном пространстве две антагонистические категории, ища баланс живых и мертвых элементов.

Тонкая расчисленность приема влекла обвинения в излишней рациональности. Об этом, например, свидетельствует Александр Боровский: «...Художник, видимо, ощущал некую потребность объясниться, логически оправдать каждую свою операцию с ready-made. <...> В результате Гороховский стал восприниматься как мастер аналитического, “головного” приема, логической конструкции, интеллектуальной комбинаторики». Ситуация в итоге сложилась парадоксальная. Прием, который должен был сдерживать, поставить под контроль эмоции художника, стал восприниматься как свидетельство его рациональной природы.

«И я был в Аркадии»

В уже преклонном возрасте Гороховский, соц-артист и концептуалист, делает неожиданный кульбит. Он выступает в защиту старой доброй картины. Надо сказать, что это не единственный крутой поворот в его жизни. Он не боялся менять курс. Сначала в Новосибирске он сменил профессию архитектора и занялся книжной иллюстрацией, осваивая ее едва ли не с нуля, работая не разгибаясь по 12 часов. Потом в 1974-м, когда Виктор Пивоваров перетащил его в Москву, он органично вписался в круг поисков концептуалистов, заинтересовался использованием фото, собрал архив дагерротипов, много снимал сам. В 1990-х он увлекся коллажами и абстракциями, в которых «диссонансная» эстетика получила новый импульс.

В конце века он бросает вызов кураторам и теоретикам концептуального искусства. Поступок абсолютно донкихотский. При этом Гороховский понимал, что вряд ли его ожидает легкая победа. «Сегодня появилось много вещей, обращенных к глазу не как к органу чувства, а как к некой промежуточной, передаточной, считывающей функции, глаз-сканер, передающий информацию в мозг для дальнейшей обработки. Ситуация такова, что художнику трудно отстаивать свое понимание и чувство искусства. <...> Художники вынуждены, если они хотят остаться актуальными, ломать естественную природу, побуждающую к занятию искусством, или уступить свое место в искусстве людям другого мироощущения и понимания задач искусства», – написал он в статье, сопровождающей ретроспективу в Третьяковской галерее в 1999 году. С этой точки зрения его рисование буквально до последнего сознательного вздоха было не только желанием высказаться, но еще и подтверждением верности принципиальной позиции.

Впрочем, в этой истории есть и другая сторона. Когда-то в статье для журнала «А-Я» о творчестве Гороховского Илья Кабаков заметил, что у того на одном полотне разведены и сведены образы «Времени» и «Вечности». Понятие вечности – из категории романтической эстетики. Собственно, и в работах Гороховского, и в работах Кабакова 1970–1980-х годов речь идет как раз об отсутствии вечности. О том, что ее место заняли расписание дежурств на коммунальной кухне и передовицы газет. Гороховский, сталкивая фотографию и

тиражный оттиск, штамп, подчеркивал диссонанс времен, былого и настоящего. Многослойность его картин сравнивали с анфиладой, ведущей в другие пространства. Но Гороховского интересовала не пространственная перспектива – временная. Пустота, зияющая в проеме времен, и была знаком отсутствующей Аркадии с надписью на надгробии «И я здесь был».

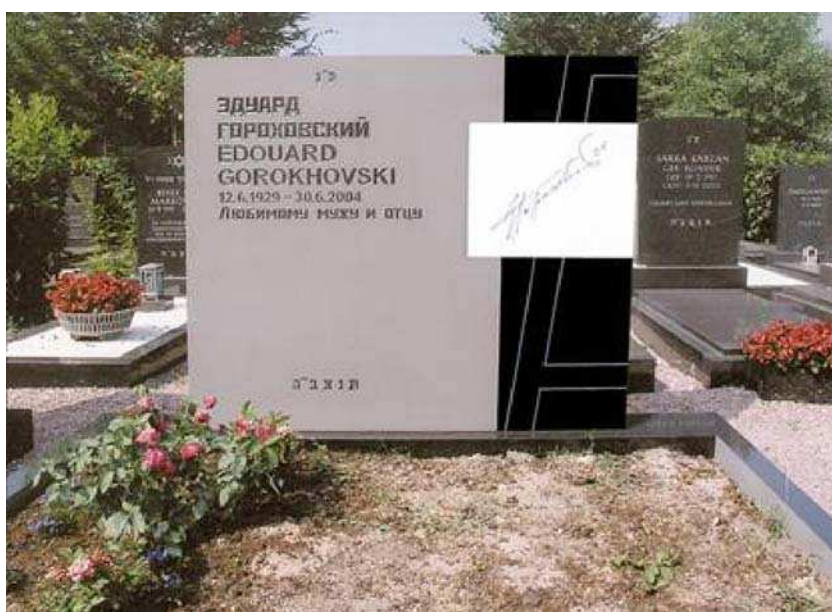
Фактически, работая с фотографиями, Гороховский извлекал из небытия скромные свидетельства об исчезнувших жизнях. О тех безымянных людях, на долю которых не досталось даже надписи на надгробии. Фотография, тленный отпечаток, не могла ее заменить. Зато мог художник, превращающий, внедряющий снимок в картину. Характерна в этом смысле работа «Половина» (1983), где негативы и позитив меняют друг друга, пока не превращаются в картину на холсте, сохраняющую силуэты и живописный ритм. Тут нет речи о деконструкции. Напротив, Гороховского интересовало противостояние хаосу – неважно, стихии времени, грубой силы или бесчувственного механического «сканирования».

Неудивительно, что импульс противостояния беспамятству и забвению он постарался использовать и по отношению к эпохе, в которой жил, и к людям, которых любил. Его альбом портретов «интересных людей интересного времени» впечатляет виртуозностью, точностью и свежестью.

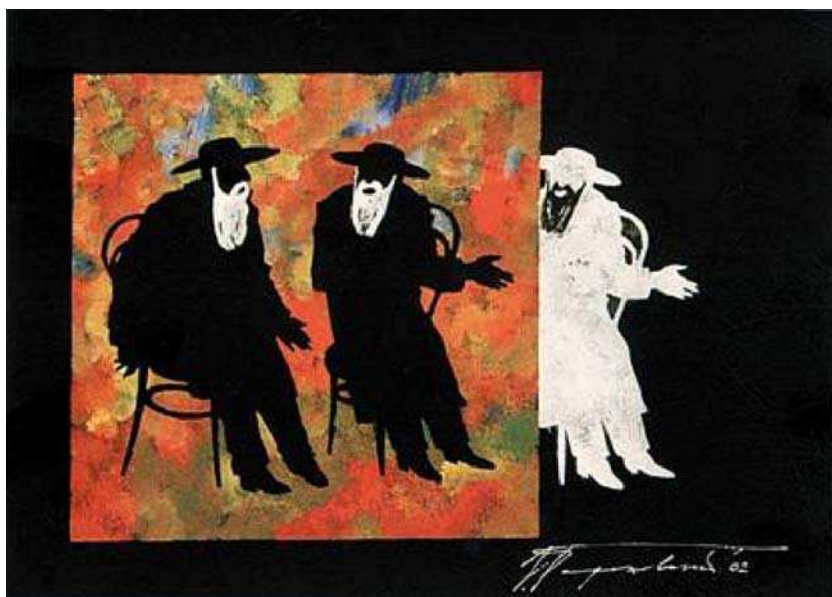
Последняя прижизненная выставка Гороховского в Русском музее называлась «Границы прямоугольника – мое безграничное пространство». Что ж, в этом вневременном пределе свободы его жизнь продолжается.

Рисунок из серии «Иллюстрации памяти». 2004 год

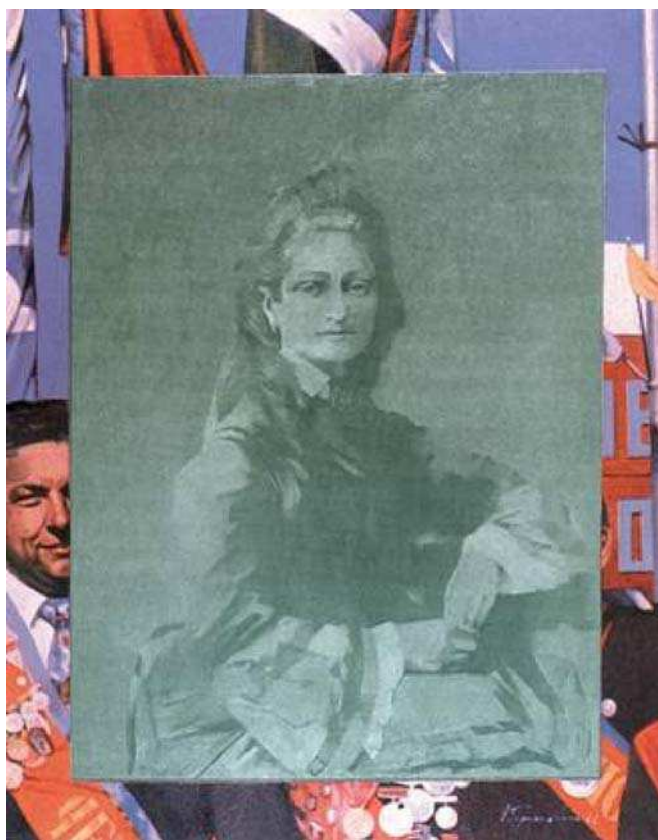
Памятник Э. Гороховскому на еврейском кладбище Франкfurта-на-Майне, выполненный по эскизу В. Пивоварова

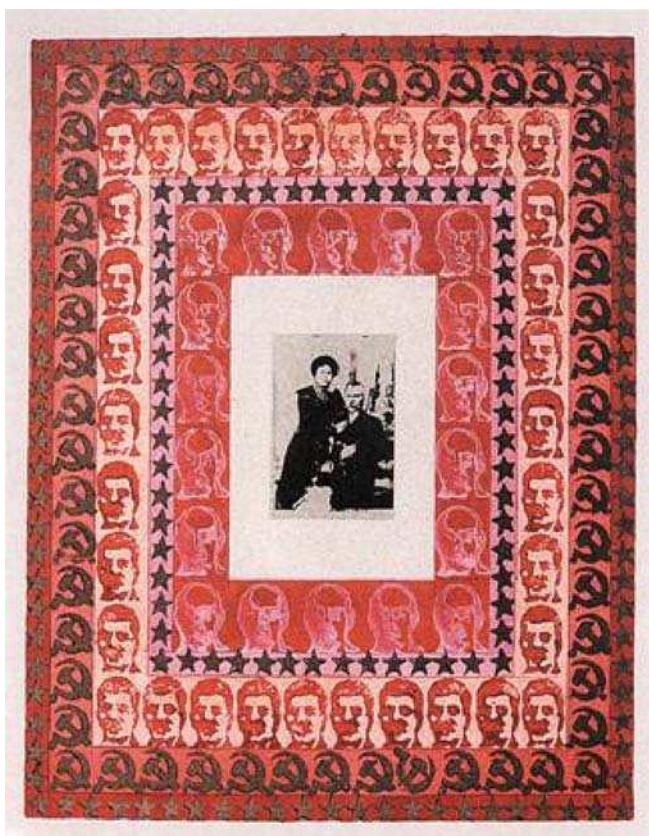
Работа из серии «Ночная жизнь». 2002 год

Вперед, к победе коммунизма. 1996 год

Спортивный парад. 1981 год

Обрамленная картина. 1990 год

Половина. Триптих. 1983 год

PERESTROIKA, PERESTROIKA, А Я МАЛЕНЬКИЙ ТАКОЙ

Ника Булатова

Режиссер Слава Цукерман

Перестройка

США, 2009

Пятидесятилетний ученый Алек Гринберг (актер Сэм Робардс), в 1970-х эмигрировавший из СССР в США, в 1992-м приезжает в Россию, чтобы принять участие в международной конференции. На исторической родине, когда-то заклеившей его предателем и отщепенцем, Гринберга встречают как героя, но вместо радости он испытывает только растерянность: страна, город и люди, которых он знал, необратимо изменились. Постепенно талантливый астрофизик, всю жизнь изучавший законы Вселенной, понимает, что не в состоянии разобраться с тем, что происходит вокруг него, с близкими ему людьми и даже с ним самим. С этого момента и до конца фильма ему, понятное дело, уже не до Вселенной. Астрофизик щурится и пьет, пока голос за кадром произносит от его имени бесконечные внутренние монологи. Его жена и любовница нервничают, иногда срываясь в

истерике, а бывшая любовница заставляет нервничать его самого, отказываясь признаться, от него родила дочь или нет.

В качестве высшей, всех умиряющей и примиряющей силы выступает наставник астрофизика, его двойник-перевертыш профессор Гросс (Мюррей Абрахам): в отличие от Гринберга, сбежавшего из социалистического ада в капиталистический, его учитель по молодости проделал обратный путь и тогда же осознал: от перемены мест сумма (и суть) не меняется. Еще одна истина, открывшаяся профессору, а вслед за ним и его ученику: в одну реку дважды не входят. В фильме, впрочем, эта максима звучит чуть по-другому: есть неизведанные пространства и оттуда еще никто не возвращался. Потому что вернуться в прошлое можно только на волне своей памяти. Герой волну ловит и возвращается то в детство, то в юность под аккомпанемент музыки Александра Журбина, хотя Тухманов, право слово, подошел бы больше.

Никак не скажешь, что Слава Цукерман взялся не за свою тему: он снимал фильм о физиках («Москва не отвечает»), любит парадоксы и умеет ставить притчи («Жидкое небо»). В «Перестройке» вроде бы все то же: красивая идея – наложить перестройку внутри героя на события вокруг него, красивый дуэт учителя и ученика (Абрахам своими электрическими глазами изрядно оживляет однообразие картинки и действия), а в качестве фона – вполне уместные комические дуэты-дублеты: жена и любовница, мать и дочь, либерал и коммунист. Короче, все красиво, выстроено и занятно придумано... только неинтересно. Б-г вещь почему, но далекая панк-тусовка из Нью-Йорка образца 1982 года оказалась для Цукермана живее и роднее московской интеллектуальной элиты.

Кроме всего прочего, после просмотра формируется твердое убеждение, что фильм о кризисе среднего возраста снят в разгар кризиса финансового, а потому немногочисленные повторяющиеся приемы, как-то: крупные планы, картонные задники и неловкая съемка – отображают не столько эстетические воззрения, сколько экономические обстоятельства создателей.

То, что Слава Цукерман – человек чрезвычайно упорный, давно не новость. Только железобетонный упрямец мог протащить к постановке инфернальное, как глюк наркомана, «Жидкое небо» – необыкновенно стильную панк-фантастику, от которой мир сошел с ума в 1980-х. Только одержимый перфекционист мог удержаться и не начать снимать бесконечные сиквелы и приквелы «Неба», подогревая лучики свалившейся на него мировой славы. Наконец, только Цукерман мог взять нереализованную идею середины 1980-х и воплотить ее двадцать лет спустя, не отступив от придуманного даже на волос. И вот это он, кажется, зря. Можно, конечно, гордиться тем, что придумал свой фильм с елозящей туда-сюда камерой и картонными декорациями раньше, чем фон Триер придумал «Догму», снял «Догвиль» и даже «Европу». Но зрителю-то что с того? Он-то уже все это видел и не то чтобы целиком одобрил, а потому все новаторства «Перестройки» для него – джинсы-варенка. Когда-то было модно, а сейчас в огород не наденешь.

Цукерман любит повторять слова своего учителя Кулешова про обезьяну, ловящую мух из воздуха. Все так, но когда мухи в воздухе заканчиваются, стоит вспомнить другую присказку про того же зверька: дура не дура, а мыла не ест.

НАД ВЫМЫСЛОМ СЛЕЗАМИ ОБОЛЮСЬ...

Алекс Рапопорт

Режиссер Андрей Хржановский

Полторы комнаты, или Сентиментальное путешествие на родину

Россия, 2008

Это не первое обращение режиссера Андрея Хржановского к наследию Иосифа Бродского. Не только стихи, но и проза, рисунки поэта, фотоархив, история его семьи и, наконец, обаяние личности (тоже ведь часть наследия) вдохновили классика отечественной анимации на кинофантазию, где игровое кино переплетено с документальными кадрами и мультипликацией, а факты биографии – с вымыслом.

В 2006 году А. Хржановский выпустил в жанре «смешанной техники» получасовую ленту «Полтора кота (или Иосиф Бродский)». Первая часть названия – кличка кота Ахматовой, необычайно крупного, активного, «цеплявшего» внимание самим фактом появления в комнате. Однажды поэтесса изрекла: «Вам не кажется, что Иосиф – типичные “полтора кота”?»

Общеизвестно, что коты – наиболее любимые поэтами домашние животные, Бродский не был исключением. Шутя, он отождествлял себя с этим независимым существом, предпочитающим самостоятельные прогулки, называл своей «внутренней сущностью», ставил контур кота вместо автографа, таких его «подписей» известно более двухсот. Изрядное место кот – своего рода тотем и alter ego поэта – занимает и в новом фильме, премьера которого состоялась в апреле 2009 года.

Название картины происходит от мемуарного эссе «Полторы комнаты», написанного И. Бродским по-английски в 1985 году. Речь в нем о жизни семьи из трех человек – отец, мать, сын – в послевоенном Ленинграде, о скудном коммунальном быте и политической атмосфере той эпохи, о взаимоотношениях человека с всесильным беспощадным государством, о стареющих родителях, которым так и не разрешили увидеться

с сыном после его вынужденной эмиграции в 1972 году. По-видимому, поводом к написанию эссе стала смерть в 1984 году отца И. Бродского, пережившего свою жену на 13 месяцев. Ощущение невосполнимости потери – главное настроение этой прозы: «...когда самостоятельность осуществлена, он внезапно выясняет, что старое гнездо исчезло, а те, кто дал ему жизнь, умерли. <...> если некогда и существовало что-либо настоящее в его жизни, то это именно гнездо, тесное и душное, откуда ему так нестерпимо хотелось бежать».

Работа над новым фильмом продолжалась восемь лет. Как и предыдущий, он сделан в «смешанной технике», его отличает ставшая фирменной особенностью А. Хржановского полистилистика. Сочетание трех видов кинематографа, «оживающие» рисунки поэта, съемки в восстановленном интерьере «полтора комнат» в доме Мурузи, где жила семья, соединение в одной сцене друзей поэта и актера в его образе в Нью-Йорке, смонтированные встык к этому документальные кадры Бродского в ресторане «Русский самовар» на Манхэттене, звучащий за кадром текст, эстрадные песни тех лет, проложенные музыкальной классикой, – все это позволяет уйти от документальной биографии и создать самостоятельное художественное произведение «по мотивам».

Несомненная удача – актерский дуэт Алисы Фрейндлих и Сергея Юрского, сыгравших родителей. Оба они ленинградцы, оба великие актеры, оба помнят последовательно сменявшие друг друга военную, послевоенную, хрущевскую, брежневскую эпохи; отсюда это стопроцентное попадание. Смотришь и вспоминаешь: да, те люди (ровесники моих дедушек и бабушек) были такими, так держал себя мужчина в доме, именно так – первым ребенку – раздавала за обедом еду хозяйка в еврейской семье. А. Хржановский, уроженец Ленинграда и ровесник Бродского, насытил фильм множеством бытовых и культурных примет. Поэта, соответственно возрасту, изображают три актера; нобелевского лауреата в эмиграции – петербургский театральный режиссер Григорий Дитятковский. Нельзя сказать, что персонаж «один к одному» похож на прототип, но при этом воспроизведение мимики, жестикуляции, манеры двигаться, петербургского выговора Бродского, этого его «чокающего» «что», бесконечных «да?», которыми он перебивал свою речь... Зрителю подсказано: похожесть и непохожесть означают, что перед ним не биография, а «высокий вымысел», к которому предложено эмоционально подключиться, поверить. Как поверили в историю, рассказанную Пушкиным в «Моцарте и Сальери», хотя она не имеет отношения к исторической правде.

Вымысел, в частности, состоит в том, что Бродский приезжает в девятые годы в Петербург. В сценарии, написанном режиссером совместно с кинодраматургом Юрием Арабовым, видны специальные «арабовские» приемы: столкновение абсурда и действительности, реального с потусторонним. Пунктиром присутствует еврейская тема, как, например, в новелле «Книга о вкусной и здоровой пище», где усатый повар-кавказец проводит экскурсию по советскому кулинарному «заповеднику» и ласково, с грузинским акцентом, сообщает маленькому Иосифу, своему тезке: «Ты еврей, мальчик, тебе ничего нельзя. Но я позабочусь о вас. В Биробиджане у вас будет много мацы».

То, какие мифы складываются вокруг человека, характеризует его не в меньшей степени, чем факты биографии. Распространившийся после смерти Бродского миф о том, что он на пару дней инкогнито приезжал в Петербург, означал, что его читатели хотели в это верить. Параллельно с ним существовал и другой, менее известный миф о том, что Бродский инкогнито приезжал в Израиль. Через тридцать лет после вручения Нобелевской премии один из этих мифов материализовался в фильме А. Хржановского.

Вы читали? [Рабочий механизм вчерашних империй](#). *Беседу ведет Афанасий Мамедов // 2009, № 8*

Реакция. Меня поразили некоторые высказывания профессора Михаила Лотмана, которые нельзя оставить без внимания.

В этих ответах сквозит такое холодное равнодушие, такой отчужденный взгляд на судьбу еврейского народа, замаскированный под научный объективизм, что сомневаешься в том, что подобное мог сказать еврей. Увы, и внешность, и фамилия профессора Лотмана (уж не сын ли он замечательного филолога Ю.М. Лотмана?) (М.Ю. Лотман действительно сын Ю.М. Лотмана. – Ред.) не оставляют сомнений – перед нами еврей, а если говорить точнее, тот самый высокоумный сын из пасхальной Агады, о котором сказано: «притупи такому зубы». Видите ли, для него «антисемитизм – объект исследования, а не борьбы». Видите ли, он не уверен, что борьба с антисемитизмом – это вообще достойное занятие. Больше того, неизвестно, как он пришел к выводу, что «Протоколы сионских мудрецов» могут (кем?) восприниматься и как еврейский (?!), и как антисемитский документ. А вот мне, историку, философу и культурологу, так не кажется. И я уверен, что большинство честных исследователей согласятся со мной, а не с профессором Лотманом. Честное слово, даже из соображений простой чистоплотности не хочется комментировать высказывания этого господина. Но приходится, так как это симптомы некоей душевной болезни, которая нуждается в исследовании и лечении. И здесь не до смеха – смеяться над душевнобольным грех, ему надо помочь. Позволю себе процитировать один показательный пассаж. «Я не знаю, как бороться с антисемитизмом во всех его проявлениях; более того, не уверен, что это вообще достойное занятие. Если речь идет об антисемитских взглядах протестного характера (протест против “засилья” евреев в культуре и экономике, протест против создания Государства Израиль, протест против религии евреев и т. д. – В. К.), то каждый свободен иметь какие угодно убеждения, если же эти убеждения перерастают в инструментальную фазу (еврейские погромы, Бабий Яр, Освенцим, Треблинка, ГУЛАГ, сталинский террор и т. д. – В. К.), то это сфера компетенции правоохранительных органов. (Где и когда ОРГАНЫ защищали права евреев? – В. К.) Меня антисемитизм интересует лишь в качестве одной из разновидностей культурных фобий (?! – В. К.), для меня это объект исследования, а не борьбы». И Вам не стыдно, профессор Лотман?!

После всего этого неудивительно, что наш горе-семиотик возражает против запрета на публикацию «Майн кампф» Гитлера и «Протоколов сионских мудрецов». «Свобода слова важнее любых (?! – В. К.) злоупотреблений ею». Пока она не переросла в «инструментальную фазу»... Попросту говоря, печатайте и продавайте людоедские книжонки, разжигайте антисемитские настроения в массах, а вот когда эти массы пойдут убивать и насиловать евреев, тогда призовите ОРГАНЫ. Ага, они прямо сейчас отзовутся и примут меры. Как это было в Германии.

Даже не знаю, чего здесь больше – непроходимой глупости или бездонной наивности. Вроде бы уже взрослый человек, не мальчик... И даже как семиотик (уж не говорю – как еврей) должен бы знать, что публичное слово имеет силу, способную творить как добро, так и зло. А значит, и свобода слова может быть использована как орудие зла. Так неужели неясно, что такое зло, как антисемитизм, начинается с мыслей и слов, несущих в себе заряд ненависти и зла? И бороться с этим злом начинать необходимо именно с этой, начальной фазы.

А может быть, это даже и полезно в педагогических целях: показать, что есть такие люди, которых уроки истории ничему не учат. И здесь невольно вспоминаются известные слова: «Не бойся врагов – в худшем случае они могут убить; не бойся друзей – в худшем случае они могут предать; бойся равнодушных – они не убивают и не предадут, но лишь с их молчаливого согласия в мире существует убийство и предательство». Пожалуй, к этому нечего добавить.

Владимир Каганов,
Интернет

ВПЕРЕДИ ГОРЯЧАЯ ФУТБОЛЬНАЯ ЗИМА

Марк Зайчик

Интересные вещи происходят в израильском футболе. Казалось, еще пару месяцев назад все было безнадежно плохо, а теперь вот, напротив, – все кажется интересным, многообещающим и... почти оптимистичным.

Муххамед Гадир (Хайфа) против Франца Шимера (Зальцбург). Отборочный матч Лиги чемпионов. Зальцбург

По финансовым причинам (пресловутый кризис), в клубах Высшей израильской лиги уже не так трепетно относятся к легионерам, к их спортивным характеристикам и всему, что с этим связано. На первый план теперь больше выдвигаются молодые доморощенные игроки, неожиданно продемонстрировавшие и незаурядное футбольное умение, и бойцовский характер.

В прошлом сезоне «Маккаби» (Хайфа) выиграла титул чемпиона страны. Тренер клуба Элиша Леви, человек, никогда не игравший роли футбольного диктатора и таковым не являющийся ни при каких обстоятельствах, негромко и интеллигентно объясняет игрокам, что и как им надо делать. (Интересно, что все всё понимают и стараются исполнять просьбы наставника с удовольствием и в полной мере.) Хозяин команды Яков Шахар сократил бюджет клуба в этом сезоне до 10 млн долларов. Тренер без жалоб за эти месяцы «наиграл» в составе несколько совсем юных ребят, предоставив им вести команду.

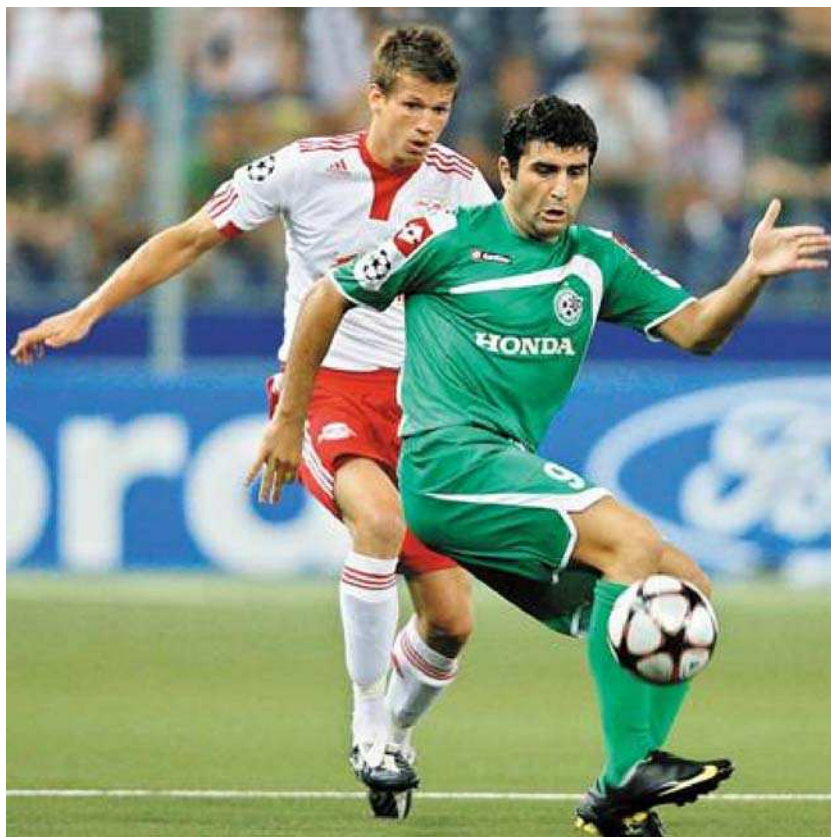
И они повели, доказав, что достойны доверия. Речь идет о таких футболистах, как Мухаммед Гадир, Эяль Гуляса, играющий на левом фланге полузащиты и обещающий стать

выдающимся игроком. К этим двум следует добавить и таких молодых футболистов, как Шломи Арбитман, Бирам Кеяль, Эяль Мешумар, Декель Кейнан.

Подобные процессы – омоложение составов – происходят и в других командах Высшей лиги. И в «Бейтаре», и в «А-Поэле», и в «Маккаби» (Тель-Авив) ставка делается на молодежь, которая доказывает свою состоятельность регулярно.

В первом матче четвертого квалификационного раунда за выход в групповой турнир Лиги чемпионов Хайфа играла в Австрии против клуба «Ред Булл» (Зальцбург). Команда эта весьма сильна, имеет состав более чем впечатляющий, состоятельна, шансы израильтян оценивались совсем невысоко.

Однако тренер гостей «не закрыл» игру, предоставив своим футболистам действовать согласно ситуации. Хайфский клуб продемонстрировал уверенную и интересную игру. Стоит выделить ветерана Янива Катана, направлявшего игру в атаке, и защитника Декеля Кейнана – сурового и находчивого футболиста. Сначала повели в счете израильтяне – отличился ударом головой правый полузащитник Мухаммед Гадир. Затем немецкий форвард Зальцбурга 35-летний Циклер сравнял результат – ему не оставалось ничего иного, как забить. Элиша Леви сделал замены в составе. Эти вышедшие на замену игроки отличились в создании решающего гола. Лиор Рафаэлов мягко отдал между защитниками хозяев мяч на выход Арбитману, который на скорости с острого угла забил победный гол. 2:1 в пользу «Маккаби». Сенсация в европейском футболе получила достойное завершение. Арбитман доказал, что его атакующий потенциал начинает воплощаться в столь ожидаемые болельщиками и тренерами голы.

Владимир Двалишвили (Хайфа) и Франц Шимер (Зальцбург). Отборочный матч Лиги чемпионов. Зальцбург

Теперь оба соперничающих клуба ожидала ответная игра в Израиле. Победитель, напомним, выходил в групповой турнир Лиги чемпионов. Интерес к матчу, как и можно было предположить, оказался огромным. Все 34 тыс. билетов на встречу, проходившую на Национальном стадионе в Рамат-Гане, были проданы заранее. Хайфа второй раз в своей истории, в случае успеха, могла обеспечить себе выход в групповой турнир Лиги чемпионов. Справедливости ради отметим, что израильская команда выглядела лучше австрийской на всех позициях. Вот это и надо было доказать в Израиле.

«Маккаби» (Хайфа) сумела переиграть дома австрийский клуб достаточно уверенно, без особого напряжения выиграв со счетом 3:0 и выйдя в групповой турнир Лиги чемпионов – огромное достижение команды, сумевшей повторить успех 2002 года. Голы забили Владимир Двалишвили (31 мин), Эяль Гуляса (57 мин) и Мухаммед Гадир (90 мин).

В групповом турнире «Маккаби» сыграет с «Баварией» (Мюнхен), «Ювентусом» (Турин) и «Олимпиком» (Бордо). Соперники очень серьезные, и представлять их лишней раз не стоит. Скажем только, что Хайфа готова к групповому турниру Лиги чемпионов и намерена сражаться с максимальной отдачей.

Но и другие израильские клубы, выступавшие в Европейской лиге, порадовали игрой и результатами. Особенно это касается команды «А-Поэль» (Тель-Авив) и клуба «Бней-Йеуда». Хотя команда из квартала Шхунат-Атиква проиграла знаменитому сопернику «Эйндховену» оба матча с одинаковым счетом (0:1), но все равно показала достойную игру очень хорошего качества. Опять блистал на поле 21-летний форвард «Бней-Йеуды» Элиран Атар, футболист сложной судьбы и огромного спортивного дарования, который наконец получил приглашение в сборную страны.

Эяль Гуляса (Хайфа) и Кристиан Швеглер (Зальцбург). Отборочный матч Лиги чемпионов. Зальцбург

«А-Поэль», обыграв чешский клуб «Теплице», вышел в групповой турнир Лиги Европы. Соперниками тель-авивцев на этом этапе будут такие известные и сильные клубы, как «Гамбург» (Германия), «Селтик» (Шотландия), «Рapid» (Вена). В команде тренера Эли Гутмана выделяются несколько футболистов. Отметим яркого полузащитника Гили Вермута, защитников Деди Бен Даяна и Дани Бондаря, форварда Марвана Лала. Очень хорош и африканский вратарь Винсент Аньема. Клуб выглядит весьма серьезно и не будет простым соперником для европейских команд высокого уровня. В общем, в Израиле ожидается горячая футбольная зима.

Параллельно со всеми этими приятными событиями стартовал и очередной чемпионат Израиля по футболу. И уже на первом этапе выдался результативным и насыщенным – это несмотря на мрачные прогнозы специалистов.

Шестнадцать клубов Высшей лиги оспаривают золотые медали чемпионов страны, и во всех без исключения командах выделяются молодые израильские футболисты, удивляющие своим внезапным появлением, радующие болельщиков и специалистов.

Выясняется, что в стране есть неплохой клубный футбол. Его успех на международной арене, его авторитет вселяют известный оптимизм в сердца многих и многих болельщиков.

«НОРМАЛЬНОЕ ДЕЛО» КОЭНА

Борис Барабанов

Свой сайт есть у Бруно. Свой сайт есть у Бората. Свой сайт есть у Али Джи. Сайта нет только у Саши Барона Коэна – английского актера, который стоит за тремя, возможно, самыми успешными комическими масками нынешнего десятилетия. Принято считать, что самые смешные клоуны в жизни – субъекты серые и скучные. Саша Барон Коэн – пышущий здоровьем персонаж 37 лет, который, тем не менее, тоже прячется за спинами своих героев. Он редко дает интервью от своего лица, ему сподручнее говорить голосами персонажей. «Быть Боратом легко. А вот быть мной – так странно!» – сказал он однажды в интервью.

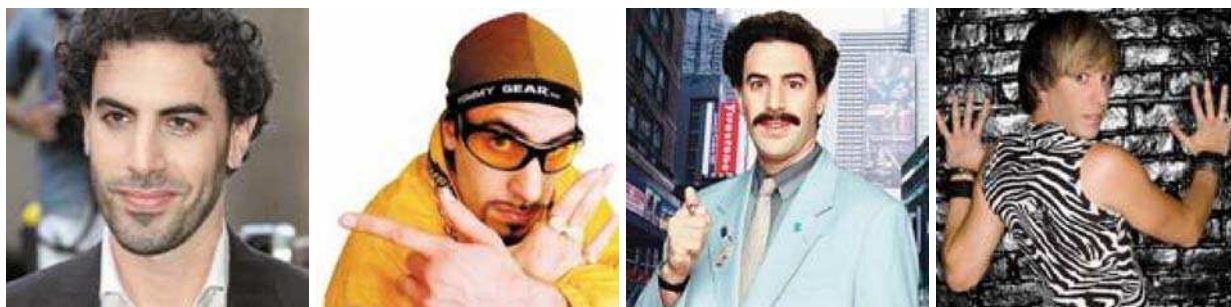
А ведь интересно было бы узнать, например, почему «Саша»? Не в честь ли, скажем, Пушкина? В нашем глобальном мире ничему не удивляешься...

Насчет имени точной информации нет. Доподлинно известно, что Саша Ноам Барон Коэн – один из трех сыновей уэльского еврея Джеральда Барона Коэна, державшего магазин мужской одежды в городе Стейнс в графстве Суррей, и Даниэллы Барон Коэн, еврейки с примесью иранской крови. Стейнс стал и родиной одного из самых известных персонажей актера – рэпера Али Джи, пытающегося жить в британской провинции так, будто это Южный Бронкс. Бабка Саши Барона Коэна по материнской линии до второй мировой была балериной в Германии, откуда сбежала в Израиль. «Это была последняя еврейка в Германии, получившая балетное образование», – рассказывал о ней в интервью внук.

Все интервьюеры отмечают, что Саша Барон Коэн – персонаж в высшей степени вежливый и скромный. Знатки легко распознают акцент образованных слоев Северного Лондона. «Если ваша дочь однажды приведет такого домой, вы поставите на стол чашки из своего лучшего сервиза», – писала «The Sunday Times». Известно, что Коэн старается соблюдать кашрут и посещает синагогу как минимум дважды в год. Изюм всех сил старается в пятницу вечером быть с семьей – насколько это возможно с его съёмочным графиком и образом жизни в целом. У него любовь в Лос-Анджелесе – там живет австралийская актриса Айла Фишер, с которой он обручен. В 2007 году, после трех лет углубленного изучения религиозных канонів, она приняла иудаизм, была представлена родителям Саши и в конце концов родила ему дочку. Тем не менее господин Коэн не считает, что получил в семье какое-либо исключительное религиозное воспитание: «Я горжусь своей еврейской идентичностью, я следую традициям и соблюдаю ритуалы, но без лишнего фанатизма». Что ж, в противном случае он бы вряд ли смог выдумать столь провоцирующе неполиткорректных персонажей, как те, что принесли ему мировую славу. Тем не менее, ведя вполне светскую жизнь, он находился, что называется, глубоко в теме. Получив образование в престижной частной школе в Лондоне, проведя год в кибуце «Рош а-никара» и поступив в Колледж Христа в Кембридже, он занялся изучением роли евреев в движении за гражданские права в США.

Генеалогия первого прославившегося на весь мир персонажа Коэна, хип-хопера Али Джи, берет начало во вполне еврейском контексте. Будущий актер сходил с ума от американского рэпа, а на бар мицве Коэна состоялся дебют созданной им с друзьями команды брейк-дансеров. Группа имела успех, и вскоре мать стала вывозить Сашу и товарищей на площадь перед лондонским рынком Ковент-Гарден, где традиционно

практикуются перед публикой уличные артисты. Подростки доставали из багажника куски линолеума и включали магнитофон. На настоящую сцену Коэн впервые вышел в студенческом театре в Кембридже, в спектаклях «Сирано де Бержерак» и «Скрипач на крыше». Коэн с детства был покори́т талантом Питера Селлера, впервые он увидел его в фильме «Розовая пантера» в возрасте восьми лет. Позже братья обратили его еще в одну веру – Коэн посмотрел фильм «Жизнь Брайана» труппы «Monty Python». Как и в случае с самими «пайтонами», радикальные комические эксперименты на грани дурного вкуса стали делом молодого человека с классическим английским образованием и воспитанием. Но если главными мишенями «Monty Python» были, преимущественно, христианская церковь и нравы консервативной Британии, то Коэн смеется над Америкой, телевидением, антисемитами и гомофобами.

Саша Ноам Барон Коэн и его герои – Али Джи, Борат, Бруно

Лицедейские навыки юноша оттачивал, изобретая самые невероятные способы бесплатно проникать на кембриджские балы с билетами по 120 фунтов. Коэн и его друзья, например, притворялись музыкантами группы, которая в этот вечер должна выступать на сцене. Позже молодой актер нередко заявлялся в клубы в образе вышибалы или драгдилера. Окончив университет, Коэн решил, что если в течение пяти лет не добьется успеха в шоу-бизнесе, то завяжет с потугами в этом направлении и займется «нормальным делом», например, пойдет работать в бар.

Однако, покинув альма матер, он практически сразу получил работу манекенщика, в качестве которого в начале 90-х засветился на страницах журналов мод. Так зародился образ австрийского телеведущего Бруно, которому спустя примерно 15 лет суждено было стать героем полнометражного фильма. Но первым персонажем Коэна, который получил телеэфир, был Джоселин Чидл-Хьюм, будущий Али Джи. Это был карикатурный диджей, срисованный с ведущего «Radio 1» Тима Вествуда. Тим работал в эфире в имидже гангста-рэпера, будучи сыном белого епископа. А предтечей Бората Сагдиева был албанский журналист Кристо. Саша Барон Коэн признавался, что прототипом Кристо и Бората был реально существующий доктор, которого он встретил на юге России. «После нашей встречи я просто рыдал от смеха», – рассказывал комик.

Однажды, снимая на улицах столицы очередной сюжет для «London Weekend Television», Коэн присоединился к группе скейтбордистов и вдруг почувствовал: подростки полностью уверены, что он – один из них. Окрыленный Коэн вскочил в стоявший неподалеку экскурсионный автобус, схватил микрофон и заорал: «Yo, check it out. I is here and this is me bus. Wooyakasha!» Потом вместе со съемочной группой завалился в близлежащий паб и стал танцевать брейк, после чего чопорные завсегдатаи вызвали полицию.

Вопрос о том, почему участники шоу Коэна не раскусывают его, «покупаются» на его розыгрыши, интригует не меньше, чем его жизнь за рамками образа. В Англии это

работает просто. Оружие хип-хопера Али Джи и казахского журналиста Бората Сагдиева – вежливость. Люди из английского upper class просто не могут себе позволить выставить их вон, как это сделали бы рабочие или большинство представителей среднего класса. Коэн стучится в двери дорогих особняков, его вместе со съемочной группой приглашают в дом, и актер доводит ситуацию до предела абсурда. Та же ситуация – на американском Юге, только там он эксплуатирует не аристократические традиции, а «дремучий патриотизм» невольных героев его сцен. Южане в США не только крайне гостеприимны, но и готовы часами изливать гордость за свою страну, пусть даже совсем не знакомому человеку.

Так предпочитает объяснять свой фокус сам Коэн. На деле же, надо сказать, механизм работает несколько иначе. Герои коэновских «разводок» большую часть времени общаются с «режиссерами» и «продюсерами» шоу – вполне цивилизованными людьми с правильным произношением. Рэпер с эспаньолкой, австрийский гей или казах в мешковатом костюме поначалу фигурируют как периферийные участники процесса – ассистенты или что-то вроде того. И лишь когда включается камера, эти фрики оказываются на переднем плане. В увертюре интервью идут вполне корректные вопросы, и лишь потом Коэн устраивает свои фирменные провокации.

Недюжинное актерское мужество Коэна иллюстрирует следующий случай. Однажды он появился в образе Бруно перед шестидесятитысячной толпой футбольных болельщиков в Алабаме. Как только он взял в руки микрофон, толпа взревела, в его адрес посыпались плевки и ругательства. Ситуация накалялась, актер понял, что, если он хочет выбраться живым, ему не обойтись без помощи заранее нанятого телохранителя. И в этот момент увидел в толпе затылок удирающего со всех ног бодигарда. Позже Коэн воспроизвел этот момент в фильме «Бруно» – там австрийский красавчик, пытаясь перековаться в натурала, принимает участие в состязании рестлеров.

Телевизионное «Da Ali G Show», в рамках которого перед публикой предстали Али Джи, Борат и Бруно, стартовало в 2000 году. Первой частью кинотрилогии Саши Барона Коэна был фильм «Ali G In Da House» (2002), который вышел только на DVD, но в итоге стал полноправной частью мифологии комика и даже был показан по российскому ТВ. «Борат» (2006) собрал 260 млн долларов. Суммарные сборы выпущенного в 2009 году полнометражного фильма о Бруно пока насчитывают 137 млн долларов. И это при том, что ленты Коэна не назовешь блокбастерами. Они сняты в стилистике «мокьюментари» – подделки под документалистику. Часто кадр с Коэном – это почти любительская по качеству, трясущаяся картинка или унылая съемка со штатива. Но зрители ходят на его фильмы не за яркими красками и даже не за какими-то особо искрометными шутками. Сюжеты Саши Барона Коэна – это, скорее, прививки против недугов, которые подтачивают англосаксонский мир не слабее СПИДа или рака. Ксенофобия, религиозное мракобесие, тщеславие, болезненная зависимость от масс-медиа – Коэн находит эти вирусы в самой истории британской, американской и континентальной европейской цивилизации. Конечно, когда он говорит, что устал от своего метода, и зрители вычисляют его рожу под любой маской, верить до конца не стоит. По слухам, следующим его персонажем станет певец, выступающий на конкурсе «Евровидение».

СЕМЕН ФАРАДА. КЛОУН-АРИСТОКРАТ

20 августа в московском военном госпитале имени Вишневого на 76-м году от сердечно-сосудистой недостаточности скончался актер театра и кино Семен Фарада (Фердман).

Он родился 31 декабря 1933 года в семье, переехавшей в столицу из Житомирской области. Его отец, Лев Соломонович Фердман, был офицером-артиллеристом, мама, Ида Давыдовна Шуман, – фармацевтом. Семен играл в школьной самодеятельности, но родители категорически возражали против того, чтобы их сын стал актером, считая это немужской профессией. Фердман решил поступить в Бронетанковую академию, однако оказалось, что абитуриент должен иметь не ниже второго разряда по легкой атлетике. Огорченный юноша отдал документы в первое попавшееся по ходу трамвая учебное заведение – Бауманское училище. Вступительное сочинение на тему «Сталин – это мир во всем мире» он честно списал со шпаргалки, но проверяющие, сочтя, что советский инженер-механик по котельным установкам не может носить фамилию Фердман, добавили в текст дюжину ошибок. Лишь настойчивость мамы, добившейся через Министерство образования переэкзаменовки, позволила Семену поступить. Вскоре, впрочем, он из училища вылетел – обнаружилось, что задания по начертательной геометрии за него делает один из преподавателей, – попал на флот и несколько лет провел в армейском ансамбле.

По возвращении из армии Семен окончил училище и семь лет проработал по специальности, параллельно играя в Театре-студии при МГУ «Наш дом». В 1968 году вышел первый фильм с его участием, а через три года, снимаясь на Таджикской киностудии в картине «Гвардейцы, вперед!», он получил ультиматум: его фамилия в титрах появиться не может. Так Фердман превратился в Фараду (с ударением на втором слоге). Через некоторое время актер поменял паспорт и другие документы, сделав псевдоним своей фамилией.

В 1972 году Фарада был приглашен Юрием Любимовым в Театр на Таганке, где прослужил почти три десятилетия, сыграв в «Гамлете», «Мастере и Маргарите», «Добром человеке из Сезуана»... Одной из лучших его театральных работ считается роль мальчика-крипача, затюканного педагогом Загурским, в спектакле «Пять рассказов Бабеля».

Фарада всегда недоумевал, рассказывая, как закрепился в амплуа комика: «Не знаю, на самом деле я не такой, не весельчак уж точно». «Он в жизни человек замкнутый, даже мрачноватый», – подтверждает его жена, актриса Марина Полицеймако. Главной своей

киноролью он считал роль портного Хаймовича из фильма Эфраима Севелы «Попугай, говорящий на идиш». Впрочем, зрители едва ли с ним согласятся: для них Фарада навсегда останется тромбонистом из рязановского «Гаража», губернатором из «Дома, который построил Свифт», главнокомандующим из «Того самого Мюнхгаузена», псевдолекарем из «Миллиона в брачной корзине» и, конечно, Маргадоном из «Формулы любви» – недаром эта роль едва ли не целиком разошлась на цитаты, а песня «Уно моменто» стала визитной карточкой артиста.

Практически все говорившие и писавшие о Фараде отмечали, что в самых смешных его ролях фарсовость и гротесковость игры контрастировали с большими печальными глазами актера. Его «экслюзив» был в сочетании почти пародийной внешности «гостя с Юга» и внутреннего аристократизма, неизменно сквозь эту внешность просвечивавшего. В итоге возникало то фирменное противоречивое единство актерского образа, которое Марк Розовский обозначил как «лирический идиотизм».

В последние годы Фарада не снимался из-за проблем со здоровьем. В 2000 году, через день после смерти близкого друга Григория Горина, у него случился обширный инсульт. Спустя два года актер сломал шейку бедра. Последовали несколько операций, затем второй инсульт, после которого Фарада практически постоянно находился в больнице... «Там, где сейчас Семен, труппа подобралась намного лучше, чем здесь», – сказал на церемонии прощания Леонид Ярмольник.

Михаил Майков

СОФЬЯ КОГАН. БОЛЬШАЯ КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ

8 сентября (19 элула 5769 года) в Москве скоропостижно скончалась рабанит Софья Семеновна Коган, жена раввина синагоги на Большой Бронной Ицхака Когана.

Реб Ицхак рассказывал мне, как с женой Софой навещал Иду Нудель, известную правозащитницу. В конце 70-х советская власть проводила громкие процессы над евреями, посмеявшимися заявить о своем праве на родную культуру и традиции, на выезд в Израиль. Ида получила четыре года ссылки. Места, где предстояло их провести, были гнилые, условия жизни соответствующие... А реб Ицхака судьба берегла. Он был на свободе и всегда действовал. Первый раз он поехал к Иде один. Отвез ей теплую одежду, запас еды. А она пожаловалась, что не вполне здорова по-женски и попросила по возможности привезти к ней врача.

Снова подходило время ехать к Иде – в тех краях только раз в году небольшой промежуток времени можно было добраться до ссыльных, а смельчака среди врачей найти не удавалось. За это можно было лишиться работы на долгие годы, да и дорога была по силам разве что отчаянным. Тогда реб Ицхак спросил жену, отличного стоматолога: может, она согласится поехать с ним?..

Софа была необычайно трудолюбивой и добросовестной смолоду. Это редкий пример человека, набело жившего всю жизнь. Довольно аскетичная, строгая в первую очередь к себе, она была не просто женой своего мужа. Познакомившись с Коганами в начале 90-х, я впервые наблюдала феномен Служения Жены...

Она была хорошо образована в медицине и, конечно, согласилась. Двух дочек оставили на бабу Еву, маму Софы. А нагрузились оба так, что дюжий реб Ицхак надорвался. У Софы был огромный рюкзак, но она не жаловалась. Хоть самой нездоровилось, все испытания перенесла в дороге стойчески. А дома выяснилась причина ее недомоганий: беременность. У Коганов появилась третья девочка.

Прошли годы, и я видела, как, затаив дыхание, Софа слушала ее уроки. Мать собирала у себя дома женщин, а дочь давала им уроки по традиции.

У Коганов все дети сильные по жизни, упертые в традиции. Три дочери и два сына. Один из мальчиков приемный: Софа привезла подростка сироту из Чернобыля, где после аварии на АЭС реб Ицхак организовывал вывоз детей из опасной зоны. У Софы было очень большое материнское сердце. Сколько людей благодарны ей за поддержку!..

А младший у Коганов сын Йосеф. Долгожданный сын, свет в окошечке. Когда пришло время ему жениться, Софа трепетала: был бы счастлив!.. Мало ей других дел – взялась перестраивать женскую микву. Эта новая для нее работа стала как молитва о чистой семейной жизни сына...

Как магнит, Софа притягивала единомышленниц: кто давал цдаку, кто картины рисовал, кто советовал, какие выбрать материалы... Миква получилась богатой – шикарной! Особым великолепием отличалась в ней комната невесты. Даже не верилось, что всю эту роскошь собрала сама Софа, женщина, никогда не позволявшая себе излишеств. Что она всегда позволяла себе с лихвой, так это трудиться. Никогда не видела ее праздной, самодовольной, горделивой, хотя у нее всегда было чем гордиться! При встрече улыбнется, ответит на приветствие – и снова с головой в дела. Какие неустанные и честные у нее были руки!..

О Софе Коган трудно говорить в прошедшем времени. Она останется жить во многих сердцах. Полная сил, стоически терпеливая, мудрая, добрая... Многому учит ее пример. Даже память о ней согревает...

И вот еще чем восхищает ее феномен – это замечание принадлежит Мойше Рохлину, с пяти лет бывавшему в доме Коганов. Многим нам свойственен внутренний диалог со своим еврейством. Порой, увы, почти по Фрейдю, как Я и Оно... У Софы такого не было. Ее еврейство было необычайно цельным с личностью. Как драгоценный бриллиант, она была еврейкой чистой воды. Да простят мне пафос.

Рахель Немира

Авторы номера

Борис Барабанов (р. 1973) журналист, музыкальный обозреватель Издательского дома «Коммерсантъ».

Жанна Васильева арт-критик, сотрудничает в изданиях «Литературная газета», «Сегодня», «Персона» и др.

Йеуда Векслер (р. 1946) композитор, музыковед, писатель и переводчик. В его переводах издано более 40 книг.

Майя Волчек историк, журналист, кинокритик. Печаталась в журналах «Цветной телевизор», «GQ», в газете «Труд» и др.

Матвей Ганапольский (р. 1953) журналист, теле- и радиоведущий. Лауреат многочисленных журналистских премий: финалист «Тэффи», премии Международной конфедерации журналистских союзов, премии кинофестиваля «Золотой овен».

Евгений Голубовский (р. 1936) заместитель главного редактора альманаха «Дерибасовская–Ришельевская», вице-президент Всемирного клуба одесситов. Составитель сборников «Венок Ахматовой», «Венок Пастернаку», «Венок Мандельштаму», изданий В. Жаботинского, Х.-Н. Бялика и др.

Хаим Граде (1919–1982) один из крупнейших еврейских писателей XX века. Писал на идише. Получил светское и традиционное еврейское образование. Дебютировал как поэт, был членом литературной группы «Юнг Вильне». Автор сборников стихотворений, рассказов и романов «Безмужняя жена», «Цемах Атлас», «Немой миньян».

Валерий Дымшиц (р. 1959) антрополог, этнограф, литературовед, переводчик с идиша, английского и немецкого («Тяжба с ветром» [Антология еврейской литературной сказки], Ицик Мангер, «Книга рая»), директор центра «Петербургская иудаика». Член редколлегии журнала «Народ Книги в мире книг».

Фридрих Дюрренматт (1921–1990) драматург, прозаик и публицист. Лауреат многих литературных международных и национальных премий, в том числе Мольеровской (1957), Шиллеровской (1959), австрийской Государственной премии и др.

Марк Зайчик (р. 1947) прозаик («Сделано в СССР», «Иерусалимские рассказы»). Печатался в журналах «Континент», «22» и др.

Марина Карпова преподаватель, переводчик, автор учебно-методических пособий по преподаванию еврейской традиции и классических текстов.

Борис Клин (р. 1970) журналист, обозреватель газеты «Известия». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2006».

Аркадий Ковельман (р. 1949) историк, заведующий кафедрой иудаики Института стран Азии и Африки при МГУ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура».

Михаил Крутиков (р. 1957) профессор славистики и иудаики Мичиганского университета (Энн Арбор, США), обозреватель нью-йоркской газеты «Форвертс». Автор монографии «Yiddish Fiction and the Crisis of Modernity, 1905–1914», сопредатор трех сборников статей о культуре на идише. Сопредатор журналов «East European Jewish Affairs» and «Prooftexts».

Евгений Левин (р. 1973) журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Афанасий Мамедов (р. 1960) прозаик («Хазарский ветер», «Фрау Шрам»), журналист.

Ольга Минкина историк, гебраист. Автор публикаций по истории и культуре евреев Российской империи конца XVIII – начала XIX века.

Рахель Немира журналист, сотрудничала в изданиях «Наука и религия», «Огонек», «Книжное обозрение», в московской редакции ТВ («Добрый вечер, Москва»).

Синтия Озик американская писательница, автор более десятка книг – романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

Александр Рапопорт (р. 1960) поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист.

Алексей Симонов (р. 1939) писатель («Солнечные берега реки Леты», «Злые песни Гийома дю Вентре»), сценарист и кинорежиссер («Мир Улановой», «Отряд», «Процесс»), правозащитник. Президент Фонда защиты гласности и вице-президент Русского ПЕН-центра.

Юрий Табак (р. 1955) историк, переводчик, религиовед («Православие и католичество», учебник «История религий», «Сумерки шовинизма» [сб. статей], «Основные догматические обрядовые расхождения»).

Светлана Шенбрунн писатель и переводчик с иврита, автор романа «Розы и хризантемы» (шорт-лист премии Букер-2000). Переводила израильских писателей А. Аппельфельда, Д. Гроссмана, Й. Бар-Йосефа, А. Оза.

Адин Эвен-Израэль (Штейнзальц) (р. 1937) раввин, педагог, ученый, почетный доктор ряда университетов Израиля и США. Основатель новаторских учебных заведений и просветительских организаций в Израиле и СНГ, в том числе Института изучения иудаизма (1990). В 1988 году удостоен высшей награды еврейского государства – Премии Израиля.

Михаил Эдельштейн (р. 1972) филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Печатается в «Русском журнале», «Политическом журнале», «Новом мире» и др.

Олег Юрьев (р. 1959) поэт, прозаик («Франкфуртский выстрел вечерний», «Винета» и др.), драматург («Мириам», «Маленький погром в станционном буфете» и др.), переводчик. Участник ленинградского неофициального объединения «Камера хранения».